

Российская академия наук
Социологический институт
Санкт-Петербургский государственный университет
Факультет социологии

СИ. ГОЛОД
Что было пороками,
стало нравами

Лекции
по социологии сексуальности

Научно-издательский центр
«Ладомир»
Москва

ПРЕДИСЛОВИЕ

Под влиянием каких обстоятельств возникла мысль написать эту книгу?

В конце 20-го столетия Россию захлестнул бурный, но, увы, по преимуществу мутный поток изданий, посвященных человеческой сексуальности. Впечатляющие, по-настоящему ценные книги появлялись достаточно редко. В их числе я назвал бы в первую очередь переиздания классических произведений о любви и эросе: «Пир» Платона, «Об Эроте» Плутарха, «Две любви» Лукиана, «Опыты» М. Монтеня, а из новых переводов — «Волю к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности» М. Фуко и, с некоторыми оговорками, — монографию американки Л. Энгельштейн «Ключи счастья. Секс и поиски путей обновления России на рубеже XIX—XX веков». Помимо этого, необходимо упомянуть получившую положительный отклик в научном сообществе (см.: Аристархова 1998) антологию «Социология сексуальности», в которой представлены два исследовательских уровня: теоретический (переводы работ Э. Гидденса, Н. Лумана, А. Риса и А. Бежена) и эмпирический (общенациональные французский и финский опросы). Нельзя не отметить из российских авторов, уже ставшего классиком, — В.В. Розанова (см.: Розанов 1990), а из современников — И.С. Кона (см.: Кон 1988; Кон 1997), И.А. Голосенко (см.: Голосенко, Голод 1998) и, смею думать, автора этих строк (см.: Голод 1996).

Другие исследовательские проекты, к сожалению, отличаются либо фрагментарностью, либо пренебрежением к продуманным концептуальным построениям, что подчас пытаются закамouflировать использованием так называемых «качествен-

© С.И. Голод. Монография, 2005.
ISBN 5-86218-404-X © Научно-издательский центр «Ладомир», 2005.

Репродуцирование (воспроизведение) данного издания любым способом без договора с издательством запрещается.

ных» методов исследования (нарративные интервью, письма и т. п.) (см.: Тёмкина 1999). Завороженные конструктивистской парадигмой, авторы подобных трудов начисто забывают о существовании социальной реальности со всеми ее закономерностями, на что, кстати, обратил внимание один из теоретиков этого направления – П. Бергер. Некоторые социологи, с его точки зрения, настолько увлеклись методологическими проблемами, что утратили всякий интерес к обществу, «в результате ни в одном аспекте социальной жизни они не могут найти ничего существенного, поскольку в науке, как и в любви, концентрация на технике ведет к импотенции» (Бергер 1996: 20).

Цель данной книги – более или менее систематически представить читателю сюжеты, отражающие историю и теорию становления социологии сексуальности в нашей стране. И здесь при рассмотрении трансформации сексуальных практик выделены четыре последовательных периода:

- эмансипация сексуальности (рубеж XIX–XX вв.);
- «дионисийство» (20-е гг. XX в.);
- «евнуховидность» (1930–1960-е гг.);
- «сексуальный ренессанс» (последняя треть XX в.).

Понятно, что изменения сексуальной морали и эротических практик в России происходили не изолированно от других стран. Отсюда, когда этого требовала логика изложения материала, привлекались данные зарубежных исследований.

И еще одно принципиальное соображение. В одной из своих публикаций И.С. Кон высказал хотя и банальную, но от этого не ставшую менее справедливой, мысль о важности учета угла зрения, под которым обсуждается сексуальность (см.: Кон 1996: 7). Скажем, с позиции трансформации брака либо в рамках проблемы проституции или же в контексте пересмотра юридических норм педофилии. Я принадлежу к тем исследователям, кто, размышляя о превратностях сексуальной морали, отталкивается от особенностей исторического статуса института семьи. Проще говоря, с моей точки зрения, состояние и эволюция принципиальных основ семьи оказывают влияние на сексуальность и структуру эротических практик.

Монография могла состояться только благодаря тому, что автор, с любезного согласия деканов факультета социологии

СПбГУ профессоров А.О. Бороноева и Н.Г. Скворцова, несколько лет читал пятикурсникам специальный цикл лекций «Социология сексуальных отношений». По понятным причинам лекционный курс составил лишь основу окончательного текста, который на протяжении ряда лет тщательно перерабатывался и дополнялся новыми идеями и эмпирическим материалом.

*С. Голод
Санкт-Петербург*

Моему внуку Кириллу посвящаю

<...> попытка говорить о сексе свободно и принимать секс в его реальности столь чужда основной линии всей, теперь уже тысячелетней, истории и к тому же столь враждебна присущим власти механизмам, что затея эта, прежде чем достичь успеха в своем деле, обречена на долгое топтание на месте.

Мишель Фуко

Глава 1

ЭМАНСИПАЦИЯ СЕКСУАЛЬНОСТИ В РОССИИ: РУБЕЖ XIX–XX ВЕКОВ

Вплоть до 19-го столетия в России ансамбль сексуальных практик регулировался помимо правил, детерминированных обычаями, двумя кодексами: христианским (каноническим правом и христианским пастырством) и законодательным (гражданским и уголовным). Они фиксировали, каждый по-своему, разделение на законное и незаконное в этих вопросах. Важное обстоятельство: как обычаи, так и кодексы были *центрированы на матримонциальных отношениях*. Говоря упрощенно, осуждались и нарушение супружеского долга, и поиск нешаблонных удовольствий: в реестре прегрешений числились, различаясь лишь по степени значимости, адюльтер, зоофилия, инцест, педофилия и даже избегание репродуктивной финальности (наиболее известным «мошенничеством» считался прерванный половой акт – *coitus interruptus*). Суды с одинаковой вероятностью могли вынести приговор как за гомосексуализм, так и за адюльтер, как за браки «самокруткой»¹, так и за скотоложество.

Со второй половины XIX века, в связи с интенсивным формированием нового общества – буржуазного, снижается, хотя и не без сопротивления, вмешательство института Церкви в супружескую сексуальность и деторождение². Наблюдатели отмечают медленное и противоречивое рождение зачатков автономии имманентных правил сексуальности от со-

¹ Самокрутка – брак, заключенный без согласия родителей.

² В западноевропейских научных анналах эту трансформацию датируют концом XVIII в.

ответствующих законов матримониальности. Так, М. Фуко высказал по поводу этой тенденции осторожную гипотезу: «Было бы неточностью сказать, что диспозитив сексуальности заменил диспозитив супружества. Можно вообразить, что однажды, быть может, он его и в самом деле заменит» (Фуко 1996: 210).

В отмеченных условиях перенять инициативу рационального осмысления и контроля сексуальности, придать ей светский характер оказались способными медицина (перверсии, неврозы, отчасти, проституция), право (гомосексуализм, инцест и та же проституция) и педагогика (мастурбация, абстиненция). Каков же вклад в обсуждаемую тему каждой из наук?

Медицина. Большим шагом вперед, без сомнения, явился факт освещения тематики, связанной с эротикой, с нейтральных позиций. Но даже медицина пола, в силу живучести предрассудков, не желала изучать сексуальность как таковую, касаясь главным образом перверсий, отождествлявшихся ею с «преступлениями против нравственности». Это была наука, подчиненная императивам иудео-христианской морали, которую она и воспроизводила в форме разновидностей медицинской нормы.

Для психиатров XIX века (Р. Крафт-Эбинг, А. Молль, Х. Эллис, П. Ковалевский) критерием нормы в обсуждаемой области служила «естественность» направленности влечения. Естественной, т. е. нормальной (не только в физиологическом, но и в моральном смысле), признавалась такая сексуальная практика, которая реализовывалась с лицом противоположного пола и преследовала прокреативную цель. С другой стороны, неестественным (и, следовательно, аморальным) считалось влечение, направленное как на лицо своего пола, так и противоположного с установкой на получение удовольствия. Сдержим же слезы. Здесь высветилось, прямо скажем, не какое-то специфическое «психиатрическое» виденье, напротив, для эпохи господства христианских ценностей описанный стереотип был скорее правилом, чем исключением. Показательно в этом смысле высказывание кенигсбергского философа. «Цель природы, — писал И. Кант, — в совокуплении мужчин и женщин, — в продолжении, то есть сохранении, рода; поэтому, по меньшей мере, нельзя действовать против этой цели. Но позволительно ли, не

принимая во внимание эту цель, такое совокупление (даже если это происходит в браке)?» (Кант 1965: 363)¹.

Вместе с тем, считая гомогенные отношения безнравственными, некоторые психиатры старой школы, к примеру Л. Левенфельд, признавали, что «гомосексуальная любовь в смысле эмоционального состояния так же нормальна, как и гетеросексуальная» (Левенфельд 1912: 204). Еще дальше продвинулся в пересмотре указанного положения, опираясь на анализ case study (отдельных случаев) из медицинской и судебных практик, российский гинеколог Ип. Тарновский. Существуют на свете женщины, замечал он, вполне нормальные во всех отношениях, однако наделенные природой необыкновенной склонностью к собственному полу. Такое извращение сексуального чувства: «непонятное, странное, неестественное обыкновенному человеку», для самих этих женщин вполне естественно и не только не вредно, но даже, напротив, удовлетворяет их физиологическую потребность. Мало того, характеризуя «активное лесбиянство» как природную аномалию, врач — в отличие от многих своих коллег — не идентифицировал его с вырождением (см.: Тарновский 1895: 27).

Противоречивость позиций медиков, проистекавшая из амбивалентности критерия сексуальной нормы, не могла остаться вне критики. Воспроизведем два рассуждения по этому поводу, в принципе дополняющих друг друга.

Взгляд Вл. Соловьева представляет значительный интерес, и потому изложим его подробнее, большей частью словами самого автора. Согласно этому философу 19-го столетия, основная слабость психиатров — это расплывчатая и туманная трактовка понятия нормы: те влечения, которые сравнительно редки, признаются патологией, требующей лечения, а те, что репрезентативны, предполагаются нормальными. Заостряя проблему дуализма телесного и экспрессивно-нравственного в сексуальности, Соловьев в качестве образца анализирует поведение фетишиста. Линия его рассуждения такова. По-видимому, ненормальность фетишиста определяется тем, что здесь часть подменяет целое, явление — сущность. Возбуждающие актора, скажем, ноги или волосы — суть части тела, но ведь и

¹ Отождествление сексуальности и прокреативной финальности присуще отдельным специалистам (демографам и социологам) до сих пор.

само тело, как известно, только часть человеческого существа. Однако многочисленные поклонники женского тела как такового не называются фетишистами, не квалифицируются психопатами и не подвергаются лечению. В чем же тут различия? — задается вопросом наш мыслитель. И отвечает. Если ненормально то сексуальное влечение, в котором часть ставится на место целого, то мужчины, покупающие тело женщины для релаксации и отделяющие тем самым его от души, должны быть признаны некрофилами. «Незаглушенная совесть и незагубленное эстетическое чувство», безусловно, не могут не осуждать всякую сексуальную связь, основанную на обособлении «низшей животной сферы» человеческого существа от «вышей». Вне принципа единства телесности и душевности, продолжает философ, невозможно найти твердого критерия для отличия нормального от аномального в сексуальности. В самом деле, если потребность в известных физиологических актах имеет право на удовлетворение во что бы то ни стало только потому, что это потребность, то совершенно такое же право на удовлетворение, по меткому замечанию автора «Смысла любви», имеет и потребность фетишиста, для которого вождельными предметами оказываются, к примеру, висящие на веревке те или иные принадлежности женского туалета. Влечение к белью, настаивает Вл. Соловьев, натуральное, неподдельное, ибо никаких фальшивых мотивов для этой склонности придумать невозможно, тогда как многие мужчины посещают публичные дома вовсе не по действительной в том нужде, а из ложных гигиенических соображений или из подражания дурным примерам. Обычно осуждаются психопатические проявления сексуального чувства, подводит черту наш моралист, на основании их несоответствия естественному назначению полового акта, а именно — продолжению рода. Утверждать, что любой из предметов женского туалета может непосредственно служить производству потомства, было бы, конечно, абсурдом; но едва ли менее абсурдным будет предположение, что этой цели соответствует институт публичных женщин. «Естественный» разврат, несомненно, так же противен деторождению, как и «противоестественный», так что и с этой точки зрения нет ни малейшего основания считать один из них нормальным, а другой аномальным (см.: Соловьев 1994: 330–332).

Дополняя и развивая магистральную линию исканий Соловьева, его младший современник — Н. Бердяев рассуждал так: невозможно, опираясь на научное знание, провести четкую границу между «нормальным» и «естественным» в сексуальности и «ненормальным» и «противоестественным». Это разграничение зиждется на морали, в которой всегда так много конвенционального. С философской точки зрения, утверждал мыслитель, должна быть отброшена категория «естественности» как критерий добра и зла. И заключал: никогда еще не были так распространены всякие уклонения от естественности, никогда не было такого ощущения и осознания бисексуальности человека, как сегодня. То, что принято называть «извращением» пола, утончается и углубляется. Нормальная и естественная половая функция есть продукт дифференциации сексуальной жизни, разлитой во всем телесном и духовном существе человека. Мы, прозорливо провозглашает философ, вступили в эпоху мирового потрясения пола, «в кризисе этом рвется человек к свободе из родовой стихии» (Бердяев 1989: 415)¹. Есть основания полагать, что столь глубокое видение проблемы сложилось у Бердяева не без опосредованного влияния зарождающегося психоанализа. Сам философ, преисполненный уважения к основателю учения, писал: «У Фрейда нет обычной психиатрической затхлости, у него есть свобода и дерзновенные мысли. Фрейд научно обосновал ту истину, что сексуальность разлита по всему человеческому существу и присуща даже младенцам» (Бердяев 1989: 563).

На протяжении многих лет медицина пола и юриспруденция сопрягали так называемые сексуальные аномалии с наслед-

¹ Несколько позднее справедливость обсуждаемого тезиса была обоснована российским психиатром П. Ганнушкиным: «Можно считать установленным, что у очень большой части людей зло, которое они причиняют другим, вызывает у них чувство сладострастия; с другой стороны, не нужно рассматривать как психически больных или дегенератов всех тех, у кого сексуальные функции сопровождаются актами жестокости. Эти два основных положения позволяют нам констатировать непрерывность между нормальными сексуальными функциями и фактами из сексуальной жизни, которые известны в специальной литературе под именем садизма, активной альголагии*, лягненомании**, эротического тиранизма и т. д.» (Ганнушкин 1964: 85–86).

*Альголагния (или амолагния) — сексуальное удовлетворение, испытываемое при причинении психической либо физической боли половому партнеру или в связи со страданиями, вызываемыми половым партнером.

**Лягненомания (или лагненомания) — одна из разновидностей перверсий (нарушений сексуального общения) садомазохистского круга.

ственной предрасположенностью и вырождением. В отличие от них уклонения от нормы Фрейд выводил из расстройств в развитии детской сексуальности. По его убеждению, так формируются не только социально неполноценные типы (невротики, извращенцы), но также художественные дарования и все виды гениальности. Несмотря на первостепенное значение учений о толковании сновидений¹ и о бессознательном, общественное мнение, как известно, видит в лице австрийского психиатра преимущественно исследователя сексуальности и изобретателя технологии, сочетающей в себе а-ля христианскую исповедь и специфические клинические приемы.

Опубликование им в 1898 году положения о начале сексуальной жизни человека не со времени половой зрелости, а с момента рождения вызвало всеобщий взрыв негодования не только среди обывателей, но, что особо следует подчеркнуть, и среди коллег. З. Фрейдом было показано, что ликующий грудной ребенок насковзь сексуализирован, поэтому не знает никакой реальности и не признает никаких препятствий своему стремлению к удовольствию. Он пьян без вина. Ему доставляет блаженство сосание материнской груди. Здоровый младенец — в непрерывном, окрашенном чувством сладострастия движении. Разумеется, это бросалось в глаза и прежде. Однако сексуальная подоплека младенческих переживаний отрицалась. Позднее мэтр говорил ученикам, что, в сущности, следовало бы стыдиться этого открытия: явления существуют сами по себе, их надо было лишь увидеть (см.: Виттельс 1991: 94–96).

Согласно психоаналитическому учению, в раннем детстве половым органам еще не принадлежит первенствующее место.

¹ Фрейда нельзя отнести к первооткрывателям толкования сновидений сексуального характера. И до него уже предпринимались такие попытки. Наиболее известный «толкователь эротических снов» — Артемидор, «Сонник» которого стал памятником античности II в. Разумеется, цели и подходы к толкованию такого рода снов названными авторами различны, в то же время их объединяет опора на принцип изоморфизма. Анализируя указанный античный памятник, М. Фуко подметил: «хороший» половой акт, протекающий во сне, должен подчиняться общему принципу изоморфизма (см.: Фуко 1998: 38). В «Соннике», в частности, рассказывается: «Одному важному человеку, крупному откупщику налогов, приснилось, будто он совокупился с самим собой. Человек этот попал в очень трудное положение, запутался в долгах и покончил с собой. Его сон легко интерпретировать: он стал так одинок и беден, что был вынужден удовлетворить похоть на себе самом» (Артемидор 1991: 261).

Ребенку доставляют радость сладострастные ощущения, воспринимаемые всеми частями тела. Рот — первый и важнейший орган сладострастия, анус — второй. Блаженство, с каким насытившийся грудной младенец погружается в сон, есть наслаждение от полного желудка. Детская сексуальность выражается, с одной стороны, в самоудовлетворении без обращения к внешнему миру, а с другой — в том, что всё собственное тело — кожа, слизистая оболочка, мышцы, органы внешних чувств — рождает ощущение сладострастия. Иными словами, здесь сочетается *автоэротизм и пансексуальность*. Взрослый не утрачивает полностью пансексуальности. И всё же основное удовольствие достигается у него половыми органами — терминальное сладострастие; причем детская форма не исчезает полностью, а низводится до *предсладострастия*. Чем же объяснить, что до основателя психоанализа никто не замечал склонности грудных детей к эрекции и мастурбации, к раннему пробуждению интереса к собственным половым органам и половым органам товарищей, к переживанию душевных бурь любви: ревности, тоски и отчаяния? Бесспорно, наличие пансексуальности замечал не только он один, но пропустить такое «кошунственное» положение сквозь решетку сознания, а тем более настаивать на нем открыто решился, и то не сразу и не вдруг, только З. Фрейд. Мúки сомнений и противоречий при преодолении научных и общенравственных барьеров, по-моему, с большой убедительностью воссозданы в диалоге З. Фрейда с В. Флиссом в биографии основателя психоанализа, принадлежащей перу Ж.-П. Сартра.

Фрейд. Я не могу понять, зачем человек ваших способностей, берлинский специалист, приехал слушать мои лекции. Вам известно, что я даже не профессор. Простой преподаватель, и всё.

Флисс. Я пришел к вам благодаря вашей репутации.

Фрейд. Я преподаю анатомию мозга, любой ученый может делать это лучше меня.

Флисс. Вы прекрасно знаете, что не может. Допотопные ископаемые профессора, которые позанимали все места, разделяют мозг на многие тысячи мелких клеток. Каждая из них соответствует одному из наших жестов, одному из наших ощущений, одному из наших слов. Вы один из немногих в Европе, кто учит, что этих мелких клеток не существует, что всё дело — в их связях и динамике. Раскрою вам одну тайну. Брейер (венский врач и друг молодого психоаналитика. — С. Г.) сказал вам, что я — отоларинголог. Мне удалось выделить невроз. Если хотите, назальный невроз. Нос связан нервной связью со всеми други-

ми органами. Делая нечувствительной носовую полость, я устраняю расстройство кишечника. Естественно, они появляются снова, как только нос обретает свою нормальную чувствительность. Слушайте меня, дорогой друг. Я мог бы пойти дальше, если бы более основательно знал неврологию. Вы можете мне в этом помочь.

Фрейд. Я не способен... Не способен.

Флисс. Всё взаимосвязано, Фрейд. Нос и носовые нервы — это лишь ретранслятор. Всё находится под владичеством пола.

Фрейд. Пола?

Флисс. Биологическое развитие индивида контролируется и направляется его половыми органами. <...> Я знаю это, но доказать не могу. Вы должны мне в этом помочь.

Фрейд. Я хотел бы вам помочь... Надо столько мужества, чтобы осмелиться пересмотреть проблему... А у меня его нет... (Сартр 1992: 98–99).

Этот биографический рубеж достаточно точно подметил Ф. Виттельс: «Брюкке и Мейнерт, ученые, строившие свои теории на патолого-анатомической основе, и научные отцы Фрейда, должны были сперва закрыть глаза, чтобы их неудачное детище могло резко отвернуться от анатомии и физиологии» (Виттельс 1991: 56).

Право. Параллельно с медициной пола и психиатрией уголовное правосудие по необходимости также имело дело с сексуальными «отклонениями», воспринимавшимися всеми слоями населения по преимуществу как чудовищные и противоестественные (зоофилия, уранизм, трибадия¹, содомия, инцест, некрофилия, адюльтер). Нельзя считать случайным, что и в этой научной области к началу XX века произошли существенные подвижки.

В России был разработан, в частности, новый проект уголовного уложения, который, по словам одного из наиболее авторитетных юристов — В.Д. Набокова, явился «во многих отношениях смелым новаторством, отвечая тем самым на категорические запросы... современной жизни» (Набоков 1904: 87). В самом деле, кодекс 1903 года концептуально определил и клас-

¹ Трибадия (или трибадизм) — форма женского гомосексуализма, при которой половое удовлетворение достигается трением половых органов о различные части тела партнера либо при попытках имитации коитуса с введением клитора во влагалище.

сифицировал всю совокупность преступлений, совершаемых на сексуальной почве. Законодатель предпринял попытку переакцентировать внимание с проблем, связанных с внутрисемейными отношениями, на индивидуальные рутинные практики. Так, уголовный кодекс и церковное право пришли к единому мнению по вопросу трактовки кровосмешения как препятствия на пути ко вступлению в брак и как преступления, если оно имело место вне брака. Запретительный реестр сузился. Были признаны противозаконными сексуальные отношения исключительно между близкими родственниками по прямой линии, между детьми одних родителей и между ограниченным кругом родственников со стороны мужа и жены. Сохраняя отдельные санкции на инцест, светские власти приводили правовые положения в соответствие с нравственными требованиями Церкви. Вместе с тем, по словам Набокова, «нигде, кажется, кроме России, нет того, чтобы один по крайней мере вид кровосмешения приобрел характер почти нормального бытового явления, получив соответственное техническое наименование — “снохачество”» (Набоков 1904: 129). Поясню: хотя снохачество на самом деле имело значительное распространение, всё же его, по большому счету, нет основания идентифицировать с инцестом, поскольку отец мужа и жена младшего сына не родственники, а свойственники. Поэтому в данном случае нарушаются базисные семейно-моногамные устои (и христианские заповеди), но кровосмешение как таковое отсутствует.

И еще несколько важных новшеств кодекса начала XX века. Здесь, во-первых, статья о прелюбодеянии оказалась в разделе семейных преступлений; во-вторых, хотя и сохранилось положение о привлечении к уголовной ответственности акторов сексуальной интеракции, не составивших в браке, однако наказание предельно смягчалось: лишь при неординарных обстоятельствах предусматривался арест обоих партнеров, в то время как согласно предшествующему кодексу прелюбодеям грозило помещение в монастырь или продолжительное тюремное заключение. Помимо того, была декриминализована зоофилия.

На обсуждении проекта нового уложения, несомненно, сказалось как знание и адаптация дискусантами лучших образцов европейского законодательства, так и перmissive установки большинства либерально настроенных российских юристов и врачей (В. Набоков, Ип. Гарновский, П. Ганнушкин и др.)

относительно всей композиции сексуальных практик. Именно поэтому не могу согласиться с американским историком Л. Энгельштейн, которая, будучи типичной евроцентристкой и феминистской, при анализе состояния сексуальности в России обсуждаемого хронологического периода оценила это состояние как малоподвижное, заскорузлое и чуть ли не «крепостническое» (см.: Энгельштейн 1996: 259). Предвзятость удивительная. Следующий эпизод, на мой взгляд, позволяет говорить о многослойности в то время точек зрения и мнений деятелей медицины и права разных стран.

На V Международном съезде криминальной антропологии (Амстердам, 1901 г.) с одним из докладов «Положение ураниста в обществе» выступил представитель Италии — доктор Алетрино.

Прежде чем дать слово оратору, председательствующий заметил, что бюро съезда просило представителей прессы, во избежание распространения в «большой публике» сведений об этом щекотливом вопросе, не печатать в газетах отчет о предстоящем выступлении.

По словам итальянского медика, урининги (или ураны) не суть дегенераты и потому не должны причисляться к ненормальным людям. Задаваясь вопросом, почему перверсии внушают многим отвращение, докладчик предположил: скорее всего, одна из причин этого — общераспространенное, но ложное убеждение, будто бы *деторождение — единственная цель сексуальных отношений между лицами разного пола*. По убеждению этого врача, такой взгляд ошибочен и не выдерживает критики. Опираясь на данную гипотезу, докладчик обратился к научному сообществу с предложением признать за уринингами право на существование, наряду с прочими «нормальными» людьми. Согласно свидетельству П. Тарновской, участвовавшей в заседаниях конгресса, само выступление было встречено с недоумением и молчанием. В целом все возражения делегатов сводились к тому, что уранисты люди ненормальные, с извращенным половым чувством, считающимся одним из признаков вырождения; а посему у всех уравновешенных людей эти акторы могут вызывать лишь чувство гадливости и отвращения (см.: Тарновская 1901: 871–879, 925–933).

Большая терпимость к гомосексуалам отмечалась в России. Годом позже вышеупомянутый российский правовед открыто обозначил свою позицию «<...> с точки зрения юридической, не только принципиально, но и практически, вопрос о наказуемо-

сти мужеложества добровольного, между взрослыми, — должен быть решен отрицательно» (Набоков 1904: 145). Разумеется, наряду с таким взглядом в нашем отечестве были распространены и другие: «Как бы то ни было, — замечал, например, венедерматолог В.М. Тарновский, — но в случаях приобретенной педерастии наказание имеет основание» (Тарновский 1885: 76).

Еще одним «вечным» явлением, занимавшим умы врачей и юристов как Западной Европы, так и России, была *проституция*. Эта проблема, по словам серьезного российского исследователя данной сексуальной практики — М. Кузнецова, оставалась в конце XIX века далеко не решенной (см.: Кузнецов 1871: 1). Трудности, надо сказать, начинаются уже с определения самого понятия (см.: Голосенко, Голод 1998: 12–14).

Под проституцией (*лат. prostitute*, выставляться публично), начиная с французского врача А. Паран-Дюшатле, опубликовавшего в 1836 году первую научную работу на обсуждаемую тему (см.: Parent-Duchatelet 1836), понимается такая форма внебрачных сексуальных отношений, которая не основывается на личной склонности или чувственном влечении, при этом для одной из сторон (как правило, женщины) главным стимулом является заработок. Иногда акценты смещаются. Например, современный немецкий справочник дает такую дефиницию: «Проституция — сексуальная связь за плату. Тем самым половой акт сводится к чисто телесному процессу между партнерами, лишенному духовности» (JZZ 1982: 175). Обратим внимание на следующее: во-первых, между двумя частями определения стоит будто бы невинная синтаксическая конструкция «тем самым», которая на самом деле вносит неопределенность; во-вторых, нет и намека на внебрачный статус сексуальной связи. И то и другое оборачивается двусмысленностью: если проституцией обозначить все сексуальные контакты, сопровождающиеся материальным вознаграждением женщины, то, по меткому замечанию американского сексолога А. Кинзи, невозможно будет отличить ее от супружеского зроста, поскольку любой муж время от времени преподносит партнерше подарки (или, по меньшей мере, заработок) (см.: Kinsey 1948: 175–177). Строго говоря, хотя обе характеристики важны, всё же определяющая — мера духовно-эмоциональной вовлеченности. Только в этом случае «вознаграждение» приобретает дифференцирующее значение. Проститутка, согласимся с В.М. Тарновским, всегда готова продать «свои ласки первому

предлагающему цену», в отличие от нее страстная женщина часто меняет свои привязанности, «но всегда искренне, без обмана и расчета на выгоду» (Тарновский 1888: 137). Иначе говоря, для первой половой акт — средство (*sex as means*), для второй — цель (*sex as an end*).

И поныне не прояснен вопрос о моменте возникновения проституции. Можно ли проститутток, как это широко принято, причислить к «первой» или «древнейшей» профессии? Наш ответ: ни в коем случае. На чем же зиждется это заблуждение? Скорее всего, на недопонимании обычаев, религиозных ритуалов и принципов материнского права. Так, немецкий сексолог и культуролог И. Блох сближал проституцию с традицией вступления девственниц (по-видимому, весталок) в сексуальные связи в языческих храмах (см.: Блох 1911). Итальянский антрополог-криминалист Ц. Ломброзо в том же духе интерпретировал левират (см.: Ломброзо, Ферреро 1897). Проституция так называемого «гостеприимства» усматривалась даже у примитивных племен. Остановлюсь на этом явлении несколько подробнее, поскольку этот миф некритически воспроизводится вплоть до конца XX века (см.: Красуля 1991: 10–11).

Согласно полевым отчетам российского антрополога Л.Я. Штернберга, женщины-гилячки называют определенную группу мужчин — мужьями «пу» (или «ibh»), а те их, в свою очередь, — женами «аңгеј». Что из этого практически следует?

Все люди, связанные между собой наименованием «пу» или «аңгеј», имеют матримониальные права друг на друга. Мало того, они не только обладают, по обычаю, основанием на вступление в брак, но и сохраняют право на «параллельные» сексуальные связи. Чаще пользовались последним братья мужа и другие ближайшие родственники, реже — пришлые мужчины, порой совершенно незнакомые, однако считающие себя при этом, хотя бы по самому отдаленному признаку, «пу» данной женщины. Легитимность такого рода контактов подтверждается следующим: в то время как нарушение «брачной верности» с мужчиной, не входящим в класс «пу», заканчивалось кровавой расправой над соблазнителем, для лиц разрешенных категорий оно не влекло за собой никакого возмездия. Самая фривольная гилячка ни при каких обстоятельствах не позволит себе иметь сексуальные контакты с мужчиной, не принадлежащим к ее брачному классу (см.: Штернберг 1904: 1–42).

Отсюда нетрудно заключить, что перед нами не проституция, а следы экзогамии.

Еще более нелепо ставить знак равенства между проституцией и греко-римским гетеризмом. Отождествление, по-видимому, сопряжено с маргинальным статусом гетер. Они, будучи иностранками, не имели права натурализоваться, выйти замуж, в силу чего и были вынуждены отдаваться мужчинам за определенное вознаграждение. И тем не менее гетеры, в большинстве своем, вступали в сексуальные отношения *избирательно*. Нет других объяснений, почему до нашего времени не только сохранились имена лучших из них, к примеру, Аспазии или Фрины, но и стоят они в одном ряду со знаменитыми греками, скажем, ваятелями Мироном или Скопасом или правителем Периклом. Указанная ассоциация выливается в откровенную несуразность при ее переносе на российскую почву конца 19-го — начала 20-го столетия. Так, один из современных историков проституции зачислил в разряд гетер даже таких неординарных литераторов Серебряного века как З. Гиппиус и Л. Зиновьеву-Аннибал (см.: Лебина, Шкаровский 1994: 7).

Проституция, несомненно, ведет свое летоисчисление от Солона (VI в. до н. э.), открывшего первые в Европе доктерионы — публичные дома. Тем самым он *легализовал* и *институционализировал* личностно отчужденные сексуальные связи, опирающиеся на продажу женщиной своего тела и оплату его мужчиной. Мера эта была вынужденной. В город-полис стекалось много холостых мужчин, не имевших экономической возможности создать семью или содержать наложницу. Дабы предотвратить ухаживание мигрантов за афинскими замужними женщинами, правитель закупил рабынь и организовал общедоступные заведения. Проституция, таким образом, явилась ответом на утвердившиеся *патриархальные* принципы. И современную проституцию нет оснований воспринимать как социальную *девиацию*, которую якобы возможно при помощи государственных или общественных «рычагов» искоренить. Такие попытки, как известно, предпринимались на протяжении почти всей истории ее существования, но особенно они активизировались с XIX века. При этом предлагались разные системы социального контроля, наиболее известные — *регламентация* и *аболиционизм*.

Регламентация, или врачебно-полицейский надзор за проституцией, сменила предыдущий, чисто репрессивный полицей-

ский контроль. Вначале идея была реализована во Франции, потом, в 1840–1842 годах, — в России и постепенно захватила другие европейские страны — Бельгию, Германию, Австрию, Испанию, Португалию, Венгрию. К чему сводился смысл регламентации как социально-профилактической меры? По исходному замыслу создателей этой системы, женщине, решившей сделаться проституткой, предоставлялось административное право на это занятие при получении подписки о ее согласии подчиниться особым полицейским предписаниям, существенно ограничившим ее гражданские права. Она вносилась в специальные полицейские учетные списки, вместо вида на жительство чаще всего получала «желтый билет» (медицинскую карточку), не могла менять квартиру или покидать город без ведома полиции. Сторонники регламентации придерживались антропологического взгляда на генезис проституции (Ц. Ломброзо, Д. Ферреро, Ф. Руссель, П. Тарновская). Поясняя его смысл, ограничусь одним примером.

Врач-психиатр П.Н. Тарновская провела антропологическое и биолого-физиологическое исследование 150 женщин: 50 проституток низшего разряда, проживших три года в публичном доме. Для сравнения ею были взяты 50 сельских работниц и 50 городских интеллигентных женщин. Признаки вырождения она обнаружила у 2% горожанок, у 14% крестьянок, а у проституток — 82,6%. Что же представляли собой эти вырождающиеся особи? Внешне «привычные проститутки» различались степенью соматической привлекательности, вместе с тем у них обнаружались общие объективные антропологические и психологические признаки: неправильность черепа, асимметрия лица, таз напоминал мужской, лобные пазухи развиты, тучность, волосатость по всему телу, преждевременная половая зрелость, неправильность менструаций, ничтожное умственное развитие, бедный эмоциональный мир и т. п. (см.: Тарновская 1887: 3). Отсюда следовало: имеется определенный круг лиц — женского пола, от рождения обреченных на проституирование.

Аболиционизм возник в Англии, затем распространился по всей Европе и уже опосредованно, через финскую провинцию, проник в Россию. Сторонники аболиционизма были полны светлых утопических надежд на то, что проституция сама по себе, автоматически исчезнет по мере нравственного возрож-

дения народа, повышения уровня образования и расширения гражданских прав женщин, организации для них справедливого рынка труда и т. п. Их главный девиз гласил: «Домá терпимости не должны быть далее терпимыми, их не должно существовать совсем».

Аболиционисты, будучи сторонниками социологического объяснения феномена проституции (Д. Ахшарумов, П. Оболенко, Д. Жбанков, М. Покровская, А. Елистратов, Н. Таганцев), вполне в духе русской социологии соединяли понимание ее причин и функционирования с этической трактовкой. В системе рыночных отношений проституция, считали они, рождается из предложения и спроса. Первое коренится в экономических и социальных условиях жизни женщин. Любые серьезные улучшения их экономического, социального и правового положения автоматически уменьшают предложение. Спрос же растет под разлагающим влиянием пошлой мужской морали, мужского шовинизма и эгоизма. Дабы сократить спрос, необходимо взглянуть на проституцию как на этическую проблему: нельзя покупать человека, как вещь (см.: Покровская 1910: 90).

Свести на нет данное явление, как известно, не удастся и поныне, ведь проституция имманентна культуре с господствующей гендерной асимметрией. Сама же асимметрия неслучайна.

Педагоги, психологи и врачи не смогли остаться безучастными и к такой сексуальной практике, которую на протяжении многих десятилетий традиционно приписывают детям (и юношам) — *мастурбации*. По мнению М. Фуко, «дети определяются как “пороговые” сексуальные существа, как находящиеся еще по эту сторону от секса и одновременно — уже в нем, как стоящие на опасной линии раздела». Опасность эта обусловливалась природной дисгармонией между анатомической зрелостью, готовностью к деятельности и физиологической неспособностью репродуктивной финальности¹. Отсюда педагогизация секса ребенка рельефно прослеживается «<...> в той войне против онанизма, которая длилась на Западе в течение почти двух веков» (Фуко 1998: 152). Вместе с тем известно, что в клас-

¹ К побочному продукту дисгармонии можно отнести интенсификацию феминно-детской проституции (и маскулинную педофилию). В России данный феномен впервые отмечен в начале XX в. (см.: Энгельштейн 1996: 289).

сических (языческих) моральных рассуждениях о сексуальности тема самоудовлетворения если и возникала, то неизменно в позитивном аспекте, как откровенный жест естественного самоограничения и в то же время необходимое лекарство. К примеру, Диоген Синопский, рукоблудствуя на глазах у всех, в ожидании продажной женщины, приговаривал: «Вот кабы и голод можно было унять, потирая живот!» (Диоген Лаэртский 1979: 248). И только начиная с христианского монашества литература, претендующая на научность, ассоциировала мастурбацию с химерами воображения и порожденными ими негативными последствиями.

Большинство авторов, писавших о мастурбации, вольно или невольно преувеличивали опасность ее последствий. Оналист, согласно их убеждению, был узнаваем в толпе. Портрет — убогая карикатура на взрослеющего человека независимо от пола. «Грешник», как правило, представлялся бледным, со впалыми глазами, синевой на нижних веках, с тупым, сонным выражением лица. Такой актер легко устает от ходьбы, утомляется от всякой работы, от гимнастики, учится лениво, долго спит, неохотно играет с товарищами. И всё же наиболее сильно и необратимо поражается у мастурбанта нервная система. Боль и кружение головы случаются систематически; нередко болевые ощущения возникают в позвонках и пояснице (см.: Вирениус 1886). Распространившийся в закрытых учебных заведениях «тайный порок», по мнению ряда психологов тех лет, расшатывал нервную систему учащихся, породил душевную неуравновешенность, которая, в свою очередь, приводила к снижению кривой успеваемости и ослаблению силы воли. Более того, при особо неблагоприятных обстоятельствах всё это порождало «<...> сделавшиеся эпидемическими в последнее время (начало XX в. — С. Г.) школьные самоубийства» (Румянцев 1912: 32)¹.

Естественно, возникал вопрос: возможно ли найти эффективное противодействие «пороку» переходного возраста? Предложенный выход оказался подозрительно прост — уме-

¹ То, что так называемый переходный возраст сопровождается ростом суицидов, в принципе, известный факт, но сопряжен ли этот поступок с онанистическими манипуляциями — требует статистического подтверждения, а не абстрактных деклараций.

ренность и даже полное воздержание от сексуальной разрядки, т. е. *абстиненция*. Эту точку зрения, надо ли удивляться, разделяло подавляющее число педагогов и медиков.

Проиллюстрируем уровень доказательности возможности и необходимости абстиненции одной из публикаций В.М. Бехтерева. Его статья предваряется пояснением юного корреспондента: «Дорогой профессор, обращаюсь к Вам с последней надеждой. Истасканный онанизмом, без воли, без характера, брат мой 14-ти лет погибает; осталось лишь одно — “внушение”; если можете, то спасите!!» Подобные письма, комментирует академик, от юношей, а иногда и от девушек врачи получают в бесчисленном количестве, что является показателем ненормального положения дел в вопросах пола. Нельзя, по-видимому, уходить от разъяснения молодым людям полезности сексуального воздержания, которое, «<...> согласно научным данным не только не вредно, но, напротив того, укрепляет умственные и физические силы». Старших школьников важно знакомить с условиями и ценностями брачной жизни, с необходимостью подавления в себе преждевременного развития сексуального влечения. Надо доказывать им безвредность сексуального воздержания до вступления в брак (см.: Бехтерев 1911: 7). Как это делать практически, увы, не разъяснялось. Проще говоря, ведущий психиатр оказался сыном своего времени, не смог преодолеть моральный императив, разделяемый большинством рядовых врачей, педагогов и юристов, отстаивавших монополию прокреативной цели сексуальности. Отсюда логично выстраивались в один «противоестественный» ряд уранисты, лесбиянки, фетишисты, приверженцы адюльтера и онанисты.

И хотя мастурбацию, как показал исторический опыт, нельзя преодолеть абстиненцией, всё же широкую дискуссию вокруг этой сексуальной практики саму по себе можно считать большим достижением той эпохи. С другой стороны, проблема онанизма закрепилась в общественном сознании как проблема юного поколения, как будто бы никак не связанная с жизнедеятельностью женатых мужчин и замужних женщин. Однако всему свое время (см. гл. 10).

Практически так сложилось, что именно медики (осознав недостаточность клинических наблюдений и эпизодов из криминальной практики для прояснения природы человеческой сексу-

альности, отделения ее прокреативной финальности от устремленности актора к гедонизму) обратились к непосредственным опросам населения. Особо подчеркну: в России опросные методы стали применяться одновременно с узким кругом европейских стран, в частности, Голландией (А. Ремер, 1901 г.) и Германией (Е. Майровский, 1909 г.). Закоперщиками отечественных прообразов социологических исследований сексуальности были В. Фавр, Г. Попов, М. Членов, Д. Жбанков. Они проанкетировали студентов-мужчин соответственно в Харькове (1902 г., 1298 чел.), Юрьеве (1904 г., 1210 чел.), Москве (1905 г., 2150 чел.), Томске (1908 г., 573 чел.) и студенток в Москве (1908 г., 324 чел.).

Ограничусь несколькими штрихами, дающими общее представление об эротическом поведении молодежи. Несмотря на широко проповедуемую идею абстиненции, она фактически не приобрела сколько-либо значительных сторонников среди мужчин: в Харькове таковых оказалось 12%, в Юрьеве — 29%, в Москве — 34%. На шкале мотивов сдерживания от нелегитимных практик выделялись следующие (по мере уменьшения удельного веса): «добрачная связь противоречит нравственным убеждениям», «испытываю физическое отвращение к вагинальному контакту», «боюсь заразиться венерическими болезнями» и «сомневаюсь в удачном исходе полового акта». Иное дело женщины — подавляющее число незамужних курсисток (90%) воздерживались от генитальных контактов, но в то же время не так много девушек избегали эротических практик вообще. Почти 40% курсисток практиковали «петтинг» (petting); мало того, каждая четвертая испытывала от такой манипуляции удовольствие (orgasmus). Внегенитальную сексуальность стимулировали в равной мере четыре фактора, а именно: «невозможность вступить в брак», «страх забеременеть», «отвращение к коитусу (coitus)», «желание сохранить девственность к моменту оформления законного союза». До совершеннолетия отметили сексуальный дебют более половины мужчин, из общего числа заявивших о наличии данного опыта к моменту опроса, и соответственно — каждая третья женщина. Побудительные мотивы первого полового акта у студентов и студенток, как и следовало ожидать, — разнятся. Мужчины ссылаются в большинстве своем на «соблазнение» противоположным полом, «пример товарищей» и только затем — «искреннее увлечение»; женщины — на «любовь», «увлечение», «соблазнение» и «личную инициати-

ву». Побуждения коррелируют с типом партнера. Студенты по преимуществу указывали на «проститутку» и «прислугу», реже — «замужнюю женщину». У курсисток этот ряд короток — «товарищ» или «случайный» знакомый. Можно полагать, что только незначительное число молодых людей имели постоянные и регулярные контакты (см.: Кузнецова 1999: 16—17).

Уверен, никто из исследователей не питал особых иллюзий относительно всего корпуса эмпирических свидетельств: полевой материал лишь в первом приближении очертил реалии сексуального взаимодействия одного из социальных слоев молодежи — студенчества, да и то скорее мужской его части. И тем не менее начало массовым опросам было положено, что вселяло надежду (вполне себя в дальнейшем оправдавшую) на продолжение и расширение удачного опыта.

Активное переосмысление значимости и направленности сексуальных практик и, как следствие, нарастание «размытости» традиционной этики нашли свое отражение в отечественной художественной литературе на рубеже веков и, право же, не только в бульварной, о чем писала Л. Энгельштейн. В критической литературе начала 20-го столетия отмечалась «сгущенная атмосфера половой распущенности» (см.: Тригорин 1909). Больше того. Созвучные оценки сексуальной морали давались представителями разных европейских культур. Воспроизведу, к примеру, логику доктора Кейра: «Одной из самых важных причин извращения половой цели во Франции является художественная литература. За последние двадцать лет французские романтики, по-видимому, задались целью осквернить, унижить нравственность и половую идею. Почти все романы неизменно трактуют об адюльтере с той разницей, что с некоторого времени адюльтер стали усложнять садизмом и содомским грехом» (Кейра 1904: 28). Что, собственно, скрывается за столь суровым приговором? Полагаю, раскованный и поливалентный поиск *phisque de l'amour*¹.

Так, А. Куприн в «Яме», В. Гаршин в «Надежде Николаевне» не просто повествуют о публичных домах, а представляют развернутую картину генезиса и типологию *проституток*, С. Сергеев-Ценский в рассказе «Мертвецкая» отдает дань *некрофилии*, Ф. Сологуб в «Навях чарах» — *мазохизму*. *Эксгибиционистка*

¹ Телесная сторона любви (*фр.*).

Леда Ан. Каменского не желает мириться с тем, что люди в году какой-то ложной культуре запрятали тела в полотняные мешки, и предпочитает являться к гостям обнаженная, в одних золотых туфельках (см.: Каменский 1907: 13).

Определенная перmissивность относительно гомосексуализма прослеживается не только в научных манускриптах (о чем говорилось выше), но и в художественных текстах. Уранизм нашел себе яркого апологета в лице М. Кузмина. Один из персонажей «Крыльев» искренне считает, «что только циничное отношение к какой бы то ни было любви делает ее развратом» (Кузмин 1994: 23). И далее этот тезис углубляется: «Нравственно или безнравственно я поступаю, когда я чихаю? И, однако, эти же поступки могут быть преступны, если, скажем, я чихаю предупредив убийцу о времени, удобном для убийства» (Там же). Автор заключает свое рассуждение следующим образом: «<...> люди увидели, что <...> всякая любовь — от богов, и стали свободны и смелы, и у них выросли крылья» (Там же: 21). Л. Зиновьева-Аннибал, в свою очередь, воспекает *лесбийскую* любовь в «Тридцати трех уродах». Эта повесть, по словам современника, имела небывалый успех: «Зиновьева оставила далеко позади по популярности Л. Толстого, М. Горького, Л. Андреева. Настолько велика была потребность в дурмане, в гашише, который гасит дух и будит плоть» (Новополин 1909: 170). Насколько эти «заклинания» упомянутых авторов отражали реалии рубежа веков? Однозначный ответ упростил бы проблему донельзя. Затрону лишь гомогенные отношения, как менее просветленные.

В европейской культуре исторически сложилось так, что обычно за обоснованием нравственной приемлемости и толерантности по отношению к гомосексуальности обращаются к классической Греции, по преимуществу к диалогу Платона «Пир». По словам Павсания, так как ничто само по себе ни прекрасно, ни безобразно, то критерием прекрасного Эрота служит происхождение его от Афродиты Урании («Небесной») в отличие от вульгарного Эрота, сына Афродиты Пандемос («Пошлой»). Небесная любовь — это любовь к юноше, который, исходя из патриархальных постулатов, прекраснее, духовнее девушки. Влюбленному всё позволено, но преимущественно в сфере души и ума, бескорыстно, ради совершенства мудрости, а не ради телесных наслаждений. Вот каким путем, по Сократу, нужно идти в любви: начав с отдельных проявлений

прекрасного, надо всё время, словно бы по ступенькам, подниматься вверх ради самого прекрасного — от одного прекрасного тела к двум, от них — ко всем, а затем от прекрасных тел к прекрасным нравам и от них к прекрасным учениям (см.: Платон 1970: 142). Строго говоря, в проявлениях любви к юноше мужчина стремится к налаживанию дружеских отношений, к поощрению в значительной мере его (т. е. юноши) морального и душевного совершенства. Индифферентность эмоциональная и заостренность интеллектуальная характеризуют гомогенные контакты греческих элит — философов, литераторов и общественных деятелей. Яркий образец таких отношений раскрывает в том же диалоге Алкивиад, рассказывающий веселой компании о своей связи с Сократом: «<...> несмотря на все <...> мои усилия, он [Сократ] одержал верх, пренебрег цветущей моей красотой <...> проспав с Сократом всю ночь, я встал точно таким же, как если бы спал с отцом или со старшим братом» (Платон 1970: 152). С другой стороны, Афродита Пандемос покровительствует любви к женщине, существу низменному, примитивному, способному только рожать детей, что, разумеется, необходимо для бессмертия рода.

И еще один нюанс патриархальной цивилизации: тот же расклад душевного и телесного присуц в общем-то и трибадизму. Но об этом предпочитали не распространяться ни в древности, ни в канун 20-го столетия. Хотя не секрет, что все стихотворные послания Сафо предназначены девственницам и пронизаны духом высокой нравственности и нежности, без каких-либо намеков на телесные изыски:

Это — останки Тимады. В бессветный покой
Персефоны,
Брака еще не познав, девой она низошла.
Острым железом, когда умерла она, срезали
в горе
Все подруги ее чудесные кудри свои.
(Сафо 2000: 42)

Итак, какой урок можно извлечь из экскурса в античность? Выяснилось, что нравственность периода классической Греции, во-первых, приемлет влечение мужчин к юношам в качестве одной из ступенек к достижению прекрасного, — свойство, отличающее элиту; но при этом, исходя из тех же правил — в силу особого статуса гречанки — игнорирует трибадизм; во-вто-

рых, привержена к прокреативной финальности, что и привело к осуждению адюльтера.

Само собой разумеется, сексуальная мораль России, будучи по сути православной, не может быть буквально причислена к наследнице античности, но и принципиально ей не противостоит. В нашем отечестве к началу 20-го столетия, о чем свидетельствует весь спектр проанализированных сюжетов (от медицины до художественной литературы), прослеживается зарождение открытого интереса к *исследованию и публичным дискуссиям* вокруг широкого круга сексуальных практик — инцест, уранизм, садизм, эксгибиционизм, мастурбация, проституция, снохачество, адюльтер, в результате чего формируются *плюральные эротические этики*. Эмансипация сексуальности стала возможна вследствие первой модернизации общества (смены организации труда, норм познания, стилей жизни, индивидуальных биографий, трансформации типов любви, понятия пристойности, моделей семьи и т. п.) и вызванного ею ослабления социального контроля со стороны иудео-христианского кодекса. Первые ростки обозначенного процесса убедительно зафиксированы результатами полевых опросов молодого образованного слоя населения — студенчества.

Глава 2

БЛУЖДЕНИЯ, ПОИСК, НАХОДКИ В ИНТИМНОЙ СФЕРЕ: 20-е ГОДЫ XX ВЕКА («ДИОНИСИЙСТВО»)

В свое время немецкий социолог Ф. Энгельс подметил важную эмпирическую закономерность: «<...> в каждом крупном революционном движении вопрос о “свободной любви” выступает на передний план. Для одних это — революционный прогресс, освобождение от старых традиционных уз, переставших быть необходимыми; для других — охотно принимаемое учение, удобно прикрывающее всякого рода свободные и легкие отношения между мужчиной и женщиной» (Маркс, Энгельс 1961: 8). Подмеченная тенденция нашла подтверждение после Октябрьской революции в нашей стране. На самом деле, процессы, происходившие в эти годы в нравственной истории России, с одной стороны, были вполне ожидаемы, а с другой — интенсивность их протекания оказалась необычайной по общественному накалу и драматизму. Революция способствовала коренной ломке мещанского быта и основ христианской этики, шел активный поиск нестандартных нравственных принципов. Рабочий класс, настаивала одна из радикально настроенных авторов журнала «Коммунистка», разрушил все старые понятия о «чести», «верности», «законнорожденности», родственных связях. Он «освободил любовь от экономики и строит быт не на принципах семейственности, а на принципах общественности» (Майорова 1923: 13).

Спору нет: формирование новых ценностей и идеалов происходило далеко не сразу и не легко. Оно затруднялось культурной отсталостью большинства населения, неустроенностью быта, отсутствием проверенных жизнью нарождающихся моделей семьи. Очевидно, поэтому в двадцатые годы высказывались различ-

ные взгляды, выдвигались прямо противоречащие друг другу требования по семейно-бытовым и относящимся к ним моральным проблемам. Всплывали на поверхность и сталкивались нравственно-психологические аттитюды, выработанные различными социальными слоями общества в предыдущий период. Фиксировались стремления к упрощению, схематизации норм, по-видимому, обусловленные в первую очередь ожесточенной классово-борьбой и низким уровнем общей культуры. Воспроизведу одно из типичных высказываний того времени: «Старые гнилые устои семьи и брака рушатся и идут к полному уничтожению с каждым днем. Но нет никаких руководящих начал для создания новых красивых, здоровых отношений. Идет невообразимая вакханалия. Свободная любовь лучшими людьми понимается как свободный разврат. Самые ответственные политические люди, вожди революции, сами в этой области до очевидности бессильны и явно не связывают концы с концами. Молодежь абсолютно не имеет сколько-нибудь определенного влияния» (Равич 1920: 23). Автор, есть основания полагать, чрезмерно драматизирует ситуацию. Чрезмерность — характерная особенность отражения вопросов сексуальной морали в массовом сознании того времени.

По понятным причинам наиболее заинтересованно и эмоционально обсуждалась трансформация отношений между мужчинами и женщинами на страницах молодежной прессы. Вот наглядный пример. В журнале «Смена» было опубликовано открытое письмо Сергея Скворцова о групповых вечеринках, на которых юноши и девушки отдавались мимолетной страсти. «Разврат ли это?» — задавал он вопрос читателям. С его точки зрения, нормальность таких встреч не вызвала сомнений. А в том, что они устраивались нелегально, молодой человек винил «улюлюкание» со стороны общественного мнения, направленного против удовлетворения естественной потребности. Выход, согласно корреспонденту, мог быть только один — «надо прекратить монастырскую агитацию и вредную ханжескую бузу среди рабочей молодежи — и тогда отпадет главная причина, понуждающая ребят к безобразным путям удовлетворения» (Скворцов 1927: 6).

Что думали по этому поводу другие представители молодого поколения? Направленность высказываний разделилась примерно поровну. Так, С. Замковский в письме, озаглавленном «Зачем быть монахом?», замечал: «<...> мой вывод такой — вечерки допустимы <...>. О публичных домах говорить не при-

ходится, это те же “белые рабыни”, это дикость и некультурность. Но вечерка — дело другое, девушка идет из-за удовольствия (после разных двух парней не забеременеешь). Потом, вместо “половых” разговоров надо заниматься больше распространением противозачаточных средств и клеймить позором явных охотниц за алиментами» (Замковский 1927: 12). Иного мнения придерживался Г. Боргман: «Скворцов пытается свести весь вопрос к физиологии. А между тем, что такое “половой вопрос”? Это есть вопрос о взаимоотношениях между полами, т. е. вопрос не только физиологический, но и общественный» (Боргман 1927: 12). Показательно, что редакция не смогла определить свою позицию, обосновать нормативные требования к нелегитимным сексуальным практикам. В этом нет ничего удивительного, ведь сексуальная мораль двадцатых годов была неустоявшейся, экстаической по духу и отражала традиции, бытовые условия, коммуникативные сети и искания крестьянской, мещанской, разночинной и рабочей страт.

Не только обыватели, но и комсомольские выборные работники, находившиеся в гуще бытовых и нравственных коллизий, также оказались в тупике, не имели в вопросах взаимодействия полов твердого ориентира. Вот как виделась реальность одному из молодежных функционеров: «Сейчас брак между комсомольцами почти не замечается. Очевидно, здесь найдены другие формы взаимоотношений. Что интересно, так это то, что у самих девиц вырабатывается взгляд на безбрачные половые отношения. От целого ряда девиц можно слышать, что “семья — это обуза, если у меня и будет ребенок, так я его одна лучше воспитаю, да по крайней мере всегда свободна: куда хочу, туда иду”» (Григоров, Шкотов 1927: 164). Не менее пронзительно мнение другого активиста: «Когда парень идет с девушкой в театр и они вместе возвращаются домой — это, конечно, в 99 случаях из 100 может кончиться ребенком» (Смидович 1926: 63).

Скепсис окрашивал не только взгляд на брак, но и на любовь. У каждого индивида в определенном возрасте, утверждал не без апломба московский молодежный лидер, появляется сексуальное влечение к представителю противоположного пола. И вопрос лишь в том, чем обусловлено это явление. По убеждению А. Стратоницкого, известным состоянием «желез внутренней секреции». Иногда, правда, продолжал далее он, такого рода сексуальное влечение называют любовью. С этим,

пожалуй, можно согласиться. Любовь же, как «<...> удивительное особенное переживание, конечно, не существует вовсе или существует только в представлении старых дев да наивных институток» (Стратоницкий 1926: 61).

Аналогичные или близкие к ним суждения о сути любовных переживаний нельзя признать единичными, из ряда вон выходящими. Напротив, тезис — «естественное и есть критерий нравственности сексуальной нормы» — получил, как и в конце XIX века, широкое распространение и, в частности, на страницах художественной литературы. Сошлюсь на популярный в ту пору рассказ П. Романова «Без черемухи». «Любви у нас нет, — пишет работница своей сельской подруге, — у нас есть только половые отношения, потому что любовь презрительно относится у нас к области “психологии”. А право на существование у нас имеет только физиология.

Девушки легко сходятся с нашими товарищами — мужчинами на неделю, на месяц или случайно — на одну ночь. И на всех, кто в любви ищет чего-то большего, чем физиология, смотрят с насмешкой, как на убогих и умственно поврежденных субъектов» (Романов 1988: 7).

Стиль жизни героев повести С. Малашкина «Луна с правой стороны» Татьяны Аристарховой и Исайки Чужака обсуждался по всему Союзу на тысячах диспутов и рассматривался при строгом соблюдении регламента на литературных судах. Не-профессиональные защитники и прокуроры проявляли максимум страстности, создавая вокруг этих вымышленных лиц накаленную атмосферу. Всякому сколько-нибудь внимательно следившему за ходом дискуссии, говорилось в издательском предисловии, было ясно, что «Луна...» явилась лишь поводом к обсуждению более широкого круга вопросов огромнейшего социально-культурного значения: о половой проблеме, нормах классовой морали, бытовой практике, неурядице в области сексуальных отношений среди учащихся и рабочих. Следует знать: в основном герои повести Малашкина были встречены молодежной аудиторией крайне недружелюбно. Чем же возмутила подрастающее поколение идея повести?

Обратимся за ответом к речи И. Чужака, произнесенной им на так называемой тринадцатой афинской ночи¹. Стоя на сто-

¹ Афинские ночи — групповые нелегитимные «сексуальные игры».

ле перед несколькими парами юношей и девушек (последние, замечу, были одеты в газовые прозрачные платья), он, как праведский оратор, вещал: любовь красива и свободна только до тех пор, пока есть необходимость в Другом. Ведь марксизм говорит: сознание необходимости — это и есть свобода. В любви люди дополняют друг друга, и лишь из такого сочетания может получиться «полный человек». Поэтому нарушение гармонии, появление диссонирующих ноток должно приводить к разрыву связи. В противном случае отношения перерождаются в насилие одного пола над другим. Следует ли избегать разрыва? — задавался риторическим вопросом студент. И отвечал в категорической форме — нет. Ибо это вполне закономерно. И затем Исайка конкретизировал свою мысль: живя в «иных» условиях, он встречает женщину — товарища (или наоборот) по делу и взглядам, у них зарождаются общие интересы, они начинают дополнять друг друга, и тем самым зарождается новая связь, а предыдущая с полным сознанием необходимости расторгается (см.: Малашкин 1928: 91). При всем желании обыватель был не в состоянии самостоятельно разобраться в хитросплетении речи Чужака. Ее идейный фундамент — смесь положений Платона и Ф. Энгельса.

Платон, как хорошо известно, в диалоге «Пир» вложил в уста Аристофана старинный миф о том, что прежде люди были трех полов: мужского, женского и третьего — андрогин, последний сочетал «в себе вид и наименование обоих полов». Андрогины замыслили совершить восхождение на небо, чтобы напасть на богов. И тогда Зевс придумал, как положить конец буйству андрогинов — он их разрезал пополам. С тех пор, утверждает древнегреческий комедиограф, каждый из нас — это половинка человека. И поэтому всякий ищет соответствующую ему половину. Когда кому-либо случается встретить как раз свою половину, обоих охватывает удивительное чувство привязанности, близости и любви. В иных случаях поиск (и вместе с тем ошибки — временные связи) должен продолжаться сколь угодно долго до тех пор, пока в результате *свободного* выбора не будет найдена именно своя половина (см.: Платон 1970: 116–120). Отсюда, по Чужаку, неотвратимость стремления к любовным переживаниям (т. е. к воссоединению половинок) оправдывает *необходимость* эротических проб и ошибок.

Скажем без обиняков: мрачноватые, а порой и просто примитивные суждения ни в коем случае не свидетельствуют о господстве в ту пору сексуального единообразия. Отнюдь. Фактическая картина отличалась существенной мозаичностью: наряду с безликостью (отчужденностью) получили распространение экспрессивно насыщенные практики. Несколько беглых зарисовок, надеемся, прояснят данное соображение.

По наблюдению литератора В. Кетлинской, появился слой молодежи — и мужской, и женской, — балансирующей на грани проституции. Писательница, в частности, описывает такую историю. Работница N в 16 лет полюбила некоего парня. Он обещал жениться, но, когда девушка пошла навстречу его домогательствам, сказал: «Ты потаскуха, раз отдалась без сопротивления», — и не женился. Теперь она «просто смотрит на вещи». Молодая женщина отрицает проституцию, наверное, даже возмутилась бы, если бы ей предложили деньги. Но «кавалеры» преподносят ей подарки, приглашают в театр и в кино, «чего я никогда не смогла бы достать себе на свои деньги», — размышляет «жертва» распределительной экономики (см.: Кетлинская, Слепков 1929: 52).

Другой типаж — гипертрофированная экспрессия — выразительно очерчен в письме молодой работницы. Она, в частности, сообщает подруге: «Я стала гуляка, мне не хватает времени, оно у меня идет как-то беспорядочно, но страшно разнообразно и весело. В общем живу увлечениями первой молодости <...>. У меня было увлечение очень серьезное с весны и всё лето. Это жгучий брюнет с глазами полными огня <...>. Это первый, кто дал познать все прелести любви. И так день за днем идет моя молодость <...>. Этот брюнет просил взаимности, но я еще так молода <...>. У меня бродит ветерок. Я считаю, лучше быть кумиром многих, чем одного» (Григоров, Шкотов 1927: 165).

И наконец, случай восприятия сексуальности в неразрывной связи телесности и духовности, как жизненной ценности. «Половая жизнь, — рассуждает 19-летняя студентка Коммунистического университета из крестьянской семьи, — может стать центральным пунктом, который спасает само существование <...> и тем самым не отрывает от самого важного — работы, гармонизирует с ней. Но это возможно только при взаимном влечении двух индивидов» (Гельман 1923: 112).

Вне всякого сомнения, важным дополнительным каналом получения информации о бытовавших формах чувствований и

ориентаций, нравах и практиках могут служить эмпирические изыскания. Предпринятые нашими соотечественниками попытки проникнуть в многослойную и противоречивую сферу частного бытия человека, глубоко новаторские, гуманные по своим целям и масштабные по охвату, ныне, приходится констатировать, незаслуженно не востребованы.

Сделаем несколько предварительных замечаний об историографической подоплеке проведенного здесь анализа данных. Как и в любом историко-социологическом исследовании, рамки нашего обсуждения намного шире круга привлеченных источников. По крайней мере, автор стремится реализовать определенную «сверхзадачу»: продемонстрировать не только итоговые цифры, но и стиль социологического мышления деятелей той поры. Напомню, до того времени был накоплен хотя и небольшой, но всё же опыт по опросу студенческой молодежи. Поэтому при выборе литературы не могли не сказаться некоторые «неформальные» критерии. В их числе тщательная методическая проработка опросов, их представительность, однородность выборочной совокупности, обеспечивающая корректность историко-социологических сравнений и, наконец, глубина и проблемность авторского мышления. Не забудем, что, как и в начале века, все исследователи не являлись социологами в прямом смысле слова, а были медиками, юристами, статистиками и т. д. Этим, очевидно, и объясняется подчас некорректная постановка вопросов. Скажем, И. Гельман пытался с помощью «лобового» вопроса уяснить влияние социальной революции на уровень физиологической отзывчивости мужчин и женщин. В нашей книге, как правило, использованы данные опросов И. Гельмана, Д. Ласса, З. Гуревича и Ф. Гроссера, М. Бараша, С. Голосовкера. Разумеется, они не исчерпывают всей картины социологических разработок проблемы сексуальной морали в двадцатые годы. Для этого требуются более обширные разыскания. И тем не менее названные источники существенно дополняют картину состояния нравов.

Результаты исследований Гельмана, опросившего 1145 студентов и 338 студенток, показывают, что в нелегитимных сексуальных отношениях состояли 85% первых и 53% вторых (см.: Гельман 1923: 59). По данным Ласса (1590 студентов и 222 студентки), такие связи имели 88% мужчин и 48% женщин (см.: Ласс 1928: 98). Показатели, приведенные Гуревичем: соответ-

ственно 95% и 62% (1104 студента и 205 студенток; см.: Гуревич, Гроссер 1930: 237). Бараш, опросивший 1280 молодых рабочих Москвы, установил, что «добрачный» сексуальный опыт имели 97% (см.: Бараш 1925). Статистика различных опросов, как видим, устойчива и свидетельствует о широком распространении нелегитимных сексуальных практик среди студенческой и рабочей молодежи. Нельзя не отметить одного важного обстоятельства. Хотя до начала 19-го столетия не проводилось массовых опросов, ни для кого в общем-то не была секретом вовлеченность юношей в сексуальную практику вне рамок брака. Иное дело — девушки. Их сексуальные контакты до юридического оформления брака резко осуждались религиозными и светскими институтами, к нарушителям этого запрета применялись жесткие санкции. И «вдруг» выборочные данные свидетельствуют: почти каждая вторая женщина имела означенный опыт¹.

О возрасте вступления студентов в дебютные сексуальные связи дают представление диаграммы на рис. 1 и 2.

Для начала заметим, что количественные показатели, полученные исследователями в промежутке четырех лет, оказались устойчивыми. Среди мужчин, имевших сексуальные связи, каждый четвертый вступил в них до шестнадцатилетия, а наиболее часто эти практики приходились на возрастной интервал 16–18 лет. Женщины вовлекались в сексуальную жизнь, как правило, позднее, хотя уровень ее распространенности до совершеннолетия достаточно высок: от 20% до 44%, что свидетельствует о радикальных переменах в конструировании себя в качестве этических субъектов. Кстати, одним из подтверждений этой гипотезы может служить совпадение распространенности «промискуитетных»² эротических контактов у мужчин (58%) и женщин (55%) (см.: Гельман 1923: 67).

¹ Напомним, что опрос женщин хотя и был проведен Д. Жбанковым в 1908 г., его результаты увидели свет лишь в 1922 г.

² В данном случае понятие «промискуитет» употребляется условно, за отсутствием лучшего. Этот термин впервые ввел в научный обиход известный американский антрополог XIX в. Л. Морган. Он имел в виду социально неупорядоченные сексуальные отношения, которые якобы были распространены среди коренного населения Америки — ирокезов. Мы же его употребляем в том случае, когда сексуальные практики основаны по преимуществу на физиологическом влечении.

Количественные индексы дополняются в анализируемых выборках важными качественными социально-психологическими характеристиками — мотивами вступления в дебютную сексуальную связь. Несмотря на широкий спектр побуждений, среди них выделяются доминирующие. У женщин это «любовь» (49%), «увлечение» (30%) и «любопытство» (20%); у мужчин — «половая потребность» (54%), «увлечение» (28%) и «любопытство» (19%). Существенных различий в опросах 1922 и 1927 годов не установлено.

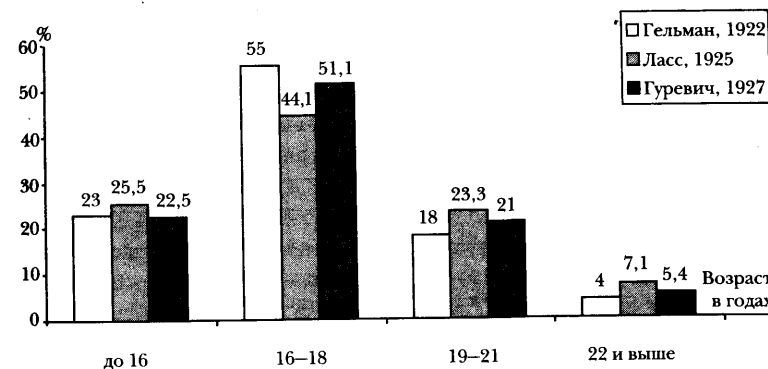

Рис. 1. Возраст вступления студентов в первые сексуальные контакты

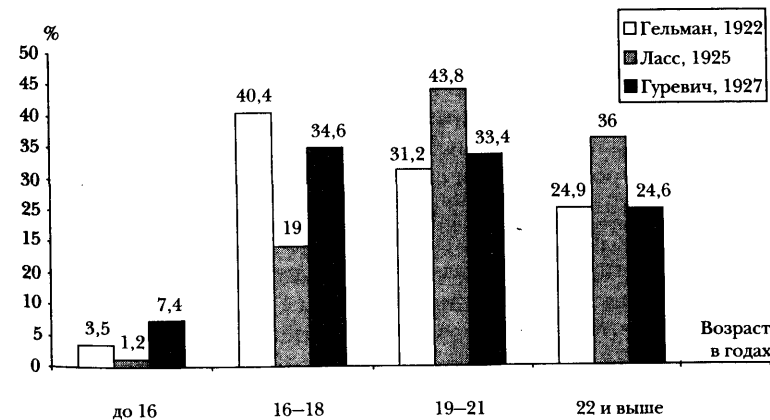

Рис. 2. Возраст вступления студенток в первые сексуальные контакты

Интересны сведения о том, с кем юноши и девушки вступили в первый сексуальный контакт (см. табл. 1).

Табл. 1. Тип партнера по дебютной сексуальной близости в сопоставлении с полом (в %)

Тип партнера	Мужчины				Женщины	
	Гельман 1922 г. чел.	Барап 1924 г. чел.	Ласс 1925 г. чел.	Гуревич 1927 г. чел.	Ласс 1925 г. чел.	Гуревич 1927 г. чел.
Жена/муж			4,9	—	33,0	
Невеста/жених	3,7*	22,6**	3,8	4,4	26,1	54,9*
Сожительница/сожитель	—		3,7	28,5	22,5	31,9
Случайная знакомая/знакомый	65,9	50,1	63,0	53,3	18,0	11,3
Проститутка	28,4	20,0	13,8	9,0	—	—
Иные...	2,0	7,3	10,8	8,5	0,4	2,9

* Данные относятся к первым двум типам партнеров
 ** Данные относятся к первым трем типам партнеров

Приведенные цифры позволяют проследить некоторые тенденции: устойчива традиция вступления женщин в дебютную связь с мужем, а мужчин — со случайной знакомой; в то же время наблюдается новое явление: женщины расширяют круг партнеров за счет женихов и сожителей, тогда как мужчины сокращают контакты с проститутками. Проституция как социальное явление постепенно шла на спад (см.: Гернет 1927: 88). В самом деле, сопоставление исследований разных лет показало: если до Первой мировой войны и Февральской революции почти 48% молодых горожан начали сексуальную жизнь с проститутками, то в 1914–1917 годах — 32,0%, в 1918–1920 годах — несколько более 16,0%, а в 1921–1923 годах — менее 4%. Причем в дальнейшем их услугами пользовались до революции 51% опрошенных мужчин, а после революции — 8% (см.: Голосенко, Голод 1998: 62). Вполне очевидно, что снижение удельного веса «пользователей» услугами проституток происходило не без воздействия социальных структур и институтов¹. Была создана правовая ба-

¹ К слову, тенденция к снижению уровня проституции была подмечена

за — первый Уголовный кодекс РСФСР, в котором появляется ряд нормативов относительно охраны сексуального здоровья, занятия проституцией, принуждения к ней и сводничества. Этот документ с большей ясностью, чем прежде, определил законодательный подход к проституции, признав ее социальным недугом. Акцент в «борьбе» с ней был сделан не на проститутках, а на лицах, вовлекающих женщин в ремесло — посредников, сводников, сутенеров, притоносодержателей (см.: Голосенко, Голод 1998: 79). Косвенно о кризисе «вековечного» института свидетельствует поиск самими потребителями приемлемых, «замещающих институций». Ограничусь одной, сколь многоумной, столь и противоречивой записью, сделанной 22-летним рабочим в вопроснике Гельмана: «<...> половое сближение — естественная потребность; но проявление ее находится в очень трудном положении ввиду наличия моральных препятствий, или, проще, незрелости нашего понятия по отношению к половому вопросу. На этой почве (надеюсь, поймете) в большинстве случаев происходят разные венерические болезни. И если мы считаем половые сношения естественной потребностью, и кроме всего это — закон природы, <...> если для последствий полового совокупления у нас устроены так называемые родильные дома, так почему же не устроить, наоборот, дома совокупления (под этим не нужно понимать «дом терпимости»), положение которого таково: вкратце, желающий удовлетворить свою потребность приходит, записывается, осматривается тщательно врачом и т. д.» (Гельман 1923: 116). Скорее всего, молодой человек ратует за легитимизацию «промискуитета», подконтрольного исключительно врачебному надзору.

Вскрытые эмпирические закономерности в той или иной мере были обусловлены экономическими, социальными и

и в Западной Европе. Специалисты склонны объяснять сужение ареала проституции, во-первых, улучшением экономического положения населения, во-вторых, нравственной эмансипацией женщин. По мнению Б. Рассела, изживание викторианской морали ведет, в частности, к тому, что проституция утрачивает свое значение. Ход рассуждений этого философа таков. Раньше молодой человек был вынужден искать оплачиваемые случайные связи, теперь же перед ним открылась возможность вступить в сексуальное общение с девушкой своего круга. Эти отношения с обеих сторон лишены зависимости, а потому самоценны: здесь экспрессивное созвучие важно так же, как и телесное (см.: Russell 1929: 147).

нравственными преобразованиями в стране: восстановлением промышленного производства, вовлечением женщин в профессиональную деятельность, провозглашением равных общественных прав независимо от пола, трансформацией семейных моделей. Причем исследователями фактически не ставился вопрос о степени адекватности отражения этих преобразований в сексуальном поведении, поскольку для этого требовался более высокий социологический уровень анализа.

Особый интерес представляют ответы касательно адюльтера (прелюбодеяния) и его моральные оценки. По Голосовкеру, возможность этой практики оправдывали около половины студенток, а реально в параллельных нелегитимных связях состояла каждая третья женщина (см.: Голосовкер 1925: 20). Бараш свидетельствует: 50% из числа опрошенных рабочих-металлистов и машиностроителей имели такого рода отношения (см.: Бараш 1925: 145). Гуревичем была предпринята попытка построения типологии мотивов вовлечения в прелюбодеяние. Для мужчин наиболее значимыми оказались «разлука с женой» (38%), «увлечение» (25%) и «неудовлетворенность семейной жизнью» (14%); для женщин — «разлука с мужем» (38%), «неудовлетворенность семейной жизнью» (21%) и «неудовлетворенность половыми отношениями с супругом» (17%) (см.: Гуревич, Гроссер 1930: 247). Последний мотив занимал существенное место и в ответах респонденток Ласса, а именно: на него указало 66% женщин (см.: Ласс 1928: 147). В прежние годы такого уровня откровения трудно себе даже представить.

Не обошли вниманием исследователи еще два вида практик. Я имею в виду мастурбацию и гомосексуализм. Всего лишь несколько штрихов. По Гельману, мастурбировали около 53% мужчин и 15% женщин, тогда как среди студентов Московского университета — 74% (см.: Членов 1907), а среди слушательниц высших женских курсов — 52% (1914). Молодые люди называли следующие факторы, содействовавшие проявлению этой сексуальной практики: во-первых, «внутренние побуждения», в частности, студенты Московского университета — 58%, слушатели Коммунистического университета — 44%, слушательницы того же университета — 42%; во-вторых, «влияние товарищей (подруг)» соответственно 33%, 37%, 35% и, в-третьих, «влияние литературы»: 8%, 11%, 15%. На протяжении первой

четверти XX века соотношение мужских и женских «признаний» остается неизменным (см.: Гельман 1923: 29, 36). Насколько достоверны такого рода сведения, я покажу в дальнейшем.

Что касается гомосексуальности, то, согласно свидетельству М.М. Рубинштейна, в юности (13—15 лет) гомогенная идентификация фиксируется у 1,6% мальчиков и 4,5% девочек (см.: Рубинштейн 1928: 75). В силу скудости исходных данных, приведу уникальную для первых десятилетий запись, сделанную в вопроснике Гельмана. При сопоставлении с наблюдениями Ип. Тарновского этот материал показывает малую «продвинутость» современников в понимании этиологии и психологии трибадизма.

Итак, слушательница университета из крестьянской семьи, 23-х лет. Первые сексуальные ощущения появились у нее на 18-м году — самопроизвольно. Онанизмом не занималась. Менструации начались с 17 лет и вызвали страх и стыд. В 20 лет вступила в дебютный сексуальный контакт с мужем. В браке состояла шесть месяцев, развелась, так как сексуальные сношения ей были отвратительны. После развода относится к мужчинам как к товарищам, но не видит в них сексуальных партнеров. На 22-м году жизни смутно почувствовала душевную, психологическую и сексуальную нужду в женщине. С тех пор ее половая жизнь вошла в новую колею. Теперь сексуальность воспринимается ею как потребность, стала доставлять неведомое доселе эротическое удовольствие. Интервьюируемая контактирует с женщинами, сознавая себя при этом бучем¹. Соответственно, подруги увлекаются ею, любят и ревнуют, чувствуя себя к исповедующейся женщинами. Гомосексуальные отношения, по ее признанию, играют в жизни, после общественной работы, главную роль. Заканчивается исповедь так: хочу быть мужчиной. Жду с нетерпением того времени, когда открытия науки приведут к возможности кастрации и прививке мужских органов (см.: Гельман 1923: 120). Откровенное изложение респонденткой истории своей сексуальной идентичности вне клиники указывает на готовность, по меньшей мере, части гомосексуалов к диалогу с обществом.

Представленный эмпирический материал свидетельствует скорее о радикальном кризисе традиционных норм и ценнос-

¹ Буч — активный, агрессивный субъект гомосексуального общения.

тей, нежели о выраженном становлении новых. Нелегитимные сексуальные связи, нет сомнения, перестали быть маскулинной «привилегией». Обращает на себя внимание то, что многовековая партнерша мужчины — «проститутка» — стала интенсивно вытесняться «знакомой». Отношения с последней, во-первых, принципиально исключали куплю-продажу тела и, во-вторых, оказывались не столь духовно и эмоционально отчужденны, хотя в их основе по-прежнему лежало психофизиологическое влечение (стремление к релаксации) чаще с обеих сторон. Одновременно небольшое, но заметно возрастающее число респондентов, интенсифицируя эмоциональные сопереживания, начинали сексуальную практику если не с женою, то с невестой или сожительницей. Сексуальная жизнь женщин-студенток конструировалась ими по преимуществу таким образом, что ее в значительной мере можно было отождествить с браком или самоценным экспрессивным переживанием. Наряду с этим около пятой доли связей возникло у студенток скорее ради снятия эмоционально-психологического стресса. Оба пола стали допускать возможность и адюльтера. Просматривается тенденция автономизации сексуальности и брачности. Налицо весьма пестрая картина нравов, в которой можно увидеть и поиски глубокого человеческого счастья, и метания, и манифестируемую близость. Много было наносного, чужеродного, но пробивало дорогу главное — осуществлялся переход от двойной к единой сексуальной морали. Ее формирование шло трудным путем. С одной стороны, свобода сексуального выбора распространилась на оба пола, что само по себе глубоко символично, с другой — женщины усваивали традиционные «мужские» стандарты. Карикатурность стремления представительниц прекрасной части человечества добиться экспрессивной эмансипации копированием худших патриархальных образцов была несомненна. Такой «эмансипированный стиль» поведения мог бы стать шагом к утрате гендерной специфики, эмоциональному «трансвестизму», торжеству однополовости.

Хотя трудно, да, пожалуй, и вовсе невозможно провести систематическое сравнение полученных в двадцатых годах XX века результатов с данными опросов начала века, всё же совсем проигнорировать эту процедуру было бы неверно. Отметим следующее. Уровень вовлеченности мужчин в нелегитим-

ные сексуальные отношения остался в целом неизменным, тогда как у женщин — возрос в 4–5 раз. Фиксируется снижение возрастной границы дебютных сексуальных контактов, соответственно видоизменяется шкала мотивов, в частности, в эти годы значительное место у обоих полов занимает «любопытство» (вуайеризм). Стабильным остается преобладание у молодых людей (независимо от пола) «промискуитетных» связей. Совокупность полученных эмпирических свидетельств указывает на явные признаки отхода от центрирования сексуальности на matrimониальном поведении.

Теоретическая интерпретация собранного исследователями двадцатых годов эмпирического материала оказалась для них непосильной задачей. Им не удалось корректно установить основные эмпирические зависимости, а тем более «вписать» подмеченные поведенческие новации в конкретно-исторический и общекультурный контекст. И всё же массовые опросы убедительно опровергали бытовавшие мнения о «невообразимой вакханалии»; в то же время они и не содействовали обоснованию ориентиров на «новые, красивые, здоровые отношения». Больше того, полнокровное понимание происходящих трансформаций эроса оказалось не по плечу даже европейски образованным общественным деятелям (Н. Бухарин, Н. Крупская, Е. Преображенский, С. Смилович, А. Сольц и др.), которых трудно заподозрить в консерватизме и зашоренности. Камень преткновения — выработка нетривиального критерия моральности сексуальной интеракции полов. Для подтверждения этой мысли, пожалуй, достаточно привести несколько выдержек из текстов А. Луначарского. «Я думаю, — писал он, — что в области пола мы должны говорить не о морали, а о свободе, и в ответ на джентльменские заявления, что это смердяковщина, мы должны говорить, что свободе разнузданного человека мы противопоставляем коммунистическое просвещение» (Луначарский 1923: 136). Красивый пассаж, не правда ли, но, к сожалению, трудно поддающийся интерпретации. Впрочем, дело не совсем безнадежно. Свобода на основе «коммунистического просвещения» — это, по-видимому, не отбрасывание морали, а лишь особое ее понимание: открытость, многообразие сексуальных практик и равная интернальная ответственность мужчин и женщин. Луначарский и в дальнейшем неоднократно выступал против опошления частью молодых людей любовного чувства, низведения его

до уровня физиологической разрядки, ассоциирования душевных переживаний с «телячьими нежностями». Приравнивание любви к «пустякам» приводит, по словам наркома просвещения, с одной стороны, к аскетизму, неправомерному пренебрежению ею, «а с другой стороны, получается такое отношение: “почему бы не пошалить?” Теряется отношение к любви как к акту торжественному, как к вещи необычайной важности и необычайной радости» (Луначарский 1927: 72).

Полагаем, что поливалентность и фовизм поиска нравственного критерия эротики в социально «бурлящем» обществе наилучшим образом прорисовывается при столкновении полярных точек зрения. Наиболее показательны в этом отношении позиции, отстаивавшиеся А. Коллонтай и А. Залкиндом.

Излагая свои взгляды в статье «Дорогу крылатому Эросу», А. Коллонтай утверждала, что сексуальное общение, подпитываемое исключительно физическим влечением, не окрашенное любовью или хотя бы временной страстью, должно осуждаться. Далее, продолжала она: будущие поколения не станут обращать особого внимания на форму любовных отношений — длительный (в том числе легитимный) союз или быстро проходящую страсть. Идеология рабочего класса, по убеждению этой общественной деятельницы, не ставит никаких внешних границ любви, но требовательна к ее содержанию, «к оттенкам чувств и переживаний, связывающих оба пола» (Коллонтай 1923: 121–124). Словом, суть пролетарского этоса заключена в сопряжении телесности, экспрессии и духа. Трудно пройти мимо этого тезиса. Многие десятилетия идеи одной из ярких представительниц женского освободительного движения замалчивались. По-видимому, скорее интуитивно, нежели осознанно, в них просматривалось нечто конкурирующее с традиционным православным аскетизмом, отождествлявшимся, в свою очередь, с высокой духовностью. Зададимся вопросом: почему «крылатый Эрос»?

Коллонтай считала своим долгом приобщить пролетарскую молодежь к мировой культуре, в частности, к древнегреческой. Отсюда обращение к идеям диалога «Пир». Платон, как известно, в восхищении красотой видел начало роста души. Действие красоты он изображает, развивая миф о крылатой природе души. Философский смысл этого мифа в том, что любовь к прекрасному рассматривается как восхождение, как движе-

ние познающего от незнания к знанию, от несущественного к сущему, от небытия — к бытию. Любовь к прекрасному философ понимает как рост души, как приближение человека к истинно-сущему, как восхождение души по ступеням всё возвышающейся реальности, всё возрастающего бытия, как нарастание творческой производительной силы. Любовь к прекрасному есть путь, восхождение, поскольку не все прекрасные предметы в равной мере прекрасны и не все заслуживают равной любви. На первоначальной ступени «эротического» восхождения является какое-нибудь единичное прекрасное тело. Но избравший предметом своего стремления такое тело должен понять впоследствии, что красота отдельного человека родственна красоте всякого другого. Заметившему это надлежит стать поклонником всех прекрасных тел вообще. На следующей ступени «эротического» восхождения предпочтение отдается уже не телесной, а духовной красоте. Предпочитающий духовную красоту созерцает уже не красоту тела, но «красоту насущных дел и обычаев». Из этого созерцания он убеждается, что «всё прекрасное родственно» и «будет считать красоту тела чем-то ничтожным». Еще более высокую ступень «эротического» восхождения к прекрасному образует постижение красоты знания. Наконец, укрепившись в этом виде познания, человек, возвышающийся по ступеням «эротического» восхождения, доходит до созерцания прекрасного в себе, или вида, идеи прекрасного. На этом пределе «эротического знания» взором созерцающего открывается красота безусловная и безотносительная (см.: Платон 1970: 142–143).

Вместе с тем, А. Коллонтай, будучи человеком земным, отделяла возвышающие идеалы от жизненных ценностей и специально подчеркивала, что гармония в общении мужчин и женщин наступит в далеком коммунистическом обществе, а до той поры «на переломе двух культур» формирующаяся пролетарская мораль должна покоиться на трех основных положениях: (а) равенстве во взаимоотношениях, (б) взаимном признании прав другого без претензий владеть безраздельно его сердцем и (в) товарищеской чуткости, умении прислушаться и понять работу души близкого и любимого человека.

Синьх, не менее шокирующих обывателя, позиций подходил к проблеме «пролетарской» любви известный психиатр и общественный деятель того времени А. Залкинд. «Если, — писал он, —

то или иное половое проявление содействует *обособлению* человека от класса, уменьшает остроту его научной <...> пытливости, *лишает* его части его производственно-творческой работоспособности, необходимой классу, — *понижает* его *боевые качества*, — долой его. Допустима половая жизнь лишь в том ее содержании, которая способствует росту коллективистских чувств, классовой организованности, производственно-творческой, боевой активности, остроте познания» (Залкинд 1924: 55). Сегодня такие суждения воспринимаются как пародия, напротив, в конце 1920-х годов — как одна из возможных линий дискуссии.

На взгляд психиатра, сексуальные отношения «революционного рабочего класса» подлежат регуляции в соответствии с двенадцатью заповедями:

- не должно быть слишком ранней половой жизни в среде пролетариата;
- необходимо половое воздержание до брака, брак — лишь в состоянии полной социальной и биологической зрелости;
- половая связь как конечное завершение глубокой всесторонней симпатии и привязанности к объекту половой любви;
- половой акт должен быть лишь конечным звеном в цепи глубоких и сложных переживаний, связывающих в данный момент любящих (социальное, классовое впереди животного, а не наоборот);
- половой акт не должен часто повторяться;
- не надо часто менять половой объект, меньше полового разнообразия;
- любовь должна быть моногамной, моноандрической;
- при всяком половом акте всегда надо помнить о возможности рождения ребенка — и, вообще, помнить о потомстве;
- половой подбор должен строиться по линии классовой, революционно-пролетарской целесообразности, а потому в любовные отношения не должны вноситься элементы флирта, ухаживания, кокетства и прочие методы специального полового завоевания;¹
- следует исключить из отношений ревность;
- не допустимы какие-либо извращения;

¹ Равным образом массовое сознание относилось к буржуазным атрибутам и модную, красивую одежду. Показательно в этом смысле письмо молодой

• в интересах революционной целесообразности класс имеет право вмешиваться в половую жизнь своих членов (см.: Залкинд 1924: 77–90).

Нравственную практику, отвечающую этим заповедям, Залкинд считал наиболее способствующей действительному участию в социалистическом строительстве, радостному труду и учению. Если же, полагал психиатр, у молодого человека все-таки появятся не основанные на глубокой симпатии и революционной целесообразности сексуальные желания, которых «истинный гражданин пролетарской революции не должен иметь», то «все элементы окружающей среды (требования производства, культурные раздражители, общественно-классовое мнение, партэтика, профэтика, классовая дисциплина) должны их пресечь в корне, затормозить, переключить, перевести на другие, классово-творческие пути» (Залкинд 1930: 282).

Появление этого кодекса нельзя считать совершенно случайным¹. «Заповеди» были призваны как бы естественным образом утвердить принципы коллективизма, закрепить приоритет общества над индивидом. Несмотря на всю их прямолинейность, негибкость, они воспринимались многими с энтузиазмом.

девушки, опубликованное в «Комсомольской правде». Она солидаризировалась с мнением, что сапоги и грубая одежда более всего к лицу «ленинке». Очевидно, поэтому комсомолка не зашивала дырок и прорех на платье. Но, несмотря на высокую идейность, девушка не смогла отрешиться от субкультурной специфичности — просила у редакции совета, как ей уберечься от упреков со стороны ребят в отсутствии женственности (см.: Кузьмин 1926: 32).

¹ А. Залкинд был не единственным автором, который стремился во что бы то ни стало зарегламентировать сексуальность. Такие попытки предпринимались неоднократно. Вот несколько сюжетов из кодекса «правильного» сексуального поведения, предложенного американским психиатром А. Эллисом. Свод правил должен:

- быть «земным», т. е. созданным людьми и для людей;
- иметь минимальное число правил, регламентирующих сексуальную жизнь;
- никакого рода сексуальность не может быть запрещена, если она не вредит другому индивиду;
- допускать, что у людей имеются биологические нужды, удовлетворять которые надо как можно быстрее и полнее, пока и поскольку это не вредит другим, и т. д. (см.: Ellis 1962: 257).

Заключая сопоставление позиций Коллонтай и Залкинда, замечу следующее: одно и то же признание, что в условиях коренного преобразования общества содержание и форма нравственно-экспрессивных отношений между мужчиной и женщиной должны трансформироваться, приводило к совершенно различным выводам.

А. Коллонтай, считая любовь мерилom сексуальных отношений, при равенстве полов и изживании собственничества, делала акцент на интернальном контроле человека, на системе его индивидуальных эстетических и нравственных ценностей. А. Залкинд настаивал на экстернальной¹ регуляции. Каждая из этих точек зрения была односторонней. Между тем характер сексуальной этики должны определять, да и фактически определяют, как внутренние стимулы, нравственные ценности и эмоции, так и внешние реальные условия.

Столкновение взглядов на сексуальную мораль стимулировало работу мысли, способствовало формированию этико-социологической теории, необходимой для анализа и оценки нравственных отношений в неведомом обществе. Однако эти споры были не просто теоретическими упражнениями. Они велись страстно и конфликтно, поскольку отражали жизненные реалии. В них сказались особенности безвременья. «<...> в <...> эпоху, когда рушатся могущественные государства, — говорил Кларе Цеткин один из вождей Октябрьской революции Владимир Ленин, — когда разрываются старые отношения господства, когда начинает гибнуть целый общественный мир, в эту эпоху чувствования отдельного человека быстро видоизменяются. Подхлестывающая жажда разнообразия в наслаждениях легко приобретает безудержную силу <...>. В области брака и половых отношений близится революция, созвучная пролетарской революции» (Цеткин 1979: 45).

¹ Экстернальность; интернальность (от *лат.* «*externus*» — внешний, «*internus*» — внутренний) — предрасположение индивида к определенной форме контроля. Если ответственность за события, происходящие в его жизни, человек в большей мере принимает на себя, объясняя их своим поведением, характером, способностями, то это говорит о наличии у него внутреннего (интернального) контроля. Если же доминирует склонность приписывать причины происходящего внешним факторам, то это свидетельствует о наличии у него внешнего (экстернального) контроля.

Вдумаемся в размышления Ф. Энгельса и В. Ленина, людей различных исторических эпох и практик. Они, в принципе, пришли к идентичному мнению о влиянии коренных социальных преобразований на приватный мир человека. Эта гипотеза в основном подтвердилась при анализе сексуального взаимодействия мужчин и женщин 1920-х годов. Вместе с тем надо отметить, что исследователи послереволюционных лет зафиксировали лишь часть спектра перемен, а именно ту, которая благодаря «взрывному» (дионисийскому) характеру легко проявлялась, лежала на поверхности. Другая — детерминированная фундаментальными социальными сдвигами — была не столь прозрачна. На этом уровне подспудно меняется структура и функции эротико-сексуальных отношений, но при этом процесс протекает нелинейно: то затухает (подчас «отступает»), то вновь пробивает себе дорогу. Отсюда периодическое снижение открытого интереса к сексуальности воспринималось массовым сознанием как достижение гармонии. В действительности же такой «благодати» на протяжении всего 20-го столетия — забегая вперед, утверждаю, — достигнуть не удавалось.

Глава 3

ЭСКИЗ

ЭРОТИКО-СЕКСУАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ 1930–1960-х ГОДОВ («ЕВНУХОВИДНОСТЬ»)

К началу 30-х годов — не без воздействия институтов власти — казалось, что наступила эпоха, предначертанная А. Залкиндом. Большая часть городского населения как будто бы интериоризовала «пролетарские заповеди», превратившись вследствие этого в однородную массу, или то же самое словами Ф.М. Достоевского — в фортепьянные клавиши. Сексуальная деятельность на фоне предыдущего десятилетия стала «приглаженной» и стандартизированной. По-видимому, такое впечатление складывается не в последнюю очередь в результате сужения исследовательского поля и дефицита информационных источников.

В 20-х годах в России, о чем подробно говорилось выше, проводились многочисленные исследования проблем пола, как биомедицинские, так и социокультурные. Скажем, социальные антропологи В. Богораз-Тан и Л. Штернберг были пионерами в изучении «сексуального избранничества», ритуального трансвестизма у народов Сибири и Севера; филолог М. Бахтин вырабатывал концепцию средневековой смеховой культуры и телесного канона. Был осуществлен ряд новаторских опросов по поводу молодежных моральных ориентаций и эротических практик. В стране активно функционировали Государственный психоаналитический институт и Институт социальной гигиены. Под редакцией профессора И. Ермакова была издана многотомная «Психоаналитическая библиотека» и т. д.

В следующие десятилетия ситуация резко изменилась. Закрывли Психоаналитический институт, сексуальное просвещение молодежи полностью заменили «половым воспитанием», в противодействии проституции возобладали худшие приемы

и методы из дореволюционного прошлого (см.: Голосенко, Голод 1998: 86–87), канули в Лету на многие десятилетия эмпирические исследования. Существенно сократилось количество и изменилась направленность публикаций. Вышли всего две книги (очевидно, по инерции), посвященные проституции (см.: Броннер 1931; Ласс 1931), другие немногочисленные работы по проблемам сексуальности могут быть отнесены скорее к области физиологии (см.: Иванов-Смоленский 1933; Попов 1935; Сумбаев 1936).

Правда, вовсе затормозить развитие научной мысли не удалось: несколько десятилетий спустя вновь появились более или менее примечательные публикации по медицине пола (см.: Васильченко 1956; Свядоц 1967) и криминалистике (см.: Шаргородский 1953; Андреева 1960), а к концу обсуждаемого в настоящей главе срока находим и первые обобщения социологов (см.: Кон 1966; Голод 1968; Харчев, Голод 1969).

Разумеется, упрочение (хотя, несомненно, временное) а-ля пролетарского стереотипа нельзя считать чем-то случайным: аскетизм — *in puse*¹ православной доктрины. Отсюда идеал бесплотного человека не вызывал открытого отторжения у обывателя.

Одной из сатирически заостренных иллюстраций претенциозной канонизации ценностей асексуальной культуры может послужить следующий диалог из фельетона И. Ильфа и Е. Петрова тех лет — «Саванарыло». Редактор, предварительно нагло закрыв дверь (не дай бог, кто-нибудь подслушает), наставляет автора плаката, как следует конструировать женское тело.

Редактор. <...> А вот это что, вы мне скажите?

Художник. Официантка.

Редактор. Нет, вот это! Вот! (*Показывает пальцем.*)

Художник. Кофточка.

Редактор (*проверяет, хорошо ли закрыта дверь*). Вы не виляйте. Вы мне скажите, что под кофточкой?

Художник. Грудь.

Редактор. Вот видите. Хорошо, что я сразу заметил. Эту грудь надо свести на нет.

Художник. Я не понимаю. Почему?

Редактор (*застеччиво*). Велика. Я бы даже сказал — громадна, то-варищ, громадна.

¹ Букв.: в орехе (*лат.*), т. е. в сердцевине, в самом главном.

Художник. Совсем не громадная. Маленькая, классическая грудь. Афродита Анадиомена. Вот и у Кановы «Отдыхающая Венера»... Потом, возьмите, наконец, известный немецкий труд профессора Андерфакта «Бруст унд бюсте», где с цифрами в руках доказано, что грудь женщины нашего времени значительно больше античной... А я сделал античную.

Редактор. Ну и что из того, что больше? Нельзя отдаваться во власть подобного самотека. Грудь надо организовать. Не забывайте, что плакат будут смотреть женщины и дети. Даже взрослые мужчины.

Художник. Как-то вы смешно говорите. Ведь моя официантка одета. И потом, грудь все-таки маленькая. Если перевести на размер ног, это выйдет никак не больше, чем тридцать третий номер.

Редактор. Значит, нужен мальчиковый размер, номер двадцать восемь. В общем, бросим дискуссию. Всё ясно. Грудь — это неприлично (Ильф, Петров 1961: 188–189).

«Неприличной», откровенно говоря, оказалась не только женская грудь, но и всё то, что связано с сексуальной этикой. Работы почти всего периода характеризуются односторонней идеологизированностью, теоретической тусклостью и фрагментарностью: интерес фокусировался то на венерических заболеваниях и проституции, то на абстиненции и половом воспитании молодежи, то на импотенции и гомосексуализме.

На многие годы проституция как объект исследования для социолога перестала существовать, изучение же отдельных особей женского пола, занимавшихся продажей своего тела, перешло в ведение узких специалистов — криминалистов и венерологов, которые, показательно, для их идентификации применяли всевозможные эвфемизмы.

По А.Н. Игнатову, буржуазные государства не случайно не принимали «эффективных мер по борьбе с проституцией, так как проституция — это порождение общества с классовым неравенством, где роскоши и богатству противостоит бедность и нищета, где женщина не пользуется (по крайней мере, фактически) равными правами с мужчиной» (Игнатов 1966: 7). В то же время, настаивал автор, в Советском Союзе проституция как социальный феномен была изжита, хотя отдельные женщины иногда вступали «в половую связь за плату». Кто же эти изгой? По мнению юриста, они морально опустившиеся, «злоупотребляющие, как правило, алкоголем, женщины, поведение которых грубо нарушает нормы социалистической нравственности» (см.: Там же: 171). Вместе с тем приходилось призна-

вать и случаи вовлечения несовершеннолетних в торговлю телом. Игнатов приводит такой эпизод из судебной практики. Шофер такси познакомился на улице с пятнадцатилетней М., стал периодически приглашать ее на квартиру своей знакомой Н., где устраивал пьяные оргии. Как-то таксист предложил М. вместе с Н. ездить в его машине, знакомиться с мужчинами и вступать с ними в сексуальные связи за вознаграждение. Замысел был реализован. Факт налицо — комментарий излишен.

Последовательно проводя указанную концепцию, законодатель отказался от уголовного преследования лиц, занимавшихся, по сути, продажей тела. Женщины могли подвергаться исключительно административным наказаниям. И лишь вовлечение социально незрелых девушек в «безнравственный промысел» считалось половым преступлением. Стало быть, преследовалось не занятие проституцией как таковой, а посягательство на честь и достоинство личности несовершеннолетних.

Еще одна злободневная проблема — это неискорененность венерических заболеваний. Вопреки выдающимся успехам по лечению всего спектра болезней (и в первую очередь сифилиса), после Второй мировой войны с регулярностью в 5–7 лет фиксировался их заметный всплеск. Решающую лепту в обозначенную эмпирическую закономерность вносили как платные (проституционные), так и бесплатные «промискуитетные» (развратные) сексуальные связи. По этому поводу, признаем, имеется немного опубликованных сведений. Однако даже локальные и разрозненные наблюдения, сделанные в различных регионах страны, позволяют в самом общем виде воссоздать «лоскутную» картину.

Новосибирский врач Ф.И. Колпаков в результате анализа официальных документов венерологических диспансеров пришел к выводу о сопряженности интенсивности болезней, приобретенных половым путем, и контактов со случайными лицами. По его данным, 57,5% зараженных сифилисом не смогли указать на источник, еще 10,7% назвали условное имя партнера и только остальные (примерно поровну) сослались на знакомого и члена семьи (см.: Колпаков 1958: 58).

В начале 60-х годов директор Центрального научно-исследовательского кожно-венерологического института Н.М. Туранов поставил перед коллегами грандиозную задачу — ликвидировать в течение семи лет заразные формы сифилиса. В нашем

отечестве, настаивал специалист, заражение сифилисом «является большей частью результатом аморального поведения» (Студиницын, Туранов 1962: 3). Какой смысл вкладывался клиницистами в рутинное понятие? «Изучение состава больных свежим сифилисом, — писали они, — показало, что в основном это лица в возрасте 20–34 лет, заразившиеся в результате случайных половых связей, причем некоторые из этих больных в дальнейшем сами явились источником заражений» (Там же: 3). Словом, безнравственными признавались неупорядоченные сексуальные контакты, сопровождавшиеся сознательным (или, в лучшем случае, без злого умысла) заражением «чужих». Уточню два обстоятельства: время рождения и социальную принадлежность носителей бацилл.

Разносчики болезни — мужчины и женщины — оказывается, родились в «нравственно благополучные» 1930–1940-е годы. Когорта больных, по Туранову, была представлена сравнительно высокой долей шоферов, работников коммунальных предприятий (особенно гостиниц) и проводников железнодорожных вагонов. Типичность обнаруженной структуры разносчиков венболезней подтверждается и отчасти уточняется ленинградской клинической статистикой середины 60-х годов. И вправду, социальный статус женского контингента больных выглядел так: 60% — работницы, 20% — работники сферы обслуживания (посудомойки, официантки, буфетчицы, горничные и т. п.), 16% — служащие без высшего образования, около 2% — студенты и учащиеся ПТУ, остальные — инвалиды и пенсионеры. Названные цифры особо впечатляют при соотношении их с представительством каждой из социальных групп в генеральной совокупности работающего населения города. Так, если доли *женщин-работниц* в генеральной и выборочной совокупностях практически совпадают, то среди служащих (без высшего образования) удельный вес больных превышает долю фактического населения этой социальной прослойки в два раза, а среди работниц *сферы услуг* — соответственно в три раза. Другими словами, вступление в сексуальные связи мужчин, скажем, с официанткой увеличивало вероятность заражения по сравнению с фабричной работницей в три раза.

Сексуальное поведение венерологических больных дает общее представление о лично-отчужденных контактах, но не дифференцирует их на проституционные и развратные. Пояс-

няя эту мысль, ограничусь одним из нарративных интервью, взятым мною в Ленинградской венерологической больнице.

Больная Л. поступила в стационар в октябре 1969 года, заразившись второй раз триппером. Ей 19 лет, учащаяся техникума. Внешне вполне привлекательна, в меру стеснительна. Курит. Употребляет алкоголь (предпочитает шампанское и коньяк). Сексуальный дебют пришелся на конец мая, с тех пор имела контакты с 8–9 партнерами. Рисует обстановку первого сближения следующим образом.

Вечером вдвоем с подругой была на концерте музыкальной группы. После окончания познакомилась с артистом оркестра, который оставил ей номер телефона. Ночевала у подруги. Утром «нашла» номер — позвонила в гостиницу. Встретились, выпили — отдалась. Говорит, что не хотела этого, предупреждала партнера о своей девственности. Тот ее успокоил, заявив: «Если на самом деле так, то не трону». Отдалась, ничего не чувствуя. <...> И в дальнейшем (с другими мужчинами) контакты на том же эмоциональном уровне. На мой вопрос, для чего она вступает в сексуальные отношения, доставляет ли ей физическая близость удовольствие, интересно ли ей с партнерами, ответила: «Нет, просто отдаюсь за компанию. Надо же себя куда-то деть». Точнее говоря, сексуальность для молодой особы выполняла функцию рекреации. Подчеркну, что сама женщина не осознает свое поведение как безнравственное. На прямой вопрос: «Пошла бы ты в публичный дом?» очень обиделась и ответила: «Я не такая!»

Неудивительно, что именно венерологи предприняли первую попытку отграничить проституцию от разврата.

На протяжении 1960-х годов врач В.С. Мыскин под руководством социального психолога В.Б. Ольшанского изучал сексуальные практики женщин, проходивших курс лечения в закрытом Московском венерологическом стационаре (см.: Мыскин 1971). Из генеральной совокупности 6012 человек исследователем были случайным образом отобраны 1000 женщин, которые и образовали две равновеликие подвыборки. Первая — лица, занимающиеся проституцией. Это женщины, доставленные сотрудниками милиции в результате рейдов на Комсомольской площади (район трех железнодорожных вокзалов) г. Москвы для обследования и последующего принудительного лечения. Вторая — лица, вовлеченные в «промискуитетные» связи (путаны) и уклоняющиеся от лечения в венерологических диспансе-

рах. Воспроизведем основные социально-бытовые параметры, характеризующие проституток и путан.

Подавляющая часть тех и других — выходцы из рабочих семей (63% и 65%), из служащих — соответственно 20% и 21% и мизерное число — из колхозников и интеллигенции. Среди профессионально занятых преобладают работницы с неполным средним образованием; обращает на себя внимание, что работающих в первой группе вдвое меньше, чем во второй, так как большинство проституток (55% против 15%) не обременяют себя деятельностью на благо общества. Поэтому, естественно, основной источник их дохода — торговля телом. Жилищные условия (на общем фоне тех лет) вполне удовлетворительные: 61% имели отдельную квартиру или комнату со всеми удобствами. Более 90% респонденток — незамужние и почти 70% — бездетные. Досуг, как правило, примитивен и пассивен, иногда — кино, но довольно часто (особенно в первой подвыборке) — посещение ресторанов, баров и пивных. Между прочим, обнаруживается близость социального состава и бытовых условий проституток начала (30-е гг.) и конца (60-е гг.) рассматриваемого срока. Интегральная оценка здоровья такова — большинство женщин поступили в стационар «в состоянии соматической и неврологической астенизации, с явлением гиповитаминоза, вызванного нерегулярным питанием и повышенным потреблением алкоголя» (Мыскин 1971: 10).

Теперь обратимся к данным, характеризующим собственно сексуальную практику: интерес к мужчинам пробудился до 14 лет у 43% будущих проституток против 23% путан, в эротическую активность до совершеннолетия были вовлечены соответственно 64% и 55%, многочисленные случайные контакты имели 100% женщин из первой выборки и 91% — второй. Отсюда вполне объяснимо незнание источников заражения венерическими болезнями — 82 и 58 случаев на каждую сотню. Улица, вокзал, ресторан явились предпочтительными местами знакомства для 92% проституток и 59% развратниц. И, что весьма показательно, — на отсутствие сексуальной удовлетворенности указала почти равная доля женщин из обеих выборок (69% и 66%).

Говоря без обиняков, если пренебречь нюансами и сосредоточиться на общем, то очевидной становится смысловая близость проституции и промискуитета — всё богатство эротиче-

ских отношений редуцировано к половому акту. И первые, и вторые связи в своем большинстве становятся возможными в силу отсутствия у человека интернальной ответственности и культурного примитивизма. Попытки с помощью физической близости решить проблему психоэмоционального дискомфорта и бытовой неустроенности, найти выход из состояния одиночества, чувства, не подкрепленные включением в общение, обречены на неудачу. Партнером пользуются для достижения неспецифической цели: релаксации, социального самоутверждения и заработка — как вещь. Разврат — питательная среда для проституции. Последняя, нет сомнения, наиболее упрощенный, манифестируемый вид сексуальности.

Прискорбно для социолога, но с фактами не поспоришь: врачи, юристы и отчасти педагоги в 1930—1950-е годы вновь, как и на заре изучения социальных аспектов сексуальности (рубеж XIX—XX вв.), составляли ядро исследовательских кадров. Однако результат оказался иной — периферийность проблем и малая научная продуктивность. Так, в материалах первой (после почти полувекового перерыва) научно-практической конференции по сексопатологии (организованной в конце 1960-х годов московским НИИ психиатрии) раздел «Вопросы организации сексологической помощи» (т. е. социальный) занимает лишь 10 при общем объеме тома в 150 страниц. Указанное соотношение «нормы» и «патологии» само по себе настораживает: не происходит ли медиализация сексуальности? И всё же разочаровывает другое — качество текстов. Не буду голословным, процитирую два пассажа относительно так называемого полового воспитания. «Вопросы полового воспитания подростков, — писал ведущий специалист лаборатории психологических проблем полового воспитания Института психологии Академии педагогических наук, — относятся к числу наименее разработанных в педагогике, медицине и психологии. <...> Опыт проведения нами организационной работы в области полового воспитания убедил нас в том, что должна быть осуществлена плановая и повсеместная инструктивная подготовка педагогов и школьных врачей, с регулярной постановкой этих вопросов на педагогических советах, на родительских собраниях и т. д.» (Богданович 1969: 5—6). Не менее показательно и следующее суждение, взятое из того же опуса: «Обзор имеющейся литературы в СССР и за рубежом, касающейся

полового воспитания дошкольников, свидетельствует о том, что данная область является совершенно неразработанной». И далее следует «собственное открытие» автора: «Истоки сексуальных нарушений у дошкольников нами изучены при детальном знакомстве со 102 семьями. Полученные данные свидетельствуют, что и в раннем возрасте дети проявляют большую любознательность ко всему, что относится к сексуальным переживаниям» (Шевченко 1969: 14).

Оба участника научного форума — теоретик и практик — высказывают прописные истины: дети, оказывается, любознательны, проявляют открытый интерес к сексуальности с дошкольных лет, следовательно, их необходимо направлять в определенную нравственную колею. Логично спросить: как организовать такой процесс? Ответ до банальности прост: наладить повсеместное и систематическое инструктирование учителей и школьных врачей. Есть основания полагать, что одним из каналов «инструктажа» являются и печатные издания. Действительно, из 73 публикаций по социальным проблемам сексуальности, вышедших в течение 1960-х годов, 35 были посвящены вопросам «полового воспитания» детей и подростков (см.: АБСПС 1995: 15–26). Количественные пропорции, учитывая отношение институтов власти к проблеме, можно считать вполне удовлетворительными. В то же время содержательно авторы публикаций ни на йоту не продвинулись вперед по сравнению со своими коллегами, писавшими на ту же тему в начале столетия и в 20-е годы (см.: Бернштейн 1908; Симонов 1920; Рубинштейн 1928). Психологи и врачи так и не смогли сформулировать, с *какого* возраста, *каким* образом и, главное, — *какому* нравственному идеалу и ценностям обучать (и просвещать) подрастающее поколение.

Я навряд ли погрешу против истины, если предположу, что за тридцать–сорок лет быстротекущего века этические принципы подверглись определенным, пусть и нечетко просматриваемым трансформациям. В подтверждение этой гипотезы сошлюсь на демифологизацию обычая «девственность». Предваряя рассмотрение по сути, напомню, что страстное устремление к девственной чистоте неизменно восхваляется христианством как достойный пример для подражания. Больше того, такой принцип морали выставляется Церковью как универсальный по своей значимости. В Первом послании свя-

того апостола Павла к Коринфянам говорится: «<...> выдающий замуж свою девицу поступает хорошо; а *не выдающий* поступает лучше» (1 Кор. 7: 38)¹.

В конце 50-х годов молодежная редакция Ленинградского радио провела серию передач под общим названием «Береги честь смолоду!». Желали ее инициаторы того или нет, но цикл был выдержан в духе двойной морали: из передач вытекало, что девушки должны по-домостроевски беречь свою честь (понимаемую далеко не в нравственном смысле), о юношеской же *чести* (или *достоинстве*) вопрос даже не ставился. Цикл спровоцировал поток откликов, понятно, в основном от девушек. Вот два репрезентативных размышления².

Пишет Л., 25 лет:

У меня до сих пор нет мужа и не намечается. Я окончила вуз, с душой отдаю любимой работе, люблю стихи, театр, музыку, сама играю на рояле, люблю рисовать. Как видите, духовный мир не беден. Сама я не красавица, но и не страшная. Думаете, у меня не было юношей? Были, и немало. Среди них были рабочие, студенты, курсанты, инженеры. И ни одному из них не нужен был мой духовный мир. Им нужны были женщины, и они находили их. А я периодически оставалась одна до следующего знакомства... Да, я не совершила ошибки в своей жизни, я боролась за сохранение своей девичьей чести. Порой эта борьба была самой настоящей. Я всегда одерживала победу, но что толку? Раньше я гордилась своей чистотой, а теперь перестала...

Следующее письмо от студенток 3-курса одного из ленинградских институтов:

Слушали вашу передачу. Очень интересно то, о чем вы говорили, но во многом мы с вами не согласны. <...> Почему мы до сих пор счи-

¹ Высокая оценка девственности, в принципе, присуща всем конфессиям. Последователи одних из них пересмотрели свое отношение ранее, другие — позднее. Так, для КНР характерен крайне низкий уровень добрых половых связей молодых мужчин (14%) и женщин (7%), но эти данные относятся к 1989–1990 гг. Вместе с тем о неизбежных изменениях сексуального поведения свидетельствует наличие у китайской молодежи умонастроений, аналогичных тем, что наблюдались на Западе перед началом либерализации сексуальности: при низком уровне добрых связей допустимыми их признают при наличии любви или консенсуса 87% мужчин и 66% женщин, а отсутствие девственности у будущего партнера (партнерши) в браке не смущает 62% мужчин и 68% женщин (см.: Schmidt 2002: 45).

² Копии писем любезно предоставлены мне Ленинградским радиокомитетом.

таем, что сначала нужно расписаться в ЗАГСе, а потом уже отдаваться любимому? Разве бумажка удержит человека? Если у девушки и парня действительно любовь, разве меньше будет ценить он ее оттого, что это совершилось раньше? Нет! Разве он поставит ей когда-нибудь в упрек то, что совершилось до свадьбы? Нам кажется, наоборот. Она верила, очень верила ему. Вот что оценит он <...>. То, что совершается с двумя людьми, действительно любящими, настолько чисто и прекрасно, что это не зависит ни от каких бумажек со штампами. <...> Мы не за тех девиц и ребят, которые необдуманно бросаются в близкие отношения. <...> В этом есть что-то животное, унижающее человека. Они опустошают себя. В них не остается ничего чистого, сокровенного.

Два письма — две нравственные позиции. Первая отражает традиционный, т. е. христианский, взгляд на «физическую» целостность¹. Скорее всего, перед нами жизнепонимание, не постигшее креативного начала эроса. Девушки, разделяющие такие принципы, могут пойти (и фактически идут) на ласки, объятия и поцелуи (petting, neeking, kissing) со многими партнерами, избегая при этом опыта вагинальной близости до заключения легитимного союза. Сознательное ограничение эротической активности есть не что иное, как компромисс между ярко выраженной потребностью актора в эмоциональной разрядке и социальным табу на генитальные контакты вне инстигута брака². Кстати, замечу, что девственности в силу специфики женской сексуальности, как правило, получают от интенсивных ласк удовлетворение, которое практически делает ненужной вагинальную близость (см.: Иванов 1966: 17). С большой вероятностью можно предсказать — в супружестве эти женщины не достигнут искомой психофизической отзывчивости.

¹ К месту будет подчеркнуть некоторое различие в требованиях к «целомудренной жизни» в двух христианских конфессиях. В православии «призывы к вечной девственности, безбрачию, пополнению рядов «невест Христовых» не были столь беспрекословны» (см.: Пушкарева 1995: 59), сколь настойчивым было требование целомудренности обычной жизни, под которой понималось соблюдение требований: верности, терпимости, спокойствия, умерения страстей, разумных ограничений в сексуальной жизни, недопустимости прелюбодеяния и т. д. (см.: Там же).

² Преодоление ханжества, т. е. прямолинейной пропаганды сексуального воздержания до юридического оформления союза, не является чисто российской или православной проблемой. Так, известный социолог из уни-

Иная позиция, отстаиваемая студентками, сводится к нравственной максиме: не пренебрегая девственностью, обращай преимущественное внимание на целомудрие¹.

Иными словами, важна не «бумага» (правовая фиксация отношений), а база общения — обоюдная эмоционально-духовная вовлеченность («интимность»). По этой версии, эрос и целомудрие — взаимопроникающие нерасторжимые понятия. Корреспондентка — *традиционалистка* по мироощущению и *викторианка* по практике, как бы оправдывается, ищет защиты, общественного подтверждения актуальности иудео-христианских ценностей (она уже ставит их под сомнение); *модернистки* (всех мастей от *трансвеститок* до *амазонок*) не только не испытывают колебаний в выработке своих экзистенциальных принципов, но активно их провозглашают.

У женщин разнонаправленность взглядов на ценность «девственности» неоспорима; мужчины более инертны, они во что бы то ни стало отстаивают незыблемость маскулинных традиций. Ограничусь несколькими беглыми зарисовками. В ответ на публикацию в латышском научно-популярном журнале (см.: Голод 1969б) я получил «отповедное» письмо от подписчика из Грузии. Читатель искренне проповедует следующее: «Сохранение девственности женщиной до момента бракосаключения имеет огромное значение, и не только физиологическое, но и морально-нравственное. Надо внимательно относиться к тому обстоятельству, что они (жених и невеста. — С. Г.), несмотря на свое влечение друг к другу, потребность в физической близости, перебороли себя, не поддались искушению и на семейный алтарь принесли нетронутую чистоту невесты». Недвусмысленность представленной

верситета Миннесоты Айра Рис даже в конце 80-х гг. критиковал американскую общественность за безапелляционную защиту молодежной абстиненции. «Мы настолько озабочены проблемой молодежной сексуальности и так уверовали в абстиненцию, — отмечал он, — что почти никто публично не ставит вопрос: является ли ее поощрение действительно безопасным, и следует ли вообще стремиться к воздержанию? Точно так же мы ошибочно приравниваем клятвы по поводу воздержания к реальному воздержанию. Эта логическая ошибка создает неизбежный моральный сдвиг: наслаждение «принудительной абстиненцией» фактически увеличивает, а не уменьшает вероятность и заболеваний (венерическими болезнями. — С. Г.), и беременности» (Reiss 1991: 5).

¹ Целомудрие — строгая нравственная чистота (см.: Ожегов 1986: 758).

позиции, убежден, исключает необходимость пространного комментария. Здесь мы имеем дело с ярко выраженным мужским шовинизмом, который, разумеется, присущ не только патриархально выпестованным грузинам. Вот случай из частной жизни другого этноса.

После ряда конфликтов с мужем молодая женщина, проживавшая в Ленинградской области, обратилась в конце 50-х годов за советом в семейную консультацию. Согласно ее рассказу, муж-студент бывал дома в деревне наездами. И каждый раз, вступая в сексуальную связь, подчеркивая, с беременной женой, он вновь физически ощущал ее девственницей. Но вот что примечательно: у него развилась ревность к ее прошлым ухажерам. «Знаю, — констатировала корреспондентка, — что многие люди, любящие по-настоящему, не обращают внимания на такую чепуху — девственница или нет их любимая. Но человек (не мужчина! — С. Г.), которого я люблю, считает это самым главным в любви к женщине. Что же делать?» — с отчаянием вопрошает медицинский работник (!).

Этот анахронизм вселенской ревности не только укоренился в сознании обывателя, но подчас обосновывается представителями естественных наук. Сошлюсь на размышления генетика В.П. Эфроимсона: «Культ девственности, который иным представляется противоестественным <...>, вероятно, относится к группе эмоций, мощно поддержанных естественным отбором <...>. Девственность служила не только гарантией отсутствия венерических заболеваний у вступающих в брак, она отчасти гарантировала и то, что девственница, став женой, уберется от внебрачных контактов. В меньшей мере, но по этой же причине, естественно, возникали требования к сексуальной непорочности юношей» (Эфроимсон 1995: 65). Какова природная функция девственной плевы — до сих пор загадка. О нравственных аспектах девственности можно дискутировать. Меня лично доводы исследователя не убеждают. Против заражения венерическими болезнями половым путем, по меньшей мере к настоящему времени, получены эффективные средства (в первую очередь презервативы), и поэтому юношескую абстиненцию не следует возводить в абсолют. Девственность же как гарантия исключения в дальнейшем адюльтера не находит эмпирического подтверждения. Так, результаты моих опросов интеллектуалов (1969 г. и позднее 1989 г.) показали, что часть

женщин, осуждавших возможность сексуальных контактов до заключения брака (и фактически в них не состоявших), оформив этот союз, радикально меняла не только свое вербальное, но и актуальное поведение. И последнее. Утверждение о наличии естественной основы юношеской «непорочности» звучит, мягко говоря, наивно. Реальная база возможного перехода к единому стандарту, по моему мнению, — целомудрие.

С другой стороны, нельзя умолчать об инертности этой традиции. Акцентирование внимания сословного (или кастового) мнения на сверхценности «девственности» подталкивало некоторых женщин вплоть до второй половины XX века к парадоксальным действиям. Одна часть молодых особ, стремясь сохранить «физическую целостность», ограничивают эротическую практику оральными и (или) анальными контактами, другая — прибегает к искусственному восстановлению плевы. Согласно интервью владельца хирургической клиники Фумихико Умэдзавы, данного газете «Дейли Йомиури» (февраль 1975 г.), число клиенток, желавших подвергнуться операции по восстановлению девственности, постепенно падало. Так, если в 50–60-е годы еженедельно в клинике производилось около ста операций, то в середине 70-х годов — только десять. Газета сообщала, что к такого рода операциям прибегают в настоящее время главным образом женщины, принадлежащие к высшим слоям общества, склонных к бракам «по сговору», при заключении которых, как известно специалистам, девственность издавна считалась одним из важных достоинств невесты. Главная цель представителей знати, соглашавшихся на эту операцию, состояла в том, чтобы замести следы своей прежней «разгульной» жизни и после замужества «войти с достоинством в консервативно настроенные круги японского общества» (Латышев 1985: 31). Несколько позднее (к началу 80-х гг.) обычай «восстановления» девственной плевы проявил себя и на территории среднеазиатских республик Советского Союза. По крайней мере, эту проблему со мною обсуждали заинтересованно и по собственной инициативе работники Ашхабадского обкома комсомола. Их озабоченность понятна: часть (и немалая) браков заключалась в республике по сватовству, был в ходу и обычай оповещения результатов первой совместной ночи, — всё это создавало в молодежной среде эффект «сжавшейся пружины», ожидания бурного конфликта со старшими поколениями.

Середина 60-х годов связана с *этапным* событием в изучении эротики в России — возобновились после почти 40-летнего перерыва опросы различных социальных слоев городского населения по поводу их сексуальных ориентаций и практик. В чем же неординарность этого момента? Для прояснения общественной атмосферы тех лет, сложившейся вокруг эротических отношений, вынужден, по возможности кратко, остановиться на перипетиях моей профессиональной деятельности.

В последние годы учебы в институте (начало 60-х гг.) я заинтересовался книгой Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Меня привлекли те из эпизодов, которые характеризовали эпоху «дикости» (промискуитет, групповые формы брака, дуальные системы и т. п.). При написании указанной части монографии немецкий социолог опирался на полевые материалы и отчеты корреспондентов американского социального антрополога Л. Моргана. Достоверность части из них в это время ставилась под сомнение как западными, так и российскими этнологами. Дальнейшие разыскания привели меня в XX век. Сначала я открыл для себя опросы сексуального поведения российской молодежи, проведенные в промежутке с 1905 по 1920-е годы, а затем и отчет известного американского сексолога Альфреда Кинзи¹.

Спустя год после окончания вуза так случилось, что меня приняли на работу в социологическую лабораторию при Философском факультете ЛГУ. Ее сотрудники исследовали отношения рабочих к труду. Поэтому, естественно, с моими интересами (которые по легенде определялись как «семья») я выглядел «белой вороной». Раскрывая метафору, ограничусь рутинным случаем. Наряду с выполнением повседневной работы, мною продумывался план реализации генерального замысла — собрать эмпирические данные о сексуальных молодежных практиках. Проанализировав вопросники российских медиков начала века и текст интервью американского сексолога, я скомпоно-

¹ Сегодня легко иронизировать над прошлым, и всё же не удержусь, упомяну следующее обстоятельство: публичная библиотека им. М.Е. Салтыкова-Щедрина рискнула приобрести первый из отчетов Кинзи — о сексуальном поведении мужчины, но уже на отчет о сексуальном поведении женщины (см.: Kinsey 1953) у ее работников духу не хватило. Желающие ознакомиться с указанным томом отчета были вынуждены ездить в Москву в Государственную библиотеку им. В.И. Ленина.

вал некоего «уродца» и рискнул попросить заведующего лабораторией В.А. Ядова просмотреть его.

После очередных выходных дней Владимир Александрович оставил меня для беседы. «Сергей, — сказал он сердитым голосом, — что ты мне тут подсунил? Поехали в воскресенье с женой на пляж, взяв с собой твою анкету. Лежу, кругом ходят люди в купальниках и плавках, а я вчитываюсь в твои вопросы, но ведь это — срамота. Если кто-нибудь вдруг заметит, о чем ты спрашиваешь, что они подумают?» Я попытался возразить: «Но именно это, Владимир Александрович, меня и интересует». Разумеется, каждый из нас остался при своем мнении. Ясно: если один из ведущих социологов страны так отреагировал на проблему, то что станет с обывателем, не говоря уж о чиновнике, когда им попадутся на глаза аналогичные вопросы. В дальнейшем худшие ожидания с лихвой оправдались.

Убедившись в том, что мои интересы никоим образом не найдут понимания ни в лаборатории, ни на факультете, я покинул ЛГУ. Шаг был весьма рискованным. Около двух лет мне не удавалось найти постоянной работы. Неожиданно я был приглашен на кафедру философии при Ленинградском научном центре Академии наук СССР для проведения совместно с поляками сравнительного исследования по теме: «Совмещение женщиной семейных и профессиональных ролей». С тех пор институт семьи и в самом деле становится одним из моих профессиональных интересов. И всё же желание исследовать проблему сексуальности меня не покидало. Я решил поступить в аспирантуру Института философии Академии наук в сектор «Новых форм труда и быта» (руководитель Г.В. Осипов). Сдав заранее все кандидатские экзамены и написав реферат «Куда ведет американская сексуальная революция?», я вручил документы в отдел аспирантуры. И с оптимистическим настроением ждал результата конкурса. Но не тут-то было. Реферат оценили как неудовлетворительный, а проблему — неактуальную. Такой пассаж меня не только не убил, но даже не отрезвил.

Вернувшись домой, подал документы в аспирантуру философского факультета Ленинградского государственного университета по кафедре «Исторического материализма». Но и здесь, прямо скажу, я не встретил понимания. Реферат, правда, профессор И.С. Кон оценил на «отлично». (Показательно, в соискательском сочинении не было изменено ни одной запя-

той!). При зачислении декан факультета (он же заведующий интересовавшей меня кафедры) профессор В.П. Рожин как будто бы сказал: мы знаем увлечение Голода, он не может быть с его темой зачислен в аспирантуру. Согласно тем же источникам, ему возразила, отметив актуальность проблемы, его заместитель доцент С.Н. Иконникова. На что было заявлено: «Вот и возьмите его к себе на кафедру». Так я стал аспирантом-заочником кафедры «Этики и эстетики». Определенные трудности возникли в дальнейшем, скажем, вокруг назначения научного руководителя. Об этом конфликте неоднократно писал Кон (см., напр.: Кон 1997: 173–175), поэтому нет смысла на нем останавливаться. Казалось бы, всё более или менее благополучно завершилось. Однако мне не давали расслабиться. Еще до начала работы над диссертацией официальный «наставник» огоршил меня, заявив: «Исследовать проблему сексуальности будет интересно, но ее защитить вам никогда не удастся». И он не ошибся.

За время, отведенное для написания диссертационной работы, я не только успел проанализировать литературные источники, но и собрать столь желанный эмпирический материал. В те годы, надо сказать, размножение вопросника и опрос могли быть осуществлены исключительно *нелегитимно*. Детали сегодня не так интересны, хотя об одном нельзя не напомнить. На протяжении всего цикла подготовки и проведения опроса мне помогали, рискуя, многие люди, причем с таким энтузиазмом (конечно, об оплате даже не возникало и речи), которого в настоящее время невозможно себе даже представить.

Весной 1968 года точно в срок прошла предварительная апробация моей диссертационной работы «Социологические проблемы сексуальной морали» на заседании кафедры «Этики и эстетики». В результате обсуждения она была рекомендована к защите на Диссертационном совете философского факультета ЛГУ. К вящему сожалению, техническая процедура (подготовка документов, написание и размножение автореферата и т. п.) затянулась надолго. И тем не менее к лету казалось, что всё в полном ажуре — дано в газету объявление о защите, разослан автореферат (см.: Голод 1968б), получены отзывы¹. Ма-

¹ Так, директор Всесоюзного института по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности при Прокуратуре Союза ССР доктор

ло того, предполагалось извлечь из вынужденной задержки пользу. Думалось: так как обязательный экземпляр автореферата попадет в обком КПСС в период массовых отпусков, то тем самым возрастет вероятность того, что он останется никем не замеченным. Реальность преподнесла злую шутку. Наступил последний месяц лета — август, и подтвердилось расхожее мнение о сопряженности политики и сексуальности. В Праге расстреляли восставших либералов, в Ленинграде инструктор указанного органа не только «отловил» автореферат, но и взял его домой для совместного с женой штудирования. В результате всё завертелось, и круговерть не проходила многие годы. Рассыпали в «Вечернем Ленинграде» набор объявления о публичной защите, приостановили «до особого распоряжения» саму процедуру (она была намечена на 24 октября), из большого Ученого совета ЛГУ затребовали в обком экземпляр диссертации, на августовском городском совещании преподавателей общественных наук в докладе секретаря обкома было строго указано философскому факультету на его идеологический просчет, а и. о. заведующему кафедры «Этики и эстетики» вынесли выговор. Но самое удивительное: никто из работников аппарата не был в состоянии членораздельно сформулировать претензии к соискателю. Когда начался учебный год и я попытался выяснить у декана факультета (он же председатель Ученого совета), что мне инкриминируется, в ответ услышал жалкий лепет: много ссылок на А. Коллонтай, Ф. Энгельс цитируется

юридических наук, профессор В.Н. Кудрявцев писал: «Автор диссертации исследует проблему, имеющую прямое отношение к юридическим наукам и, в частности, к криминологии, изучающей преступность и ее причины. В этом плане диссертация представляет большой интерес. Известно, что в течении многих лет законодательство в области борьбы с половыми преступлениями базировалось не столько на социологических исследованиях в этой области, сколько на традиционных, порой устаревших, абстрактных представлениях. Работа С.И. Голода, по-видимому, впервые дает возможность составить реальное представление об этой области взаимоотношения людей. И в этом ее несомненная ценность.

Отметим также, что, с нашей точки зрения, весьма интересны и содержательны положения автора относительно исторически обусловленных изменений в сексуальной морали, о двух возможных путях ее дальнейшего развития, об остаточных явлениях «двойной» морали и т. д. Все эти положения особенно необходимо учитывать при анализе причин антиобщественного поведения, в частности, сексуальных правонарушений подростков...»

не по Собранию сочинений, автореферат отпечатан небрежно. Через месяц я обратился к декану вторично за уяснением судьбы кандидатской работы, услышал в ответ: «Надо ждать». На мой риторический вопрос: «Мне что, забрать диссертацию?» он с облегчением заметил: «Это был бы самый лучший вариант». Спустя неделю-другую я так и сделал. Показательно, из тиража автореферата в 250 экземпляров мне не вернули ни одного.

По наивности, решил попытать счастья в Москве, обратившись в Институт конкретных социальных исследований АН СССР (ИКСИ). Летом 1969 года прошло предварительное обсуждение диссертационной работы в Ленинградских секторах этого института. Соответственно был написан новый автореферат (см.: Голод 1969а). В марте 1970 года в «Вечерней Москве» появилось объявление о назначении защиты на 27-е.

Ленинградский обком КПСС не переставал тщательно отслеживать все мои действия, направленные на защиту исследования; более того, теперь с ним солидаризировался ЦК комсомола. Научную работу срочно затребовали (не без пособничества сотрудников секретариата Ученого совета ИКСИ)¹ в комсомольский бастион. Первый секретарь ЦК ВЛКСМ заявил, что диссертация Голода — «идеологическая диверсия против советской молодежи», и если дирекция института защиты не отменит, то он будет жаловаться в ЦК партии. Окрик возымел действие — незаконное восторжествовало.

Перед самым заседанием Ученого совета, когда уже до отказа заполнился конференц-зал, ко мне в коридоре подошел один из моих официальных оппонентов — В.А. Ядов и от своего имени, а также по поручению дирекции ИКСИ попросил отложить защиту «по болезни». В противном случае, утверждал он, меня просто провалят, ибо при ином исходе дела могут закрыть институт, который, разумеется, для матери-истории более ценен. Я согласился «заболеть» при одном условии: когда через полгода будет представлено новое исследование, то дирекция обязуется не препятствовать его защите. На том и порешили.

¹ В секретариате меня прямо-таки шокировали, сказав, что первый экземпляр моей диссертации бесследно исчез из сейфа (!), поэтому следует немедленно представить новый.

Не секрет: защиту нетрудно отменить, но от проблемы, в конечном счете, не уйти. За то время, пока длилась моя одиссея, произошло следующее: в США перепечатали ленинградский автореферат (см.: Golod 1969), в Ученых записках при Научно-исследовательском институте комплексных социальных исследований (НИИКСИ) ЛГУ в соавторстве с А.Г. Харчевым была опубликована статья под невинным названием «Молодежь и брак», на которую моментально откликнулся журнал «Тайм» многозначительной рецензией — «Коммунистические Кинзи» (см.: СК 1970: 23). Чего же испугались власть предержащие? По сути, ничего крамольного в кандидатском исследовании не было, если не считать того, что советская молодежь, как и всякая другая¹, практиковала нелегитимные сексуальные контакты, не центрированные на matrimониальное поведение, и оценивала это по-разному. Кстати, не в оправдание будет сказано, западная общественность в этот же период относилась к своим исследователям сексуальности не менее сурово — так, например, А. Кинзи был наказан Комиссией по антиамериканской деятельности, а задолго до этого (в 1929 г.) в Англии «в штъки» была принята книга Б. Рассела «Брак и мораль» (см.: Russell 1929), кстати, удостоенная через 21 год Нобелевской премии.

Схематично освещу лишь кардинальные линии анализа и интерпретации тех лет. Но сначала сжато остановлюсь на принципах отбора респондентов.

В 1964/1965 учебном году мною были опрошены 500 студентов (в том числе 250 женщин) ленинградских высших учебных заведений. Институты отбирались с преимущественно мужским, преимущественно женским и равнополовым составом. В

¹ По данным А. Кинзи, до оформления брака более половины замужних женщин находились в различной степени сексуальной близости с шестью и более партнерами (см.: Kinsey 1953: 683). В результате межкультурного сравнительного исследования, проведенного американским социологом Х. Кристенсеном в 1958 г., установлено: среди мормонов Межгорного района США в «добрачных» сексуальных связях состояли 3% женщин и 23% мужчин, в то время как на Среднем Западе — 17% женщин и 47% мужчин, а в Дании соответственно: 81% и 94% (см.: Christensen, Gregg 1970: 619). В Германии Метгер обнаружил, что 82% мужчин и 52% женщин практиковали «добрачный» коитус (см.: König 1965: 49). Опрос, проведенный в 1951 г. Волкером и Флетчером среди английских рабочих, выявил: 64% мужчин и каждая вторая женщина имели опыт сексуальных отношений до вступления в брак (см.: Walker, Fletcher 1962: 110) и т. д.

числе десяти институтов три — университет, технологический и медицинский — стали базовыми, составив в сумме около 70% выборки. Среди других выделю педагогический, электротехнический, театральный. Студенческие группы в институтах отбирались (со второго по шестой год обучения) по принципу случайной бесповторной механической выборки, внутри групп проводился сплошной (как правило, отдельно по полу) опрос. Мигранты, в конечном счете, составили приблизительно четвертую часть от общего числа респондентов.

Научные сотрудники опрашивались в 1966–1969 годах в институтах Академии наук и НИИ; врачи и учителя — в соответствующих институтах повышения квалификации. Здесь вносились два ограничения: возрастное (устанавливался предел от 25 до 40 лет) и брачное (все респонденты на момент опроса должны были состоять в браке). Выборка выравнена по полу. Всего охвачено 250 человек. В обоих случаях опрос проводился с помощью формализованного интервью.

В пределах тех же лет было осуществлено тестирование 125 служащих и рабочих. Молодые люди отвечали на вопросы вне производства: в вечерних школах, институтах и университетах культуры. В круг респондентов вошли добровольцы независимо от пола, образования и брачного статуса. Таким образом, в середине 60-х годов мною теми или иными методиками было опрошено 875 человек.

Итак, студентам и интеллектуалам (людям с высшим образованием), наряду с другими, был задан и вопрос о принципиальной возможности вступления в сексуальные отношения до юридического оформления брака. Распределения ответов представлены в табл. 2.

Табл. 2. Принципиальная оценка возможности нелегитимных сексуальных отношений студентами и интеллектуалами в сопоставлении с их полом (в %)

Суждения	Студенты		Интеллектуалы	
	мужчины	женщины	мужчины	женщины
Оправдываю	53,0	38,0	62,0	55,0
Осуждаю	16,0	27,0	14,0	7,0
Неопределенно	31,0	35,0	24,0	38,0

Первое, что обращает на себя внимание, — это высокий процент студентов и особенно интеллектуалов, одобряющих

нелегитимную сексуальную практику. Значителен и процент респондентов, отказавшихся высказать однозначное отношение к данному явлению. Сопоставление мужских и женских ответов обнаруживает более толерантное отношение мужчин к юридически неоформленным сексуальным связям. Вместе с тем и в женских выборках доминирующая ориентация — «оправдание». Бросается в глаза и иное. Если доля мужчин, осуждающих нелегитимную сексуальную практику независимо от социального статуса, однопорядковая, то у женщин расхождение в этом пункте между студентками и интеллектуалками значительно (27% против 7%).

Чем же можно объяснить расхождения в суждениях студентов и интеллектуалов? По-видимому, в первую очередь различием брачного статуса: подавляющая часть студентов еще не состояла в браке, интеллектуалы же все имели опыт супружеской жизни. Следовательно, этот опыт (в данной конкретной ситуации) нужно рассматривать как фактор, способствующий нравственному узаконению сексуальных отношений до регистрации брака. Но тогда возникает вопрос, что именно в интеракции мужа и жены способствует указанной тенденции? Возможны два диаметрально противоположных варианта ответов. Или этот опыт говорит о сравнительно небольшой роли сексуальности, о преобладании в отношениях супругов других аспектов (интеллектуальных, нравственных, экономических и т. д.), или же он, наоборот, свидетельствует о важности в супружестве сексуальности, которая заставляет людей ретроспективно одобрять практику, повышающую шансы партнеров в этом отношении.

Какая из этих гипотез справедлива, предполагалось, покажут только дальнейшие разыскания.

Одновременно, как уже отмечалось, с помощью специально-го теста была предпринята попытка выяснить мнение молодых людей (рабочих и служащих) о предпочтительном партнере по нелегитимным сексуальным контактам: «любимая (-ый)» — «подруга (друг)» — «случайная знакомая (случайный знакомый)». Какие же приоритеты обозначились? 91% мужчин посчитали возможным для себя вступить в сексуальные отношения с любимой женщиной, каждый третий — с подружкой, а 60% и со случайной знакомой; 81% женщин не исключали для себя возможности вступления в юридически неоформленные сексуальные отношения с

любимым мужчиной, почти каждая пятая — с другом и около 7% — со случайным знакомым. Выявилась сопряженность ориентаций на определенный тип партнера с уровнем образования тестируемого. Респонденты с высшим образованием (независимо от пола) в отличие от закончивших среднюю школу были максимально ориентированы на контакт с любимой(-ым) и минимально — со случайной(-ым) знакомой(-ым).

Тестирование не только подтвердило разнообразие оценок молодыми людьми моральности нелегитимных эротических практик, установленное при анализе писем, спродюцированных циклом передач «Береги честь смолоду!», но и зафиксировало поливалентность в их восприятии роли сексуальности (любовь, рекреация, релаксация и т. д.) в жизнедеятельности человека. Несомненно, целостное представление о сексуальных практиках молодежи, не состоявшей в брачном союзе, было бы неполным без учета количественных характеристик их актуального поведения. Оказалось: из общего числа опрошенных 85% студентов и 47% студенток уже имели такую практику к моменту опроса. В выборке интеллектуалов (у которых учеба в вузе пришлась на конец 50-х — начало 60-х гг.) 94% мужчин и 72% женщин состояли в сексуальных контактах до юридического оформления брака. Возраст первого сексуального опыта у студентов распределился следующим образом (в %): мужчины до 16 лет — 10,3; 16—18 лет — 42,2; 19—21 год — 32,8; 22—24 года — 13,1; и старше — 1,6; женщины до 16 лет — 1,7; 16—18 лет — 12,8; 19—21 год — 50,4; 22—24 года — 27,3; и старше — 7,8. Немаловажным показателем качества рассматриваемого взаимодействия может служить реальный тип партнера по дебютной сексуальной связи. Так, у студентов 6% приходилось на долю жены/невесты, 10% — замужней женщины, более 30% — женщины значительно старше по возрасту и 43% — подруги, близкой по возрасту, образовательному и культурному статусу; у студенток партнеры распределились соответственно: 50% — 6% — 16% — 26%.

Несколько заключительных слов. Результаты моих опросов, вкупе с анализом личных документов, слегка приподняли завесу над процессами, происходившими в эротических отношениях, главным образом, молодежи мегаполиса¹. Они, в частности,

¹ Впрочем, и среди студентов, и среди интеллектуалов были не только жители Ленинграда.

подтвердили, как и некоторые косвенные свидетельства — массовое распространение венерических заболеваний, усиление административного преследования женщин так называемого «легкого поведения», ужесточение негативного корпоративного мнения относительно педерастии, рост числа разводов, мотивированных супружеской изменой, и т. п. — интенсификацию противоборствующих тенденций в сексуальной этике на рубеже 70-х годов минувшего столетия. Наряду с этим стало очевидным: для того чтобы достоверно и обоснованно определить направленность этих трансформаций и их обусловленность, необходимо проводить регулярные репрезентативные опросы (и наблюдения) в разных географических регионах страны и социальных средах.

Обозревая эротическую сферу всего периода (30—60-е гг.) в целом, можно его охарактеризовать как наиболее бесцветный, противоречивый и в значительной мере «казарменный» в нравственной истории России XX века: на смену «дионисийству» 20-х годов пришла пора экспрессивной «евнуховидности». Нравственный «зонтик» скукожился, стал, по меньшей мере внешне, маловыразительным и безальтернативным, сам же Эрос сделался не только бескрылым, но и бесполом (характерный девиз эпохи: «женская грудь — это неприлично»). Расширялась открытая экспансия государственных и партийных институтов в приватную жизнь человека. Она проявлялась в обязательном юридическом оформлении браков, дифференциации детей на «законных» и «незаконных», запрете аборт, негласном контроле за контрацептивами, ужесточением процедуры развода и т. д. Атеистическими методами внедрялись по сути ортодоксальные православные принципы: «девственность» как особый (высокий) стиль жизни, аморальность трансвестизма, юридическое преследование мужской педерастии и др. Больше того, любая научная «любопытность», стремление вскрыть реальную направленность трансформации сексуальных норм и практик вызывали, в лучшем случае, настороженность и глухие санкции со стороны правящих элит.

В то же время, надо признать, данная выше характеристика нравственной ситуации обща. При дифференцированном рассмотрении всего хронологического периода обнаруживаются значительные колебания принципов сексуальной этики (к примеру, между 30-ми и 60-ми гг.). По-видимому, они (эти принци-

пы) оказались намного чувствительнее к изменениям, происшедшим в приватной, нежели публичной сфере общества. Скажем, как ни покажется парадоксальным на первый взгляд, опросные свидетельства об эротических ориентациях и практиках молодых людей 60-х годов напоминают или даже порой тождественны поведению их сверстников сорокалетней давности (см.: опросы Гельмана, Ласса и Гуревича) и более перmissive относительно начала века (см.: опросы Фавра и Членова).

Глава 4

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ И ФАКТОРЫ, СДЕРЖИВАЮЩИЕ ЮНОШЕЙ И ДЕВУШЕК ОТ НЕЛЕГИТИМНОЙ СЕКСУАЛЬНОСТИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ОПРОСОВ 1965–1999 гг.)

Зафиксированное у студентов в середине 60-х годов разнообразие ориентаций на принципиальную возможность нелегитимных сексуальных практик требовало проверки на воспроизводимость. Для того чтобы тенденции, обнаруженные в студенческой среде, представляющей собой, как известно, маргинальную социальную группу, могли интерпретироваться как эмпирическая закономерность, необходимо было расширить исследовательское поле, включив в него все слои населения Ленинграда (Санкт-Петербурга), а также, по возможности, и других регионов страны.

Для решения первой задачи через семь лет был проведен следующий опрос того же числа юношей и девушек, обучавшихся в тех же высших учебных заведениях (см.: Голод 1996). Ответы распределились следующим образом: оправдывали — 51%, высказались амбивалентно — 35% и осуждали — 14%. Появилось основание констатировать, во-первых, устойчивость соотношения удельного веса оценок, во-вторых, количественный рост оправдывающих и снижение — осуждающих. Процесс поливариантного конституирования себя как моральных субъектов раскрывается объемно благодаря «поясняющим» текстам, оставленным девушками в формализованном интервью. Вот некоторые из них. Студентка (1965 г.), осуждающая нелегитимный эротический опыт, излагает свою позицию лаконично, в духе христианской традиции: «Считаю, что для будущего мужа жена должна быть загадкой, чистой (выделено мною. — С. Г.), чем-то манящим, отсюда это (добрачные вагинальные контакты. — С. Г.) несвоевременно». И противоположное мироощущение (студентка 1972 г.): «Раньше я была

против добрачных связей, сейчас, хотя и не состою в них, — оправдываю, так как не от регистрации брака зависит жизненное благополучие. А может, они (партнеры. — С. Г.) не подходят друг другу. Но это не означает, что необходимо быть распущенной».

Новые полевые материалы — опрос почти четырех тысяч студентов 18 вузов страны (1978 г.)¹, позволили уточнить некоторые аспекты обсуждаемой трансформации взглядов. Был, в частности, построен континуум на основании соотношения «оправдания» к «осуждению» юридически незакрепленных сексуальных отношений². Шкала приняла такой вид: у студентов Ленинграда, Киева, Краснодара и Владивостока оценка «оправдываю» преобладала над «осуждаю», паритет оценок отмечен у молодых людей, обучавшихся в институтах Калининграда и Грозного и, наконец, нелегитимную эротическую практику оправдывала только треть опрошенных в Ашхабаде и Тернополе. Решающую роль в таком раскладе мнений, вероятно, сыграла величина населенного пункта и различия в гендерном составе (к примеру, в Грозном подавляющее большинство респондентов — мужчины, тогда как в Тернополе — женщины).

Много позднее (1995 г.) третий — методически идентичный двум предыдущим — опрос петербургских студентов как будто поставил окончательную точку: принципиальное соотношение ориентаций осталось неизменным, вместе с тем к концу столетия подавляющее большинство молодых людей (независимо от пола) оправдывали возможность юридически не закрепленных сексуальных практик (около 70%) и минимум их осуждали (менее 5%). Другими словами, исходя из студенческих рефлексий, уместно говорить о ярко выраженной тенденции к переосмыслению христианского стереотипа, по меньшей мере рассматриваемым молодежным слоем.

Пойдем дальше и проясним следующий вопрос: присуща ли аналогичная эволюция нравственных принципов другим социальным стратам и регионам?

¹ Программа и инструментарий проекта разработаны под руководством проф. В.Т. Лисовского (НИИКСИ при ЛГУ). Мною формулировались и анализировались вопросы, связанные исключительно с сексуальным поведением студентов.

² Выбор респондентами ответов на данный вопрос, в силу перегруженности анкеты, был сведен к оппозиции: «осуждаю — оправдываю».

В 1994 году в рамках руководимого Б.М. Фирсовым проекта «Качество населения Санкт-Петербурга» в Санкт-Петербургском филиале Института социологии Российской Академии наук (СПб Ф ИС РАН) затрагивались и сюжеты, касающиеся экспрессивных отношений между полами¹. Интересующий меня вопрос, к сожалению, нес двойную смысловую нагрузку: во-первых, выяснялось мнение о допустимости (недопустимости) сексуальных отношений до официальной регистрации брака, во-вторых, у тех, кто дал положительный ответ, уточнялся тип партнера, которому респондент отдавал предпочтение.

Оказалось: 7,5% петербуржцев (обоих полов) посчитали недопустимым такой опыт для мужчин, тогда как для женщин — 12,9%. В целом, как видно, немного людей склонны осуждать нелегитимные эротические союзы (кстати, количественно — почти столько же, сколько и среди студентов, опрошенных годом позже). Легко заметить, что его (осуждения) величина зависит от ряда социально-демографических параметров. Среди занявших негативную позицию по отношению к мужской экспрессии больше женщин, нежели мужчин (8,8% против 5,9%); респондентов с неоконченным и полным средним образованием, нежели с высшим, 11% против 6%; состоящих в браке, нежели холостых, 6,4% против 2,9%, и пожилых (старше 45 лет), нежели молодых (до 34 лет), 6,7% против 2,1%. Выстраивается несколько иная система показателей относительно реализации потенциала женской экспрессии. Среди «традиционалистски» настроенных людей оказалось больше женщин, нежели мужчин, 15,3% против 9,5%; с неоконченным и полным средним образованием, нежели с высшим, 19,6% против 7,7%; состоящих в браке, нежели холостых, 12,5% против 2,9%; старшего поколения, нежели молодого, 11,6% против 3,5%. Между прочим, в исследуемой совокупности выявлены проблески стремления к единой морали исключительно у одной из демографических категорий городского населения — незамужние женщины и холостые мужчины (очевидно, молодые), в равной и скромной мере, 2,9%, осуждают сексуальную связь до заключения брака.

¹ Автор этого подпроекта к. социол. н. А. Клещин (см.: Клещин 1996: 167–177). Санкт-Петербургская выборка репрезентативна по полу, возрасту и отчасти по образованию. Ее объем — 700 человек. Опрос осуществлен путем формализованного интервью. Ответственная за сбор первичной информации Н. Нечаева — научный сотрудник СПб Ф ИС РАН.

Вспомним, при анализе ответов служащих и рабочих на тест (гл. 3) было отмечено превалирование высоких эротических притязаний к типу партнерства по нелегитимному взаимодействию. Вновь полученный материал, в принципе, подтвердил эту тенденцию (см. рис. 3).

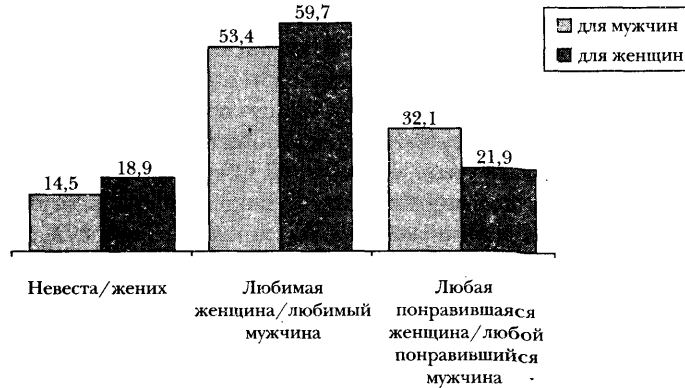

Рис. 3. Предпочтительный тип партнера по сексуальным отношениям в юридически неоформленном браке для мужчин и для женщин (в %)

В самом деле, акторы, осознавшие самоценность секса, — в игровой ситуации выбора — в большинстве случаев (независимо от пола) отдают предпочтение как «для себя», так и «для лица противоположного пола» — любимому человеку. По-видимому, ожидая от такой практики получения не просто удовлетворения физиологической потребности (релаксации), а качественно иной отзывчивости — наслаждения. Вместе с тем женщины оказались более избирательными: скажем, «невеста» в глазах мужчин не особенно желанный эротический партнер¹, в то время как женщина предпочитает начинать сексуальную жизнь если не с любимым, то с «женихом», впрочем, резервируя за собой право на сближение и с «просто» понравившимся мужчиной.

¹ Этот феномен как один из показателей двойного стандарта проясняется А. Рисом следующим образом: мужчины предпочитают сексуальные контакты с женщинами из других социальных слоев, подпитывая тем самым иллюзию, что их будущие жены останутся девственницами (см.: Reiss 1960: 105).

Движение в сторону либерализации сексуальной морали отмечается в нашем отечестве начиная с 1970-х годов и другими, впрочем немногочисленными, наблюдателями. Так, В. Алексеева задала тремстам школьникам (москвичам) и такому же числу учащихся ПТУ (мигранты) вопрос о возможности «близких отношений до свадьбы». Отрицательно («нет, никогда») ориентировано 24% учащихся ПТУ и 15% школьников; напротив, положительно («при определенных условиях») — соответственно 38% и 56%. Согласно этому социологу, традиционные ценности в данной области («половую близость разрешает только брак») если и сохраняются, то лишь у части молодежи, причем у учащихся ПТУ в большей степени, чем у школьников (см.: Алексеева 1977: 64). Чем же объяснимы различия во мнениях городских и сельских подростков?

По-видимому, жители сельских поселений и небольших городов, по меньшей мере в 60–70-е годы, чаще всего неосознанно находились под влиянием авторитарных (патриархальных и религиозных) ценностей и непосредственного социального контроля со стороны семьи, школы и ближайшего соседского окружения (community). «Деревенская» мораль, способствующая консервации стереотипов, эффективно функционирует исключительно в определенных культурно-исторических условиях. В крупном городе они (эти стандарты) дисфункциональны: эротика становится менее потаенной. Одним из подтверждений выказанного соображения может служить «подвижка» в иерархии оценок у молодых рабочих-мигрантов (середина 70-х гг.). Среди них к моменту приезда в Ленинград 26% осуждали возможность нелегитимных сексуальных отношений и только 24% оправдывали, но трехлетнее пребывание в мегаполисе оказало влияние на изменение удельного веса оценок и их последовательность: 30% оправдывают и 10% осуждают. Таковы результаты «вторичной» социализации.

С переездом в крупный город на работу или учебу меняется не только среда, культурное окружение, но и экзистенциальное мироощущение, индивидуальный стиль жизни. Человек в значительной мере адаптируется к иному этосу. Строго говоря, он привыкает к разнообразию и изменчивости окружающей среды, к необходимости вести себя более продуктивно, организованно, вырабатывает толерантность, рациональное отношение к моральным принципам и автономность в принятии решений. У

молодых людей формируются новые взгляды, интересы и привычки; потребность в духовном и эмоциональном сопереживании подталкивает их к общению и способствует повышению культуры интеллекта и чувств. Сдвиги в общей культуре, разумеется, оставляют след и в мире эротических практик. С другой стороны, достаточно быстрый конформизм мигрантов в крупном городе, очевидно, обусловлен тем, что интериоризация массовой культуры (в том числе ее эротико-сексуальных пластов) подготавливается исподволь: проникновением мыслительных клише и поведенческих конструкций посредством каналов электронной информации (а в последнее время и Интернетом) за пределы собственно урбанизированной зоны.

Интенсивность усвоения непривычных образцов, уверен, зависит от степени «размытости» патриархально-авторитарного контроля. Об этом свидетельствует корреляция моральных установок молодых рабочих с местом проживания их родителей. Действительно, у тех, кто приехал в Ленинград из малого или среднего города (здесь семьи, как правило, «детоцентристского» типа), отмечается следующая последовательность atti-тудов:¹ амбивалентная — 49%, оправдывающая — 28% и осуждающая — 23%, у тех же, кто мигрировал из села (скорее всего, здесь семьи — «модернизированно-патриархального» типа): амбивалентная — 50%, осуждающая — 27% и оправдывающая — 23%. Словом, приезжие (в Ленинград) из городов в большей мере одобряют и в меньшей осуждают возможность нелегитимных эротических контактов, чем молодые люди, прошедшие первичную социализацию в сельской местности. О том же свидетельствует направленность attiтудов, зафиксированная при опросе студентов, обучавшихся в разных регионах страны (1978 г.). Потенциальную эротическую практику до юридического оформления брака оправдывали: родившиеся в Ленинграде — 58%, в областных центрах — 50%, в других городах — 47%, в республиканских столицах — 42%, в поселках городского типа — 41% и сельской местности — 35%.

¹ Attitud — в российской социологии установка, т. е. готовность, предрасположенность субъекта, возникающая при предвосхищении им определенного объекта (или ситуации) и обеспечивающая устойчивый целенаправленный характер протекания деятельности по отношению к данному объекту.

Очевидно, что определенное влияние на соотношение «консервативных» (prohibition) и «либеральных» (permission) ориентаций на нелегитимные эротические практики оказывает этническая и конфессиональная принадлежность респондентов. К примеру, в Якутии (1974 г.) опрос был проведен в Вилюйском педагогическом училище, в котором, специально подчеркну, проходили обучение жители коренных национальностей: 272 девушки (или 73,5%) осуждали возможность «добрачных» связей, 55 (11,8%) допускали такие отношения при условии, если «он и она действительно уважают друг друга» (см.: Попов 1979: 60–79). Интересные данные приводятся по Литве. Почти 47% юношей выпускников городских и сельских школ положительно высказались в пользу «добрачных» связей *для себя*, в то время как *для девушек* — 23%; негативная оценка составила соответственно 13% и 30%. Установки девушек тех же школ — «зеркальны»: *для себя* посчитали приемлемыми такие отношения 10% опрошенных, *для юношей* — 22% и, напротив, осуждали возможность такой практики *для себя* 46% и *для юношей* — 35%¹ (см.: Навайтис 1988: 79). И еще одна прибалтийская республика — Эстония. В 70-е годы 7/10 опрошенных мужчин и 2/3 женщин коренной национальности без матримональных на момент опроса намерений считали сексуальные отношения до вступления в брак «естественными», а для готовящихся вступить в брак эта пропорция составляла 4/5 (см.: Тавит, Кадастик 1980: 21–27). В те же годы вопрос о возможности «добрачной» сексуальной близости поставили перед сельской и городской молодежью Черновицкой области (Украина). Результат таков: около 44% мужчин и 34% женщин одобряли сексуальные отношения до вступления в юридически закрепленный союз и соответственно 53% и 61% осуждали такую возможность (см.: Немировский 1982: 120). Прошло два десятилетия, на Украине (в том числе и в Черновицкой области) двум тысячам супружеских пар, состоящим в браке несколько месяцев, задали аналогичный вопрос. Только 4% респондентов придерживались мнения о недопустимости юридически не оформленных сексуальных отношений, еще около 8% затруднились дать по этому поводу однозначный ответ, большинство же молодоженов (66% мужчин и 79% женщин) высказались «за», правда, при определенных условиях; 22% мужей и

¹ В выборке было представлено 379 юношей и 585 девушек.

7% жен, больше того, посчитали такую практику *полезной* для здоровья и хорошего общего самочувствия (см.: Медина 2000: 80).

До сих пор я рассматривал ориентации на нелегитимную сексуальную практику во времени. Заклячая этот сюжет, прибегну к пространственному сопоставлению, которое, надеюсь, поможет достигнуть эффекта полифоничности¹. Мое обращение к респондентам звучало так: «Долгое время господствовало мнение, что сексуальные отношения человека должны ограничиваться рамками брака. Иные связи, как правило, морально осуждались. Как вы оцениваете возможность вступления в сексуальные контакты *до заключения брака*? (Выберите, пожалуйста, по одному варианту ответа в каждой графе — *и для мужчин и для женщин*)». В итоге получены развернутые шкалы по соответствующим городам (см. табл. 3).

Табл. 3. Мнения жителей Санкт-Петербурга и Тулы по поводу возможностей нелегитимных сексуальных связей для мужчин (в %)

Типы суждений	Население городов	
	Санкт-Петербург 700 чел.	Тула 400 чел.
Безоговорочно одобряю	15,2	12,7
Скорее одобряю, чем осуждаю	43,0	39,2
Затрудняюсь дать определенный ответ	25,2	26,7
Скорее осуждаю, чем оправдываю	9,0	10,5
Безоговорочно осуждаю	7,1	10,7
Нет ответа	0,5	0,2

¹ Здесь обсуждаются данные, относящиеся к эротическому поведению населения двух городов России (Санкт-Петербург и Тула), полученные автором в рамках проекта Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) «Субкультурная дифференциация полов: имманентное и историческое» (97.03-04099). Исследование осуществлено группой научных сотрудников Института социологии РАН: С.И. Голодом, Т.А. Гурко, А.А. Клёциным, Н.А. Нечаевой, каждый из которых разрабатывал самостоятельный субпроект и часть методики. Руководили сбором первичной информации в обоих случаях А.А. Клёцин и Н.А. Нечаева. В ноябре 1998 — январе 1999 г. был проведен репрезентативный (по полу и возрасту) опрос в Санкт-Петербурге. Выборка районированная, квотированная по месту жительства. Всего опрошено 700 человек. В конце 1999 г. благодаря специальному гранту, полученному от Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) (99-06-88029), проведен опрос в Туле. В этом городе репрезентативная выборка была организована по идентичным принципам. Опрошено 400 человек.

На первый взгляд данные по сравниваемым городам мало разнятся друг от друга. Вместе с тем, при равном в целом удельном весе затруднившихся однозначно определить свою нравственную позицию, среди петербуржцев оказалось несколько большее представительство «одобряющих» и меньшее «осуждающих» (расхождение статистически значимо). Для вящей убедительности вывода рассмотрим этические установки раздельно по городам.

В Санкт-Петербурге треть молодых людей (18–24 лет) настроены весьма либерально (максимально одобрительно) по отношению к мужской нелегитимной эротике, в то же время они совершенно не представлены среди консерваторов (безоговорочно осуждающих); напротив, пожилое население (старше 55 лет) в подавляющем большинстве случаев (40%) — носители «консервативных» ценностей и в минимальном — «либеральных» (10%); одновременно обе когорты в равной и скромной мере наполнены сторонниками «мягкой» формы одобрения («скорее одобряю, чем осуждаю» — 16% и 18%). Полагаю, не сделаю большого открытия, если скажу, что возраст индивида во многом определяет его брачный статус. Указанные демографические показатели коррелируют с вполне определенными нравственными принципами. Справедливость этого замечания подтверждается следующим. Более трети холостых (незамужних) одобряют юридически незакрепленные сексуальные связи мужчин и лишь 3% их решительно осуждают, тогда как среди состоящих в браке (возраст которых, как правило, за 24 года) соответственно 12,8% к 7,5%. И у первых, и у вторых, впрочем, наиболее представительна ориентация на «мягкое» одобрение обсуждаемой практики (34,7% против 45%). Наконец, вопреки моему ожиданию, «пол» респондента сопряжен с единственным вариантом шкалы — «безоговорочно одобряю» — так настроено вдвое больше мужчин, чем женщин.

Каков расклад мнений в Туле? «Пол» для населения среднего провинциального города оказался недифференцирующим параметром. Лишь условно можно говорить о несущественном преобладании женщин среди «мягко» осуждающих, а мужчин — среди «безоговорочно одобряющих». Иное дело возраст и брачный статус. В частности, молодые люди до 25 лет вообще отсутствуют в числе «жестко» осуждающих, каждый второй респондент настроен «мягко» одобрительно, а еще 20% безоговорочно одоб-

ряют данную практику. Одновременно более трети из «пожилого» контингента не приемлет ни при каких условиях возможность нелегитимной сексуальности для мужчин и только 2,5% оценивают ее весьма высоко. Такие же крайности наблюдаются по оси «холостой — женатый» («незамужняя — замужняя»). К примеру, осуждают возможность юридически незакрепленной эротики 1,5% первых против 11% вторых, в свою очередь, максимально одобряют соответственно 23% против 11%.

Обобщая материал по двум городам, ограничусь следующей констатацией. Иерархия принципиальных оценок по поводу возможности для мужчин нелегитимной сексуальной практики (одобрение, неопределенно, осуждаю) в обоих поселениях аналогична. На соотношение ориентаций оказывают влияние возраст и брачный статус актора, гендерная составляющая сопряжена с ним исключительно в петербургской выборке, и то слабо. Вместе с тем крайние позиции оказались в мегаполисе более выраженными.

Проделаю идентичную процедуру относительно возможности юридически незакрепленных эротических отношений «для женщин» (см. табл. 4).

Табл. 4. Точка зрения населения Санкт-Петербурга и Тулы на возможность нелегитимных сексуальных практик для женщин (в %)

Типы суждений	Население городов	
	Санкт-Петербург 700 чел.	Тула 400 чел.
Безоговорочно одобряю	10,0	5,7
Скорее одобряю, чем осуждаю	34,8	29,9
Затрудняюсь дать определенный ответ	28,5	29,7
Скорее осуждаю, чем оправдываю	15,0	18,0
Безоговорочно осуждаю	11,4	16,5
Нет ответа	0,3	0,2

Сразу же отмечу: при внешнем сходстве шкал (на полюсах «мягкое» и «максимальное» одобрение) контрастность оценок несомненна — население Санкт-Петербурга настроено вообще более либерально по отношению к возможности нелегитимной эротической практики для женщин, чем туляки. Верифицируя данный тезис, обращусь к рассмотрению каждого из городов поочередно.

В Петербурге на приоритет ориентаций наибольшее влияние оказывает возраст опрошенных. И впрямь, каждый четвертый молодой человек 25 лет безоговорочно одобряет возможность вступления женщин в нелегитимный союз и только 4% высказывают диаметрально противоположную точку зрения. Что же касается пожилых людей, то среди них первые составляют около 4%, вторых же в пять раз больше.

Промежуточное положение занимает когорта 35–44-летних: здесь «безоговорочное» осуждение близко по удельному весу такому же виду оправдания (6,9% к 8,2%). Стало быть, возрастным срезам соответствуют устойчивые нравственные приоритеты. Иначе говоря, в одних и тех же социально-экономических и культурных условиях функционируют поливалентные этические системы. Помимо того (и одновременно вкуче с ним), на восприятие актором ценности эроса оказывает влияние его брачный статус. Так, среди холостых (незамужних), осуждающих в той или иной степени нелегитимную сексуальную практику женщин, оказалось почти 17%, тогда как одобряющих — более 60%; у состоящих в браке противоборствующие мнения несколько сблизились: 27,8% и 43,8%. Еще один параметр — «пол» — оказывает минимальное и противоречивое воздействие на формирование нравственных установок. Так, петербуржцы в большей степени, чем петербурженки, не только осуждают юридически незакрепленные сексуальные отношения (29,1% против 24,1%), но и их одобряют (56,6% против 43,2%).

Направленность высказываний взрослого населения Тулы по поводу возможности для женщин нелегитимных сексуальных практик коррелирует с двумя демографическими параметрами — возрастом и брачным статусом. Что касается первого, то из общего числа молодых людей (до 25 лет) каждый 10-й безоговорочно одобряет и менее 4% в той же степени осуждают этот союз; более трети пожилого населения безоговорочно против юридически не оформленных сексуальных отношений, в то же время никто из них не высказался категорически «за»; мнения среднего поколения (35–44 года) составили «промежуточную» нишу — безоговорочно одобряют почти 4%, на противоположный максимум приходится 17,5%. Влияние брачного статуса таково. Среди незамужних (холостых) крайних точек зрения придерживаются немногие: максимально одобряют 10,6%, та-

кого же уровня осуждения высказали 4,5% опрошенных. У женатых (замужних) диаметрально противоположные оценки также не в чести: максимально одобряют 4,7%, осуждают — 15,6%. Вместе с тем модальная группа у тех и других совпадает — «мягкое» одобрение — 31,6% и 36,4%.

Сравнение установок по двум городам на возможность женской нелегитимной сексуальной практики подтвердило гипотезу о господстве более либеральных настроений среди петербуржцев относительно туляков. К примеру, почти 25% молодых людей, проживающих в мегаполисе, безоговорочно поддерживает женскую нелегитимную эротику, тогда как в провинциальном городе лишь 10%. Еще больший контраст у «пожилого» населения: в Санкт-Петербурге 4% безоговорочно одобряют указанную практику, каждый пятый в такой же мере настроен осуждающе; модальная группа (более 30%) — «затруднившиеся» занять однозначную нравственную позицию — в Туле ни один человек из этой когорты не одобрил указанную женскую практику и, напротив, более трети ее безоговорочно осудили. Эта ориентация оказалась модальной. Отсюда следует важный вывод — установленные в Санкт-Петербурге принципы вербального эротического поведения не могут быть автоматически распространены на другие населенные пункты даже европейской части России.

Суммируя весь набор опросных данных, касающихся установок на возможность нелегитимных сексуальных практик, отметим следующее. Население различных городов, социальных страт и этносов демонстрирует релятивизм нравственных ценностей. Мало того, даже за одним и тем же суждением, скажем, «оправдываю» (или в другом варианте — «безоговорочно одобряю»), скрывается неоднозначное восприятие *должного* в сфере сексуального поведения. Если обратить внимание лишь на крайние позиции, то, с одной стороны, акцентируются любовные ценности (экспрессия, интимность, избирательность), с другой — отрицается необходимость каких-либо эмоциональных или нравственных ограничителей актуализации сексуальности: раз зародилась потребность, то на пути ее претворения не может быть никаких барьеров. В последнем случае складывается впечатление, что реализуется идеал известного французского маркиза. По мнению Ж. Батая: «Главная заслуга Сада состоит в том, что он открыл и продемонстрировал (содержа-

щуюся) в сладострастном порыве функцию нравственной неупорядоченности» (Батай 1992: 109).

Для полноты понимания этических основ сексуального общения важно прояснить мотивы, сдерживающие физически зрелых людей от экспрессивных практик до заключения брака. Ведь отказ от самоактуализации тоже поступок и одновременно нравственная позиция. Можно предположить: если бы были опрошены адепты традиционной культуры, то они назвали бы главным сдерживающим началом — *мораль*, что полностью соответствует духу иудео-христианского кодекса. Каковы же реалии второй половины 20-го столетия?

Мой собственный эмпирический материал вскрыл «пучок» ограничительных барьеров.

Наибольший удельный вес приходится, как и следовало ожидать, на мораль: ее отметили от 55% до 60% рабочих-мигрантов (Ленинград, 1974 г.) и студентов (Ленинград, 1965 г., 1972 г.); вместе с тем важно подчеркнуть: к концу столетия этот показатель снизился до 36–40% (Санкт-Петербург, студенты, 1995 г.; представители всех слоев населения Санкт-Петербурга, 1998 г. и Тулы, 1999 г.). Словом, хотя место морали в иерархии мотивов «сдерживания» остается, несомненно, ведущим, тем не менее ее доля стремительно сокращается. Величина этого показателя сопряжена с полом и брачным статусом респондента. К примеру, в Туле 32% мужчин сослались на нравственность как сдерживающее обстоятельство от актуализации нелегитимной эротики; женщин — вдвое больше. Из общего числа респондентов, состоящих к моменту опроса в браке, 75% указали на мораль как основание юношеской абстиненции; среди же холостых (незамужних) таких оказалось в семь раз меньше. Эти суждения, разумеется, не могут быть приняты без тщательной верификации. По-видимому, лучшая проверка искренности акторов — их актуальное поведение. Напомним следующее: от 69,0% (1965 г.) до 89,0% (1995 г.) ленинградских студентов имели опыт юридически неоформленных сексуальных связей, молодые рабочие (1974 г.) — 66%, горожане мегаполиса (1998 г.) — в среднем 70% и провинциального центра (1999 г.) — 60%. Зададимся вопросом: не столкнулись ли мы здесь с эффектом массового лицемерия? Положительный ответ был бы слишком упрощенным и прямолинейным. По моему убеждению, представленный материал отразил более слож-

ную картину параллельного функционирования двух регулятивных механизмов (обычая и морали): причем ни один из них сегодня не действует в полную силу. Отложим пока обсуждение этого вопроса, рассчитывая вернуться к нему в конце главы. Сейчас же доведем до конца анализ шкалы мотивов «сдерживания».

Моральные принципы могут маскировать и ряд других соображений, скажем, неосведомленность, неспособность найти подходящего партнера, отсутствие инициативы и решительности вступить в контакт с представителем противоположного пола.

Все остальные мотивы не только не имеют ничего общего с традиционными воззрениями, но даже входят с ними в прямое противоречие. Они связаны либо с прагматическими соображениями — «боязнь раскрытия» (от 2,3% до 7,5%) или «заражения венерическими болезнями» (от 4% до 12,7%), либо с женской (речь идет по преимуществу о девственницах) психофизиологической спецификой — несформированностью собственно сексуальной (но не эротической) потребности (от 11,4% до 25,6%). Наиболее рельефно проступает бесперспективность табу в свете такого фактора «сдерживания» от эротической практики как «отсутствие случая» (от 10,9% до 29,6%). Попросту, молодые люди (конечно, в большей мере юноши, чем девушки: 7 к 1) уже подготовлены переступить черту, и они это не задумываясь сделают, как только представится подходящий случай. Для этого нужно не так уж много, например, определенная бытовая обстановка.

Нельзя обойти вниманием и значительный удельный вес, приходящийся на мотив «страх возможных последствий» (от 7,1% до 18,4%). Каких же последствий боится молодежь? Может быть, осуждения со стороны родственников или знакомых? Отнюдь нет. Они опасаются главным образом нежелательного зачатия¹. Это лишний раз указывает на отсутствие в 70–80-е годы элементарных знаний в области контрацепции (см.: Голод 1984: 110). Воспользуюсь просто фантастическим отрывком из письма в Ленинградскую семейную консультацию (начало 70-х годов), иллюстрирующего мое предположение:

¹ Так, в выборке 1998 г. (Санкт-Петербург) спонтанного зачатия опасались 92% девушек против 8% юношей, близкие соотношения установлены и в Туле (1999 г.) — соответственно 90% против 10%.

«Мы два месяца как женаты <...>. Счастливы. К вам обращаемся за консультацией. Если можно, ответьте, пожалуйста: в какое время и при каких обстоятельствах может возникнуть беременность? Нас это интересует потому, что абсолютно не знаем (до этого как-то не было необходимости знать) “что” и “как”». К середине 90-х годов положение дел в этой области несколько улучшилось, и всё же не настолько, чтобы можно было говорить о радикальных переменах¹. И здесь наша страна не одинока. Близкое положение дел с молодежной сексуальностью фиксируется в США. По словам А. Риса, в Миннесоте и в других штатах общественность активно возражает против того, чтобы старшие школьники получали правдивую информацию. Многие американцы стесняются и боятся подготавливать молодежь к выбору более безопасного секса, в частности, путем легитимизации использования презервативов (см.: Reiss 1991: 5).

Раскрою теперь, что скрывается за «прочими» факторами. Студенты ограничивались двумя записями: «боязнь начала сексуальной жизни» и «отсутствие любимого(-ой)».

Определенная часть молодых людей, наслушавшись пошлых разговоров от своих сверстников (а именно они, по имеющейся информации, чаще других выступают в качестве первых «просветителей») об их контактах, всячески избегают начала сексуальных отношений, боясь «уронить» себя в глазах женщин. (Очевидно, поэтому в прошлом — в начале XX века — «наставники» нередко советовали юношам начинать сексуальную практику с проституткой.) И всё же, если, несмотря на такую установку, предпринимается попытка совершить половой акт, то она нередко заканчивается крахом. Испытав неудачу, отмечает сексопатолог Н.В. Иванов, мужчина находит своеобразный компромисс: отказываясь от вагинальной близости, но сохраняя возможность для себя петтинга — ласк предварительного периода (petting)², получает тем самым известную степень удовлетворения, освободившись в итоге от ответственности (см.: Иванов

¹ К примеру, пользовались презервативом 45,6% студентов, календарным методом — 29,6%, применяли coitus interruptus — 28,6%, прибегали к оральным контрацептивам — 23,4%, ограничивались фелляцией — 7,8%.

² Петтинг — экспрессивный эрзац эротики. Весьма картинно обрисовал его известный немецкий социолог Г. Шельский. Он приводит такую аналогию: курильщик табака, с одной стороны, ощущает острую потребность в снятии нервно-эмоционального стресса, с другой — озабочен своим

1966: 16–17). У женщин же возникает подобный комплекс под влиянием викторианского воспитания в подростковом возрасте, согласно которому физические отношения низменны, грязны и присущи лишь мужчине, а она-де сохраняет свою чистоту, если не опускается до этих низин (см.: Там же: 31).

Второй из обозначенных мотивов симптоматичен. Он указывает на перманентность высокой собственно культурной основы сексуальности — *духовно-эмоциональной вовлеченности*. Любовь видится, хотя и далеко не подавляющей части юношей и девушек, как явление самоценное. И такое ощущение небезосновательно. Согласно клиническим наблюдениям польской исследовательницы Х. Малевской, женщины, любившие своего первого партнера, в два раза чаще, чем не любившие, были удовлетворены своей дальнейшей сексуальной жизнью. Эта обусловленность прослеживается даже тогда, когда дебютная связь была непродолжительной или вообще единичным эпизодом (см.: Malewska 1967: 145–155). В сущности, ту же закономерность подтверждает и обратная зависимость, а именно: по моим данным (источник — письма), насильственное начало сексуальной жизни подчас приводит к стойкому вагинизму.

И последнее, о чем нельзя умолчать: вероятность заражения СПИДом как причина отказа от сексуальных контактов (по меньшей мере случайных) упоминается крайне редко (от 0,7% до 2,1%) и впервые прорисовывается в студенческой выборке 1995 года. Поразительная беззаботность, могущая привести к социальным потрясениям.

Нет основания сомневаться в сопряженности, т. е. «тесной» связи факторов, сдерживающих молодых людей (мораль, отсутствие сексуальной потребности и т. д.) от сексуальных контактов, и аттитюдами (т. е. ориентациями — оправдываю, осуждаю и т. д.) на возможность таковых связей до заключения брачного союза. И в самом деле, во всех трех студенческих выборках наиболее значимые факторы тождественны, тем не менее их

здоровьем. Выход найден в сигарете с фильтром, будто бы гарантирующей наслаждение без риска. В области секса подобная находка и есть петтинг (кстати, уходящая корнями в так называемую «возвышенную» рыцарскую любовь, когда на ложе между рыцарем и дамой клался меч, не позволяющий перейти последнюю черту) (см.: Shelsky 1964: 118–120). Короче, эта форма эротики — компромисс между поиском психофизиологического удовольствия с внешним исключением риска для здоровья и соблюдением традиционных моральных требований общества.

место в иерархии коррелируется с типом ориентации. И в студенческих, и в рабочих выборках выявлено сквозное присутствие одного и того же ведущего сдерживающего начала — морали. Более того, ее доля растет от оправдания к осуждению. Да и само это понятие многозначно. К примеру, для рабочих, осуждающих нелегитимные сексуальные практики, оно, по-видимому, означает признание аморальным всех без исключения контактов, не центрированных на матримониальности; в то время как для студентов, оправдывающих такую возможность, — отсутствие любимой(-го). Далее, традиционные стереотипы сознания у студенчества играют меньшую по сравнению с рабочими роль, тогда как экзистенциальные ценности — большую, очевидно, поэтому первым труднее использовать «случай». Иначе говоря, у студентов относительно высокие притязания к эротическому общению.

Не откажешь в логике молодым людям, позитивно оценивающим возможность нелегитимной сексуальности: указывают на отсутствие «случая» и «сексуальной потребности» как основания, противодействующего ее актуализации (45%). Вместе с тем (и это обескураживает) таких среди осуждающих и амбивалентных оказалось от трети до половины. И последнее. Рабочих, отрицательно настроенных к нелегитимной практике, сдерживает от обозначенных контактов «страх последствий» и «отсутствие половой потребности» (22%), собственно, мотивы, не определяемые личностными смыслами.

Наступила пора выполнить обещание — обратиться к прояснению механизма социального контроля сексуальности. Не углубляясь в детали, подчеркнем следующее: переход от одних смыслов регуляции сексуальности к другим (в нашем случае — от обычая к морали) происходит эволюционно. Скорее всего, этим объясняются «следы» в новых обстоятельствах предшествующих систем, несмотря на, казалось бы, исчезнувшие условия, их породившие. Говоря схематично, нормы консервативны и инертны, они медленно складываются и, по большей части, медленно изменяются. Они всегда действуют дольше, чем вызвавшая их необходимость, выполнив в основном свою функцию, механизмы контроля бесследно не исчезают. Будучи средством изживания устаревшего, культура сама несет в себе множество архаичных черт, что и создает в определенные исторические эпохи «абсурдность повседневности»: дух рутины оказывает сопротив-

ление духу новации. В частности, сходящие со сцены традиции и обычаи противодействуют кристаллизации новых принципов.

В 20-м столетии с усложнением социальных отношений система жесткой регламентации утрачивает эффективность, становится невозможным регулирование нравственного поведения массы людей исключительно посредством единообразных предписаний, поскольку актуальные ситуации многообразны и непредсказуемы. Обычно традиционный контроль срабатывал эффективно до тех пор, пока сексуальность удовлетворяла по преимуществу надличностную витальную нужду — перманентное воспроизводство поколений. С тех пор как большинство социальных акторов стали осознавать несводимость сексуальности к прокреации, отношение к универсальной системе пересматривается. Со временем нарождается внутриличностный источник регуляции: поначалу на эмоциональном уровне — *стыд*, а впоследствии на когнитивном — *совесть*.

Современная нравственность, нет сомнения, является такой формой социального контроля активности (в том числе эротической) человека, которая учитывает всю сложность и многоплановость практик. Нравственные нормы имеют предельно обобщенный характер. Однако общее требование (к примеру, «*не желай жену ближнего*») конкретизируется всякий раз в реальной ситуации («*а если это любовь?*») и применительно к актору деятельности. Наряду с общими нормами мораль выделяет ситуативные предписания. Значит, каждый человек в одном отношении должен выполнять такие же требования, какие могут возникнуть перед любым другим в тождественных обстоятельствах. Но в другом отношении эта задача должна быть решена в повседневных практиках им самим, лично им мотивирована, внутренне обоснована, и в первую очередь для самого себя. К примеру, можно согласиться с широко бытующим мнением, что в занятие проституцией, как правило, вовлекаются женщины в результате нищеты и безысходности. Однако не все обездоленные заканчивают жизнь «на панели»; с другой стороны, среди проституток имеются с материальной точки зрения вполне обеспеченные особы. Иными словами, человек в рамках общепринятых норм поставлен перед выбором, как поступить в том или ином случае. Тем самым он как бы конструирует свой нравственный облик.

Моральный идеал начала XXI века видится не в социально-экономическом равенстве полов (о чем речь впереди), а в раз-

витии духовного богатства каждого человека (независимо от гендерной принадлежности); не в безоговорочном следовании стандартам (традициям и обычаям), а в реализации тех экзистенциальных интересов, которые для каждой личности своеобразны и одинаково приоритетны. Формирующееся жизнепонимание предполагает отсутствие таких экзогенных единых предписаний, которые сами по себе могли бы претендовать на непререкаемый авторитет. Моральные нормы в принципе обращены не столько на поступки, сколько на внутренний мир человека, и конкретно для каждого имеют свой оттенок. Никакая рука, как в свое время образно заметил французский культуролог Ж. Гюйо, не ведет нас, никакой глаз не бодрствует за нас. Руль уже давно сломан (см.: Гюйо 1923: 138–140). Продолжая мысль в том же метафорическом ключе, нисколько не рискуя, предположу, что задача сегодняшнего дня не в реставрации руля, а в опоре на «гироскоп» — *совесть*, которая должна превратиться в высший, но ни в коем случае не в единственный авторитет. Короче, в настоящее время мораль становится основным плюральным регулятором эротических практик.

Возвышение роли нравственно-эстетических ценностей не означает, конечно же, исчезновения в одночасье всех и вся стереотипов. Отнюдь, традиционный механизм контроля сексуальности, хотя и утрачивает свою эффективность (отсюда — рост одобрения *нелегитимных* эротических союзов), но остается в культурном коде, стало быть, и в обыденном сознании (отсюда — безоговорочное осуждение значительной частью населения *адюльтера*; см. гл. 10).

У моих оппонентов — ортодоксов всех мастей, — не исключено, возникнет желание отвергнуть с порога изложенную версию. И такой эмоциональный порыв не будет чем-то оригинальным: в лучшем случае обвинят в релятивизме, в худшем — в солипсизме. Легче, право же, интериоризовать исходящее от некоего авторитета («управляющего рулем») требование единообразного поведения; куда труднее осознать и востребовать в качестве судьи собственный экзистенциальный мир. Признание за человеком свободы выбора, интернальной ответственности за избранную эротическую ориентацию (и действия), апелляция к совести — всё это говорит о том, что нравственность предоставляет актору *автономию* (в том числе сексуальную), которая отсутствует при иных способах социального контроля.

Глава 5

СЕКСУАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ, НЕ ЦЕНТРИРОВАННЫЕ НА МАТРИМОНИАЛЬНОСТЬ: ПОСЛЕДНЯЯ ТРЕТЬ XX ВЕКА («СЕКСУАЛЬНЫЙ РЕНЕССАНС»)

Давно и справедливо замечено: «<...> действия людей — лучшее толкование их мыслей» (Локк 1985: 116). Следуя этому тезису, я, опираясь, как правило, на собственные источники эмпирической информации, рассмотрю состояние молодежных нелегитимных сексуальных практик; там же, где обнаружится сопоставимый материал, естественно, сравню свои данные с результатами других исследователей.

Моя первая гипотеза сводится к следующему. Согласование (рассогласование) ориентаций на принципиальную возможность юридически неоформленных сексуальных отношений и актуализацию эротического наслаждения конституирует актора в рамках культуры как морального субъекта. Скажем, из общего числа ленинградских студентов начала 70-х годов, склонных к оправдыванию сексуальных контактов вне матримониального поля, в них фактически состояло 80%, из рабочих тех же лет — 86%. Лапидарно говоря, молодые люди, оправдывающие нелегитимные сексуальные связи, в подавляющем большинстве реализуют свою диспозицию. Поражает другое: почти каждый второй из совокупности «осуждающих» состоит (или состоял) в указанных связях. Нет оснований сомневаться в том, что автономия эротики от прокреации возрастает по мере отхода от консервативных нравственных установок. Верифицировать это положение, не сомневаюсь, поможет обращение к исследованию интеллектуалов. Так, в выборке 1969 г. из числа «оправдывающих» актуализировали свою ориентацию 88%, из «амбивалентных» — 76% и из «осуждающих» — 46%. В опросе, проведенном в той же социальной среде через двадцать лет,

доля вовлеченных составила по соответствующим позициям: 92%, 70% и 59%¹. Количественные соотношения, таким образом, подтвердили выдвинутое мной предположение. Определенное несоответствие в практиках интеллектуалов, по сравнению со студентами, объяснимо главным образом различиями их семейных статусов. Первые, как отмечалось, состояли в брачном союзе, тогда как среди вторых таких было немного. Отсюда вывод: эротический потенциал студентов, разумеется, еще далеко не исчерпан.

Представленный набросок способствовал выдвиганию новой гипотезы: вскрытые эмпирические закономерности свидетельствуют не просто о количественном росте юридически неоформленных сексуальных контактов в молодежной среде, но и о тенденции к их качественным преобразованиям. Прояснить это достаточно аморфное ощущение помогут такие характеристики сексуальной активности молодых людей, как возраст дебюта, мотивы, тип партнера, сценарии ухаживания и уровень сатисфакций.

Обсуждение всего спектра отношений начнем с возраста сексуального дебюта (см. табл. 5).

Табл. 5. Динамика начала сексуальной жизни студентами последней трети XX века (% к общему числу имевших опыт)

Возраст	Год опроса		
	1965 г. 339 чел.	1972 г. 331 чел.	1995 г. 397 чел.
До 16 лет	5,3	8,2	12,1
16—18 лет	33,0	30,8	52,9
19—21 год	39,5	43,8	30,7
22—24 года	19,5	16,0	3,3
позднее	2,7	1,2	1,2

Статистические показатели указывают на стабильный рост доли учащейся молодежи, начинающей сексуальную жизнь в раннем возрасте (до 16 лет), и наоборот — снижение в старшем (после 21 года). Особо интенсивные изменения приходятся на после-

¹ Различия статистически значимы лишь в последнем случае.

дни два десятилетия. При этом, если число реализовавших свой экспрессивный потенциал до 16 лет увеличилось по объему не намного, то в интервале 16–18 лет, т. е. между двумя значимыми рубежами в жизненном цикле индивида (психосоматическая и социальная зрелость), прирост просто колоссальный.

Казалось бы, цифры сами по себе впечатляют. Тем не менее не дает покоя одна «закавыка»: можно ли экстраполировать результаты, полученные при опросе студентов, на всю молодежную аудиторию? Ведь студенты, во-первых, образованный ее слой, во-вторых, маргиналы по социальному статусу. Для проверки чистоты обнаруженной тенденции воспользуемся материалами опроса населения Санкт-Петербурга (1998 г.) и Тулы (1999 г.).

В мегаполисе (согласно принятой возрастной периодизации — см. табл. 5) выявлены следующие доли молодых людей, вовлеченных в эротическую практику, — 10,1%, 30,2%, 37,0%, 16,8% и 5,9%. Данное распределение в наибольшей степени созвучно показателю ленинградских студентов начала 70-х годов: минимальная активность на полюсах, максимальная — в центре. Что касается населения областного города Нечерноземья России, то обнаруженная здесь картина если не тождественна, то, во всяком случае, близка к петербургской: 7,0%, 32,8%, 40,0%, 14,3% и 3,9%. Вместе с тем сопоставление части (студенчества) и целого (всех слоев городского населения) нельзя признать корректным. Исходя из этого соображения, выделим группу юношей и девушек 18–24 лет, т. е. студенческого возраста, проживающих в Санкт-Петербурге (соответственно в Туле) и сравним их сексуальные деюты со студенческими. Итак, 28% петербуржцев вступили в эти связи до 16 лет, каждый второй — в возрастном интервале между 16–18 годами, почти 20% — в 19–21 год, позднее — немногим более 2%. В Туле вскрыты несколько иные, однако непротиворечащие, по сути дела, мегаполисным, соотношения: до 16 лет — 16,2%, 16–18 лет — 61,1% и 19–21 год — 22,7%. Стало быть, в обоих городах молодые люди независимо от образовательного ценза к концу XX века раньше, чем учащиеся высших учебных заведений середины 90-х годов, вовлекаются в нелегитимную сексуальную практику. Иное — горожане старшего поколения (возраст за 55 лет). Они оказались более сдержаны в своих эротических проявлениях даже относительно студентов середины шестидесятых. Напомним, 5,3% обучавшихся в ленинградских институтах (1965 г.) вступили в сексуальные связи до 16

лет, тогда как у представителей старшего поколения Санкт-Петербурга и Тулы (а им, как нетрудно посчитать, в середине шестидесятых не было и 30-ти) этот показатель не превышает 1,5%; среди тех же, кому на момент опроса было более 24 лет, этот уровень составил 2,7% (у петербуржцев) и несколько превосходил 12% (у туляков). Кстати, раннее приобщение молодых людей к сексуальной жизни с начала 90-х годов зафиксировано и медиками. Московский венеролог О.К. Лосева с коллегами опросила 120 девушек 14–18 лет, из которых 60 были больны сифилисом (основная группа), а другие 60 (контрольная группа) обучались в медицинском училище. Оказалось, что 60% респонденток основной группы и около 30% контрольной впервые вступили в эти контакты в возрасте 14–16 лет. Педофильство, условно говоря, сопровождалось значительным числом случайных связей (признали 50% больных и 25% здоровых) и частой сменой партнеров (имели генитальные контакты не менее чем с пятью мужчинами в первой группе 74%, во второй — 30%) (см.: Лосева, Чистякова и др. 1991: 47–48). Экспериментальные свидетельства хотя и нерепрезентативны, но в силу технической продуманности, без сомнения, подтверждают как гипотезу о снижении среднего возраста девушек, вовлекаемых в сексуальные практики, так и предположение о противодействии унисексу.

Тенденция к снижению с конца 80-х годов границы эротического дебюта свидетельствует о «встроенности» в этом отношении российской молодежи в общеевропейский контекст (см.: Barget 1980; Starke 1980; Козакевич 1985; Kontula, Naavio-Mannila 1995).

Ошибочно думать, вместе с тем, что дебют сексуальных практик сам по себе предопределяет силу экспрессии, однако и полностью проигнорировать его влияние, конечно же, недопустимо. Омоложение возраста вступления в эротические контакты не столько детерминировано акселерацией человека 20-го столетия, сколько коррелирует с незавершенностью эмоционального созревания, иными словами, с несформированностью душевного строя личности. Сошлюсь на такой факт. Когда пятнадцатилетняя школьница пишет в «Комсомольскую правду» (28 октября 1987 г.), страстно защищая «промискуитетные» связи, обосновывая их неудержимостью влечения к мужчинам — если она, конечно, не нимфоманка, — то вся ее аргументация надумана, рассудочна и детерминирована не природой, а обществом, непосредственным окружением и воздействием стереотипов

массовой культуры¹. Последнее замечание станет более прозрачным по мере уяснения мотивов и партнеров по первой сексуальной близости (см. табл. 6).

Табл. 6. Мотивы вступления молодых людей в дебютную генитальную связь (по годам опроса; в %)*

Группы респондентов	Ленинградские (петербургские) студенты			Рабочие-мигранты	Интеллектуалы**	Молодое население (18–24 г.) Санкт-Петербурга	Молодое население (18–24 г.) Тулы
	1965	1972	1995				
Мотивы	1965	1972	1995	1974	1989	1998	1999
Любовь	40,9	35,8	41,8	36,7	42,0	42,4	36,3
Сексуальное влечение	33,3	32,4	21,6	28,4	47,2	15,7	17,5
Любопытство	30,1	22,9	13,3	18,7	19,2	24,5	18,8
Соблазнение	10,8	7,0	6,4	9,3	6,8	6,9	8,8
Насилие	1,2	0,3	1,1	1,6	1,8	2,0	3,8
Случайность	9,0	13,5	4,1	12,1	7,6	8,8	12,5
Иные мотивы (в том числе желание стать взрослым, стремление не отстать от сверстников)	—	—	14,5	8,2	11,6	13,8	15,0

* Опрашиваемым предоставлялось дать один или два ответа

** Мотивы нелегитимной сексуальной практики выяснялись ретроспективно

Три побуждения определяют поведение подавляющего числа молодых людей независимо от их социального статуса и местоживания. Иерархия удельных весов отражает не только количественную сторону обсуждаемой практики, но и, несомненно, сущностную. Во всех выборках (исключение — интеллектуалы) ведущая мотивация совпадает — более трети респондентов полагают, что в сексуальном общении реализовали полноту психосоматического наслаждения. Мало это или много? — во-

¹ Символично, что к рубежу 80–90-х гг. обсуждение сексуальных проблем молодежью достигло накала и противостояния, сравнимых с 20-ми годами минувшего века. Вот лишь одно из таких откровенно циничных суждений, как будто бы извлеченное из текстов семидесятилетней давности: «Полно-

прос чисто риторический, по меньшей мере неизменно высокая потребность в утверждении собственного «я» в приватной сфере налицо. Не надо быть особенно прозорливым: среди этого контингента преобладают женщины. К примеру, в петербургской совокупности (1998 г.) 63,6% женщин против 36,4% мужчин; в Туле (1999 г.) соответственно 56,3% и 43,7%.

Казалось бы, следующий по значимости мотив говорит сам за себя. Однако в действительности не всё так очевидно. Для мужчин понятие «сексуальное влечение» имеет широкий семантический диапазон: от неременной составляющей гедонизма до релаксации (физиологической разрядки). В связи с этим обратим внимание на колонку «интеллектуалы». Закономерно возникает вопрос: чем можно объяснить доминирование здесь мотива «сексуальное влечение»? Памятуя о том, что в данной выборке мужчин ровно столько, сколько женщин, приписать обозначенное побуждение лишь одному из полов было бы, мягко говоря, некорректно. Скорее всего мы имеем дело с рационализацией респондентами прошлого опыта. Образованным и состоящим в браке людям представилась идеальная возможность спустя некоторое время (10–15 лет) мысленно проиграть дебютную ситуацию и подвергнуть ее тщательному анализу и интерпретации, тем самым взвешенно расставить акценты. Результат — превышение задним числом значимости *тела* над *духом*.

И еще один мотив из числа ведущих — любопытство (вуайеризм). Его охват (от 13,3% до 30,1%) отражает реалии современного состояния нравов. Вступление в сексуальную связь с «познавательной» целью — свидетельство игнорирования социальными институтами (в первую очередь семьей и школой) одного из базовых аспектов частной жизни человека. Нельзя умолчать и о другом. В течение трех десятилетий доля «любопытствующих» постепенно сокращалась. Правда, это происхо-

стью поддерживаю мнение 16 парней-медиков относительно того, что СПИД — это санитар человечества, который спасет его от наркоманов, гомосексуалистов, проституток. Вы пишете, что гибнут дети, но любое полезное дело не обходится без жертв, тем более если учесть, что на планете много лишних людей, не хватает пищи, жилья, в том числе и в нашей стране. Этот вирус поможет убить двух зайцев: избавиться от отбросов человечества и решить ряд жизненных проблем <...>. Немного о себе: 26 лет, образование высшее, занимаюсь спортом, веду здоровый образ жизни, член КПСС, секретарь комсомольской организации» (см.: «Комсомольская правда», 28 октября 1987 г.).

дидо не за счет интенсификации целенаправленного сексуального просвещения детей и подростков¹ (дискуссия о его полезности или вреде до сих пор ничем не завершилась; см.: Кон 1997: 294–297), а как следствие коммерциализации средств массовой информации (СМИ). Ограничусь парой иллюстраций, не требующих, по-моему, обширных комментариев.

На государственных всероссийских телевизионных каналах систематически демонстрируются рекламные ролики, в которых «девицы» в непристойных позах зазывно предлагают мужской аудитории позвонить им (телефон высвечивается на экране). Принимая во внимание, что в нашем отечестве проституция не легализована, то такого рода трансляции не только аморальны, но и противозаконны, уголовно наказуемы. Другой типичный пример. В начале 90-х годов московская газета «Частная жизнь» публиковала из номера в номер предложения супругов о временном обмене сексуальными партнерами в присутствии друг друга, приглашения к куннилингу. Я не сторонник раз и навсегда заданных эротических норм и клише; по-видимому, кто-то без вуайеризма или куннилинга не представляет себе сексуального наслаждения — это личное дело каждого человека. Вместе с тем скажу следующее. Здесь проповедуется «свинг», т. е. крайняя форма «сексуально-открытого брака». Выставление сокровеннейших пластов приватной жизни на всеобщее обозрение — это нечто большее, чем филистерский эпатаж. Через оргийность² пытаются убедить себя и окружающих в широте взглядов и поведенческой раскованности. Позволю себе метафору: как постоянные кислотные дожди разъедают почву, так и превращение сатурналий в рутину разрушает центральную ось *интимности* — сочувствие, привязанность и душевное сродство.

Значимое представительство (подчеркну именно охват, ибо аномии³, вероятно, постоянные спутники цивилизации) неспеци-

¹ Известно, что именно эти два периода в развитии индивида — дошкольный (около 7 лет) и подростковый (где-то от 15 до 17 лет) — психологи считают кризисными, чреватými сексуальными злоупотреблениями (sexual abuse); см.: Ильина 1998: 67.

² Оргийность ассоциируется с греческим богом Дионисом, его «шество» носит экстатический характер, в котором участвуют вакханки и сатиры, сокрушающие всё на своем пути, увлекая за собой толпы мужчин и женщин.

³ Аномия — термин, обозначающий различные виды нарушений в ценностно-нормативной системе общества.

фических мотивов сексуального дебюта (соблазнение, самоутверждение, случайность и т. п.) во всех слоях населения — яркое свидетельство возрастающей привлекательности потаенной сферы человеческой жизни. Скажем, девушки, в отличие от юношей, для сохранения иллюзии «большого чувства» склонны на жертвенность — эмоционально «необязательный» телесный контакт (по общепетербургским данным 9,2% против 0,9%). В свою очередь, юноши чаще прикрываются маской «соблазненного» (в Туле 10% против 7%, в Санкт-Петербурге 8% против 4%). В этом случае, по-видимому, срабатывает либо прямое кокетство, либо бессознательная боязнь неизведанного, но значимого события: неудачное начало которого может отрицательно сказаться на дальнейшем экспрессивном опыте. Учитывая преимущественно мачистский характер отечественной культуры и психофизиологическую специфику полов, вполне убедительным выглядит допущение о подавляющем преобладании в эротическом дебюте мужской инициативы. Так, более тысячи наблюдений, полученных в конце 90-х годов прошедшего столетия в Петербурге и Туле, показывают, что 70 мужчин из каждой сотни в мегаполисе и 76 из ста в среднем городе приписывают себе инициативу вступления в первую сексуальную связь. В согласии с ними почти 90 женщин из каждой сотни указывают на агрессивное давление со стороны своего партнера. (Соотношение показателей устойчиво и не зависит ни от места опроса, ни от величины и характера поселения, в котором родился респондент, ни от его возраста, образования и брачного статуса.) Следовательно, о «соблазнении» юношей как о сколько-нибудь вероятном событии не может быть и речи.

Полагаю, что то или иное побуждение сопряжено как с возрастом вовлечения в сексуальную практику, так и с мерой психофизиологической удовлетворенности. Проясняя первое, ограничусь данными опроса интеллектуалов. В этой среде «сексуальное влечение» в качестве основного мотива отмечается лицами, не достигшими восемнадцатилетнего рубежа; в то время как «любовь» становится ведущей ценностью, освящающей сближение девятнадцатилетних, двадцатилетних. Сузилась ниша «любопытствующих». В самом деле, если в опросе 1969 года на это побуждение ссылались не только несовершеннолетние, но частично и 19–21-летние, то в выборке 1989 года — исключительно подростки. Прочие мотивы в большей или меньшей степени стабилизировали свои пропорции. Например, «промискуитетные» контакты

по преимуществу присущи несовершеннолетним, хотя время от времени ими не пренебрегают и 19–24-летние молодые люди.

По поводу степени взаимообусловленности мотивов сексуального дебюта и уровня эмоциональной отзывчивости замечу следующее: петербургские студенты (1995 г.), достигшие порога «наслаждения», мотивировали завершение ухаживания вагинальным контактом в первую очередь любовью (51,5%), во вторую – сексуальной потребностью (25,0%) и в третью – соблазнением (6,6%). Вовсе не удивительно, что среди респондентов, акцентировавших гармонию «душевного» и «физического» в результате андрогинного воссоединения, соотношение мужчин и женщин равно 3 к 1. Напротив, среди тех, кто испытал от телесной близости разочарование – неприятное соматическое состояние и психический дискомфорт, – подавляющее число женщин: 1 к 19.

Продолжим эту линию анализа. Исходя из общепетербургских данных, оптимальная структура эмоциональной отзывчивости обнаруживается у молодых людей, начавших эротическую практику под влиянием страсти. И действительно: 38,5% респондентов испытали наивысшее наслаждение (оргазм), пять из ста затруднились определить свое состояние; почти каждый четвертый ощутил эмоциональный подъем и лишь 5,8% плюс 3,8% испытали соответственно неприязнь и безразличие, то есть были разочарованы в своих ожиданиях. В то время как «романтики» предстали экспрессивно более бедными, а именно: 43% затруднились вообще определить свое посткоитальное состояние, лишь 22% испытали наслаждение и еще около 18% – эмоциональный подъем, в противовес этому почти 15% остались разочарованными (безразличие и даже неприязнь). В общем и целом те же зависимости подтверждаются тульским опросом. И еще «пучок» зависимостей. Во всех случаях дебютную сексуальность в более благоприятных тонах рисуют мужчины, чем женщины; состоящие в браке, чем холостые; молодые, чем пожилые.

Фигурально выражаясь, последняя – но не по значимости – характеристика, завершающая представление о количественной и качественной стороне молодежных нелегитимных сексуальных практик – партнер по экспрессивному взаимодействию (см. табл. 7).

Начнем с краткой характеристики статуса сексуальности каждого из представленных типов партнерства.

Табл. 7. Сопоставление типов партнеров по эротическому дебюту студентов, молодых людей всех сословий 90-х годов и поколения, молодость которого пришлось на вторую половину 60-х годов 20-го столетия (в %)

Партнер	Петербургские студенты (1995 г.)		Молодые люди всех сословий (18–24 года)		Пожилые люди всех сословий (свыше 55 лет)*	
	I		II		III	
	коренные	приезжие	Петербург 1998 г.	Тула 1999 г.	Петербург 1998 г.	Тула 1999 г.
Жена/муж	2,9	1,3	8,4	10,5	49,0	63,8
Невеста/жених	8,2	9,5	9,6	10,5	11,5	11,3
Любимая/любимый	55,6	54,2	35,0	36,9	19,1	11,3
Хорошо знакомая незамужняя женщина/холостой мужчина старше по возрасту	11,2	11,7	22,8	24,6	7,6	3,8
Замужняя женщина/женатый мужчина	6,2	5,3	7,2	7,7	0,6	1,3
Случайная женщина/мужчина	15,9	18,0	15,6	6,1	7,6	3,8
Проститутка	–	–	1,4	3,7	–	–
Нет ответа	–	–	–	–	4,5	5,0

* Ответы ретроспективные

Муж/жена – легитимные члены брака. Их эротический союз скреплен правовыми и/или конфессиональными установлениями. Принципы могут быть, по сути, разными, но раз определены, то их надобно автоматически исполнять. К примеру, согласно Плутарху, Солон, много сделавший для стабильности афинской семьи, издал закон, обязывавший супругов сближаться не реже чем трижды в месяц «не ради наслаждения, а с тем чтобы, обновляя брак, освободить его от набирающихся при всей взаимной благожелательности в повседневной жизни разногласий» (Плутарх 1983: 578).

Невеста/жених скреплены нормами обыденного права. Перед родственниками и свойственниками будущие муж/жена пуб-

лично берут на себя определенные обязательства, нарушители коих неукоснительно подвергаются санкциям со стороны непосредственного социального окружения вплоть до остракизма.

Под *любимой/любимым* (girl/boy-friend) понимается член неформальных парных отношений, эмоционально напряженных, как правило, публично неманифестируемых. Связь с Единственной(-ым) базируется на нравственных ценностях, пренебрежение коими приводит к конфликту, затрагивающему, впрочем, исключительно двоих.

Возникновение понятия — «хорошо» знакомая/знакомый — результат выделения из ряда известных лиц такого актора, который какой-либо одной стороной (физической, эмоциональной, интеллектуальной) превосходит (или так кажется) всех остальных. Отношения эти менее открыты для публики и не столь экспрессивны, как предыдущие, вместе с тем они не лишены избирательности и определенных житейских обязательств.

Союз с *замужней женщиной/женатым мужчиной* по определению двусмыслен. С одной стороны, он может быть эмоционально наполненным и интенсивным, но с другой — предмет страсти как бы делится с законным супругом, что в конце концов создает нравственно конфликтную ситуацию, не исключающую психических напряжений вплоть до дистрессов¹.

При физических контактах со *случайной знакомой(-ым)* тело представляет собой объект релаксации, а поэтому никто уже не питает собственнических иллюзий; более того, партнерам приходится преодолевать брезгливость, в том числе скорым завершением вынужденной процедуры и разнообразием приемов, считающимися этически неприемлемыми в общепринятой приватной атмосфере.

Наконец, так как в рассмотренных выборках вновь высветилась как сексуальный объект *проститутка*, о ней поговорим позже.

Обратимся теперь к непосредственному рассмотрению данных таблицы. Первым делом проанализируем востребованность каждого из типов партнеров по сексуальному взаимодействию отдельно по колонкам. Даже беглого взгляда достаточно, чтобы заключить: у студентов конца века, независимо от места рожде-

¹ Дистресс — отрицательное влияние стресса на деятельность человека, вплоть до ее полной дезорганизации.

ния (стало быть, первичной социализации), выстраивается — в отличие от их коллег середины 60-х годов — идентичная иерархия. В основании пирамиды незыблемое место зарезервировано за «любимой(-ым)»;¹ вслед за тем, что знаменательно, отгесняя «хорошую» знакомую(-го), очередной рубеж занимает «случайная» партнерша (соответственно, партнер). Объяснение этого феномена, по-видимому, в юношеском максимализме: коль скоро отсутствует объект желанной страсти, то торжествует принцип наименьшей затраты нервной энергии. И только потом на шкале отмечается устойчивая, при незначительной амплитуде, последовательность компаньонов: от «хорошей» знакомой(-го) через невесту/жениха к замужней женщине/женатому мужчине и замыкает этот ряд легитимный напарник. Удельный вес последнего изначально предполагался относительно небольшим, на деле же оказался откровенно микроскопическим. Студенческий мир, приходится артикулировать банальность, не лучшим образом пригоден для смены брачного статуса.

На очереди вторая колонка. Здесь, относительно большее расхождение, чем в студенческих подвыборках. С одной стороны, молодые люди, проживающие в обоих городских поселениях, согласованно отдают предпочтение любимым и «хорошим» знакомым, с другой — выявляются и существенные расхождения. Так, у туляков последующие два места приходятся на долю легитимных и полулегитимных напарников, промежуточную нишу между указанными лицами и партнерами с «промискуитетными» задатками занимают женатые/замужние люди, эротический потенциал коих для исследователя загадка. Короче, соотношение крайних позиций почти 2 к 1 не в пользу случайных сексуальных объектов. Количественная наполненность и последовательность лиц по эротическому дебюту в мегаполисе практически та же, что и в среднем российском городе, различия фиксируются исключительно на полюсах шкалы, причем если на ее верхних этажах расхождение незначительно, то на нижних — превышение более чем вдвое в пользу петербуржцев.

В заключительной колонке (III) распределение радикально иное, нежели в первых двух: господствующее положение легитимного напарника бесспорно. Вместе с тем различия в выбо-

¹ Заострю внимание на неидентичности для молодых людей понятий «любимая(-ый)» и «невеста/жених».

ре партнеров в сравниваемых городах достаточно велики. И впрямь, в мегаполисе не только значительно меньше молодых людей в прошлом совмещали сексуальный дебют с юридическим оформлением брака, но и активнее расширяли интимное поле за счет отношений с любимыми и «хорошо» знакомыми партнерами, не пренебрегая при случае и «промискуитетом». Отсюда без всяких сомнений следует: изменение роли сексуальности в жизнедеятельности актора происходит первоначально в крупнейших городах и только впоследствии распространяется по территории. Трансформация моральных ценностей, напомним, приходится на середину 70-х годов. В этом свете не покажется чересчур смелым заявление о фиксации нами не просто неких флуктуаций, а элементов зарождающейся сексуальной революции.

Наступил черед сопоставить статистические данные трех колонок между собой. Предпочтения студентами и молодыми людьми, представляющими все слои городского населения, тех или иных партнеров отчасти разнятся друг от друга. Так, интересы студентов концентрируются преимущественно в одном пункте — более половины учащихся вузов манифестируют своего дебютного визави как любимую(-го). И хотя и прочей молодежи мегаполиса не чужды такого рода устремления, всё же girl/boy-friend составляют у них немногим более трети. Имеются и другие отличия. Молодые петербуржцы численно превосходят студентов в формировании легитимных сексуальных союзов, в эротическом общении с «хорошей(-им)» знакомой(-ым) и в контактах с проституткой. Молодые туляки в целом придерживаются того же поведенческого сценария. Исключение составляют «промискуитетные» и проституционные связи: первых меньше, вторых, напротив, — больше.

Старшее поколение (в обоих городах) в молодости по-иному выстраивало свои сексуальные предпочтения. Предваряя конкретные свидетельства, отмечу больший консерватизм туляков в частной жизни. В прошлом современные «пожилые» люди, как правило, совмещали юридическое оформление брака и сексуальный дебют (шестикратное превышение относительно сегодняшних молодых поколений!). В силу этого, не секрет, никакие иные сексуальные практики не могли конкурировать с «матримониальным эросом». Следующий партнер по наполненности в петербургской «возрастной» когорте — люби-

мая(-ый); к слову, ее (его) доля вдвое ниже, чем у нынешних молодых людей, а относительно студенчества — даже втрое. В Туле второй и третий ряд в равной мере закрепился за невестой/женихом и любимой/любимым (последние, кстати, с 3–5-кратным отставанием от их затребованности на рубеже XX–XXI вв.). На долю всех остальных типов партнеров у «пожилых» жителей мегаполиса пришлось около 16%, а в среднероссийском городе и того меньше — 8%. Словом, у респондентов старшего поколения выбор партнера по эросу был невелик (особенно в Туле) и ограничивался рамками традиций.

Не пройдем мимо «нового-старого» феномена, проявившегося в выборках конца прошлого века, причем *исключительно* поколения 18–24-летних — манифестируемого возвращения проститутки как объекта сексуального дебюта. По правде говоря, мне впервые удалось такое зафиксировать. Даже у студентов, опрошенных в середине 90-х годов, наличие «непотребства» отмечено не было, скорее всего эти связи растворились в «промискуитетных».

Незначительная доля проституционных контактов в общей массе нелегитимной сексуальности не должна смущать, ведь речь я веду об эротическом дебюте. Мало того, реальная распространенность проституционных связей в молодежной среде в настоящее время не столь велика в сравнении с любым периодом предыдущего века¹. К примеру, опрос, проведенный в 1991 году среди ленинградской молодежи, показал: 3,6% респондентов имели один контакт с проституткой, а 4,4% — несколько. Около 9% студентов и школьников, 5% служащих и 2% рабочих (обоих пола) были не прочь «иметь сексуальные контакты за плату»².

Российская проституция не только по сути напоминает европейскую, но и количественно с нею «сопоставима». Ограничившись двумя свидетельствами. В общенациональном французском исследовании³ респондентам был задан вопрос: имели ли они за последние пять лет «один раз или больше сексуальные отношения за плату или получали плату сами»? Обращение к проститу-

¹ См. гл. 1, 2.

² Руководитель опроса В. Лисовский (НИИКСИ при ЛГУ). Выборка — 1400 человек, в том числе 721 мужчина. Данные любезно предоставлены мне автором исследования.

³ С сентября 1991 г. по февраль 1992 г. было опрошено 20 тыс. человек по всей территории Франции.

ции, определяемой таким образом, обнаруживается более или менее заметно только у мужчин: 3,3% из них ответили на этот вопрос утвердительно. Число обращений к проституткам увеличивается пропорционально размеру населенного пункта, в котором проживает респондент (5,2% в парижской агломерации против 2,1% в городах с числом жителей менее 5 тыс.). К проституции несколько чаще прибегают те, кто относит себя к нерелигиозным или не придающим религии большого значения, а также те, чей уровень образования выше (4,2% из имеющих степень бакалавра по сравнению с 2,5%, кто прошел обычную профессиональную подготовку). В целом среди мужчин с высшим образованием, не состоящих в браке и проживающих в черте Парижа, к проституткам обращались в течение последних пяти лет 8,6%. Всего 1% мужчин в возрасте от 18 до 69 лет сообщили, что за последний год вступали в сексуальные отношения, за которые они платили. Среди них 36% имели связи с одной проституткой, 29% — с двумя, 30% — имели от трех до десяти партнерш, а 4% — более десяти (см.: Spiga, Vajos 1993: 141—142). Согласно опросу, проведенному в Финляндии, каждой пятой женщине и 8% мужчин предлагались деньги за сексуальные услуги¹. В Хельсинки соответствующие показатели составляют 37% и 14%. Довольно часто деньги предлагаются женщинам, которые имели до этого совсем немного сексуальных партнеров². Только две из опрошенных женщин и 1,5% мужчин признали, что согласились принять деньги. По словам исследователей, женщины, предлагавшие себя, или не признались в этом, или не попали в число респондентов. Что же касается мужчин, то 10% платили за секс-услуги, причем 6% — несколько раз. Как правило, возраст мужчин, обращавшихся к проституткам, превышал 40 лет (см.: Kontula, Naavio-Mannila 1995: 211).

Зададимся вопросами: чужда ли современному российскому обществу проституция? Возможно ли эффективно ей противодействовать? Ответы непросты. Но одно безусловно — ажиотаж вокруг «запретной» темы проходит, наступила пора серьезных обсуждений (см.: Голод 1996: 129—133). История свидетельству-

¹ В начале 90-х гг. в Финляндии было опрошено по 800 мужчин и женщин.

² Право же, здесь нечему удивляться: смысл институциональных отношений не сводится к «купле-продаже» тела, как нередко провозглашается исследователями: за этим кроется глубинное и неразрывное — атмосфера непреодолимой личностной отчужденности.

ет: ни правовая, ни медицинская регламентация, направленная против проститутток, не дала ожидаемого результата. Повторять в начале XXI века этот опыт неразумно. По-моему, заслуживает внимания идея легитимации института проституции: публичного признания факта его существования. Промедление с этим шагом приводит в повседневной жизни к организации подпольных притонов и прочей инфраструктуры по оказанию так называемых интимных услуг. Легитимность открывает как путь к уточнению правового статуса проститутки, так и возможность отработки регламента взаимоотношений государственных институтов, гражданского общества, торгующих телом и их клиентов. Проституция, как уже отмечалось, неперенный спутник патриархальной семьи, иными словами, этот феномен имманентен культуре с господствующей гендерной асимметрией. Уверен, перспектива института проституции в руках женщин и сопряжена в первую очередь с достижением ими своей *инакости* (подробнее о последней речи пойдет в гл. 8)¹.

Вернемся к опросным материалам и продолжим обсуждение проблем, прямо или косвенно связанных с характеристикой партнерства. Обращает на себя внимание соотношенность выбора определенного типа участника эротического взаимодействия и мотивов вступления в него. В том случае, когда контрагент именуется как «невеста/жених», основополагающие побуждения к телесному сближению располагаются, скажем, у студентов (1995 г.), в такой последовательности: любовь (почти 70%), сексуальное влечение (12%) и любопытство (около 9%); близкие пропорции обнаруживаются у жителей Петербурга — 70%, 11% и 7%. В Туле полулегитимные отношения поддерживаются потребностью в любви (73%), любопытством (9%) и стремлением к физическому изыску (5%)². При акцентировании студентами неформального статуса партнера — «любимая(ый)» — мотивы физического обладания не претерпевают существенных пертурбаций, однако меняется численное представительство каждого из них, в частности, снижается доля «любви» (на 23%) и,

¹ Само собой разумеется, речь не идет об отдельных особях, которые найдут себе «работу» и в будущем, — при определенном стечении обстоятельств, например изнасиловании в детстве или инцесте, велика вероятность использования потерпевшей тела в качестве товара (см.: Соколова, Ильина 2000).

² Расхождения статистически незначимы.

напротив, повышается — «гедонизма» (на 11%) и «познавательного интереса» (на 5%). Созвучная эмпирическая закономерность зарегистрирована и среди жителей сравниваемых поселений. Думается, не требует специального доказательства наличие иной мотивационной шкалы у респондентов, вступивших в сексуальные контакты со случайным актором. Это не что иное, как релаксация в чистом виде, которая не подразумевает эмоциональную отзывчивость и нравственную разборчивость, а в лучшем случае базируется на подсознательно сформировавшемся стереотипе. Действительно, каждый четвертый студент последнего десятилетия XX века из числа вовлеченных в такого рода связи аргументировал их необходимостью снятия физиологического напряжения; 15%, не мудрствуя лукаво, сослались на обстоятельство и столько же — на воздействие опьянения. Отчасти по-иному распределились предпочтения среди петербургских и тульских «промискуитетчиков». В обоих городах наибольший удельный вес оказался тех, кто индифферентен к ситуации и объекту сексуальной разрядки, а вот далее проявилось различие: в мегаполисе — «желание не отставать от товарищей» и «стремление стать взрослой(-ым)»; в среднем городе — «желание стать взрослой(-ым)» и «любопытство».

В свою очередь, обнаруживается сопряженность продолжительности периода ухаживания с наименованием типа партнера по эротическому дебюту. Указанная зависимость особенно рельефно проступает по краям эмоционально-духовного континуума. Так, в Туле у 43% молодых людей, вступивших в брак девственниками, ухаживание длилось более года, в Санкт-Петербурге таких оказалось на 6% меньше; после столь же продолжительного ухаживания своего эротического контрагента обозначили как «жених/невеста» соответственно по городам — 38% и 49%. Для того чтобы в конечном счете осознать: «да, это именно тот человек, которого я рисовал(-а) в своих мечтах — любимая(-ый)» — более чем 30% респондентов оказалось достаточно от 5 до 6 месяцев ухаживания. С другой стороны, каждому третьему горожанину (независимо от местожительства), рискнувшему вступить в дебютную сексуальную связь со случайным объектом, хватало недели поиска, а каждый второй утверждал, что справляется с этой задачей и вовсе за день. Отсюда следуют по меньшей мере два вывода: (1) чем привлекательней и ценней объект эротики, тем большей продолжительностью и избирательностью сопро-

вождается его поиск; (2) превращение «любимого(-ой)» в полуполитимного партнера — «жених/невеста» — непременно предполагает испытание временем.

Еще один принципиальный показатель избирательности сексуального партнера — устойчивость дебютного общения. Судя по моим источникам информации, у студентов эта деятельность выглядит прозрачно и в целом убедительно. Симметрично представлены полюса (по 15 с небольшим процента): на одном из них расположился «суетливый ничтожный эрос» — сразу же по достижении одномоментного соматикоэмоционального удовлетворения контакт прекращается; на другом — «эрос, центрированный на матримониальной цели», короче, ухаживание приводит к браку. «Эрос центра», к слову — наиболее представительный, под его «покровительством» оказался почти каждый второй респондент, — поощряет экзистенциальные, сугубо личностные ценности. Тем самым подразумевается относительно длительное и напряженное общение, однако не завершающееся правовым контрактом. Нетрудно догадаться, что среди приверженцев «суетливого эроса», как правило, 18–20-летние молодые люди; матримониально центрированные, — по большей части, 21–23-летние; сторонники эмоционально богатых переживаний, не ограничивающих себя официальными рамками, распределились приблизительно пропорционально, от 32% до 38% и репрезентативны всем возрастным категориям. Для более емкого подтверждения обсуждаемых зависимостей вновь обратимся к опросам населения Санкт-Петербурга и Тулы. Сравним три представляющие, судя по всему, разноликие нравственные принципы когорты: 18–24-летних, 35–44-летних, 55 лет и старше.

Во всех тульских возрастных когортах модальная продолжительность дебютной связи — «больше года». Удельный вес указанного отрезка эротического взаимодействия заметно уменьшается от старшего поколения (76%) через среднее (59%) к младшему (30%), словом, зафиксировано снижение объема в 2,5 раза. С другой стороны, в случайные связи вовлекалось наименьшее число жителей среднего города. При этом обнаруживается противоположная тенденция — рост распространенности «промискуитета» от старшего поколения (1,3%) к среднему (10%) и далее к младшему (12,5%). Если крайние позиции для всех возрастных когорт созвучны, то в промежуточной

дает о себе знать полифоничность. «Срединный» показатель продолжительности дебютных сексуальных контактов почти у 20% «молодого» поколения ограничивается одним месяцем, тогда как у двух других — несколькими месяцами, причем у 35—44-летних он (этот промежуток) определяет поведение каждого пятого респондента, а у «пожилого» — менее чем десятого.

И в петербургской выборке бросается в глаза модальное представительство тех респондентов, которые продолжали сексуальное общение с первым сотоварищем более года. То же относится и к распределению удельного веса: он существенно сокращается от «пожилого» поколения (61%) к «среднему» (54%) и далее к «молодому» (33%). В противоположном направлении сокращается количество «встреч-однодневок» (с 24% до 6%). В двух возрастных категориях (младшей и средней) промежуточный по частоте упоминаний интервал остался за теми, кто претерпевался к партнеру(-ше) в течение нескольких месяцев (соответственно 11% и 19%); тогда как старшему поколению для этого был необходим год (13%).

До сих пор в основном рассматривался период сексуально-го дебюта. И такая концентрация внимания объяснима, ибо в эту пору происходит процесс нравственного самоконституирования актора в рамках зарождающихся стратегических проектов эротизма. Одна из таких крайних стратегий может быть проиллюстрирована моральной максимой, сформулированной Ж.-П. Сартром, вобравшей в себя житейскую прагматику и «высоколобый» сюрреализм. По словам Симоны де Бовуар, «Сартр любил женское общество, он находил, что женщины не так смешны, как мужчины; он вовсе не собирался в свои двадцать три года навсегда отказаться от их чарующего многообразия. Если любовь между нами, — продолжала она, — относилась к явлениям закономерным, то почему бы нам не иметь также и случайных связей». Отсюда и не должны удивлять принципы взаимоотношений знаменитой французской пары: «<...> никаких брачных уз — это главное; никаких детей — они слишком обременительны. Каждый живет сам по себе, заводит романы, вступает в связь с кем хочет, единственное обещание — ничего друг от друга не скрывать и никогда друг другу не лгать. Короче, полнейшая свобода и открытость» (Ламблен 2000: 87, 89). Поддержание декларируемых позиций требовало от Бовуар не только пассивного, но и активного поощрения «тройственного

союза», в то время как Сартр демонстративно использовал мачистские¹ принципы. Нетрудно предположить, что в оппозиции описанной элитарной стратегии расположен брачный эротизм, но, разумеется, не традиционный, центрированный на матримониальные ценности, а признающий сексуальное многоцветие. И всё же наиболее массовая стратегия нацеливает молодых людей на удовлетворение эротической нужды в разнообразных нелегитимных формах общения. В данной главе нас, естественно, интересуют последние.

Одна из важных характеристик молодежного эротизма — это количество сексуальных объектов. Установлена корреляция между количеством партнеров и принадлежностью респондента к определенной возрастной когорте. К примеру, лишь четверть туляков 18—24 лет (как правило, холостых) ограничили свою сексуальную практику одним партнером, большинство из них (58%) имели контакты с пятью сотоварищами, остальные — даже с шестью и более; у поколения 35—44-летних (между прочим, они почти все к моменту опроса состояли в юридически оформленном браке, иначе говоря, завершили нелегитимный период общения) количественное распределение партнеров существенно иное: в два раза больше респондентов указали на одного и, напротив, настолько же меньше — на шесть и более. Сходные закономерности обнаружены в Санкт-Петербурге. А именно: почти 30% 18—24-летних сослались на наличие у них одного друга/подруги, тогда как 23% — на шесть и более; 35—44-летние, соответственно — 44% и 5,6%.

Студенты середины 90-х проявили несколько большую сдержанность: 40% отметили эротическую близость с одной подругой/другом, 42,5% — от 2 до 5 и 17,5% — шесть и более, проще говоря, к аскетам их также не причислишь. Кстати, о том же свидетельствуют интервал между первым и вторым партнером, частота контактов и уровень психосоматической отзывчивости. Так, почти каждый пятый студент (независимо от пола) из числа находившихся в поиске эротического партнера уже в течение месяца смог реализовать свою потребность, при этом его объектом равновероятно оказывался как «хорошо», так и «случайно» знакомый актор. Положение дел радикально меняется, если по-

¹ Мачизм (мачо) — термин латиноамериканского происхождения, означающий: мужик, ярко (сексуально) выраженный мужчина.

иск растягивается хотя бы на 2–3 месяца. В этом случае, во-первых, расширяется до 42% круг студентов, осуществивших свою эротическую мечту; во-вторых, изменяется соотношение компаний 3 к 1 в пользу boy/girl-friend; в-третьих, возрастает уровень эмоциональной отзывчивости, позитивное ощущение высказывает не 68%, как в первой совокупности, а 76% респондентов, и, напротив, негативная реакция снижается с 31% до 16%.

Но это не всё. Большинство студентов, имеющих (или имевших) случайные контакты, не испытывают по этому поводу *винны*; мало того, им нравится такое времяпрепровождение. Молодые люди объясняют свой индивидуальный стиль жизни отсутствием boy/girl-friend'a, желанием встретить подходящего мужчину (женщину), способного удовлетворить их эротические запросы, или даже желанием просто развлечься.

Анализ не центрированных на matrimониальность сексуальных практик будет не полон, если хотя бы бегло не затронуть еще один вид поведения, который находится в поле зрения врачей и педагогов с начала XX века, но тем не менее до сих пор остается малопрозрачным для исследователей. Я имею в виду — мастурбацию. Откровенно говоря, это чуть ли не последнее белое пятно на карте человеческой сексуальности.

Вплоть до последнего времени в отечественной сексологической литературе можно встретить высказывания такого рода: «<...> мастурбация представляет суррогатное средство, позволяющее снять или смягчить проявления физиологического дискомфорта, порождаемые биологической потребностью, не находящей адекватного удовлетворения» (ОС 1977: 205). Или вот более позднее рассуждение: «Секс реализует <...> стремление к близости на физическом уровне, но, если физическая близость не сопровождается душевной, то удовольствие от нее будет многим больше, чем от мастурбации, т. е. чисто механического процесса» (КС 1998: 136). Прогресс налицо, по меньшей мере уже не запугивают обывателя полным физическим и психическим истощением от онанирования. Однако и сегодня мало кто из респондентов при опросе в России склоняется к публичному признанию в собственном «грехе». Такое положение дел нельзя расценить иначе как *архаику*. Но факты упрямая вещь, а посему не остается ничего другого как обратиться к анализам опросного материала, собранного в так называемых демократических обществах, в частности, во Франции.

В общенациональном опросе был задан следующий вопрос: «Занимались ли Вы мастурбацией?» 84% мужчин ответили на него положительно, но только 42% женщин дали такой же ответ (см.: Бежен 1998: 143). Для того чтобы проверить, не утаивают ли женщины факт мастурбации, в конце процедуры автор поставил контрольный вопрос: «Достигаете ли вы оргазма, когда мастурбируете?» Предлагался ряд альтернатив: «всегда», «довольно легко», «скорее с трудом», «никогда», «ко мне это не имеет отношения», «затрудняюсь ответить». В результате установлено — 56% женщин (а не 42%) применяли эту практику. Выявленное умолчание особенно значительно у молодежи: среди 18–19-летних женщин 67% — вместо 34% — имели по крайней мере минимальный опыт мастурбации (см.: Béjin 1993: 1448).

Зададимся вопросом: почему женский онанизм больше мужского подвергается сокрытию? Достаточно убедительные ответы мы находим в работах А. Бежена. По его мнению, женщинам хуже удается очертить границы того, в чем действительно состоит мастурбация. Эти расхождения также свидетельствуют о сохранении женской стыдливости. Обе версии, несомненно, пригодны для объяснения отдельных случаев утаивания. Однако главное — с этим надо согласиться — в том, что для женщин в большей степени, чем для мужчин, сексуальное наслаждение начинается или, по крайней мере, разворачивается именно в *парном общении*. Практика онанирования, по словам французского специалиста, в общем довольно низко оценивается женщинами, ибо она «слишком легкая», здесь не нужно соблазнять или привлекать партнера, следовательно, не подтверждается собственная привлекательность. Больше того, мастурбация продолжает связываться с идеей одиночества и не может удовлетворить потребность любить и быть любимой. Согласимся и с другим утверждением французского социолога. Феномен утаивания нельзя рассматривать изолированно. Его необходимо соотносить с фактом занижения «прекрасным полом» количества сексуальных партнеров в их жизни. Дело выглядит таким образом, как будто бы женщинам свойственно не принимать в расчет то, что для них не значимо. В этом не надо ни в коем случае усматривать ложь или лицемерие. Вполне возможно, что подсознательное утаивание свидетельствует скорее о более высокой эротической избирательности большинства из женщин.

Глава 6
НЕЛЕГИТИМНЫЕ МОЛОДЕЖНЫЕ
СЕКСУАЛЬНЫЕ СТАНДАРТЫ В РОССИИ
НАКАНУНЕ XXI ВЕКА

Собранный в ходе проведенных мною исследований эмпирический материал высветил мозаичное полотно эротического взаимодействия юношей и девушек в последние 30–40 лет (см.: Голод 1996). И это сам по себе значительный шаг в расколовании потаенной сферы. Мало того, в принципе открылась возможность вписать обозначенную область в общекультурный ландшафт. Однако на этом пути исследователю необходимо преодолеть ряд препятствий, в частности, найти адекватный критерий сексуальной «нормы». Если оценить выявленные трансформации с позиций иудео-христианского кодекса, который; как известно, на протяжении веков ограничивал нравственность в отношениях полов пределами брака, то вольно или невольно приходишь к заключению о несомненной греховности человека 20-го столетия. Зададимся вопросом: столь ли неординарна сегодняшняя ситуация? Ни в коем случае. Аналогичное состояние нравов в России за 20-е столетие уже фиксировалось по меньшей мере дважды – в начале прошлого века и в 20-е годы (см.: Кузнецова 1999; Голод 1986; Черных 1993). Одна из возможных версий, объясняющая природу данного феномена, состоит в том, что актуальное сексуальное поведение изменяется под влиянием глобальных перемен эпохи позднего модернизма, становясь полифункциональным, в то время как норма – в силу ее инертности – заскорузла и перестает отвечать новым практикам. Здесь уместно напомнить максиму Сенеки: «Qual fuerant vitia, mores sunt»¹. От себя же добавлю,

¹ Что было пороками, стало нравами (лат.).

что в ситуациях социальных «переломов» наблюдателю важно избежать крайности как морализаторства, так и солипсизма.

Обострение данного противоречия в этико-философском ракурсе обсуждал еще Вл. Соловьев. Он сформулировал здравое соображение о непригодности «естественности», то есть прокреации в рамках брачного союза, в качестве показателя нравственности человеческой сексуальной экспрессии (см.: Соловьев 1994). Как ни странно, и по прошествии ста лет лишь небольшое число специалистов согласны с тем, что традиционный критерий, не отражая сути эмоциональных сопереживаний, авторитарно предписывает им узкие рамки: брак – не брак. Сексуальность, таким образом, на протяжении веков рассматривалась вне контекста имманентных ценностей культуры – эроса и любви, которые попросту исключались из сколько-либо серьезных обсуждений¹. Следы засилья указанной бинарности прослеживаются в научной литературе и поныне. Проиллюстрирую эту мысль несколькими замечаниями.

Немецкие социологи выделяют в сексуальности мужчин три ипостаси – экстенсивность, редуцируемость и контакты вне супружества; последние без видимых колебаний отнесены в разряд измен (см.: Metz-Göckel, Müller 1986: 146). Можно ли, скажем, однозначно интерпретировать адюльтер как измену? Эллины считали внебрачную связь предосудительной в том случае, если в ней участвовала замужняя женщина, – женат ли мужчина, значения не имело. Говоря точнее, обман касался двух мужчин: того, кто овладел женщиной, и того, кто обладал ею на законном основании. Измена понималась исключительно как посягательство на права мужа. Плутарх в этом отношении ставил в пример своим соотечественницам персидских цариц. Они принимали участие в трапезах вместе с мужьями, но уходили, когда те, захмелев, призывали музыкантов и наложниц: такая терпимость пристала супруге. И если ее «обыкновенный муж, к тому же сластолюбивый и

¹ В целом я разделяю следующие положения О. Паса: «Сексуальность – свойство животных, эротика – человека. Эротика проявляется внутри общества и состоит главным образом в преобразении инстинкта продолжения рода, сексуального прорыва в некое действие. Любовь, в свою очередь, тоже есть ритуал и действие, но и нечто большее: это <...> очищение, которое превращает как субъект, так и объект эротической встречи в единственные в своем роде личности. Любовь – метафора, венчающая сексуальность. <...> Нет любви без эротики, как нет эротики без сексуальности» (Пас 1997: 225).

распущенный, иной раз и согрешит со служанкой или гетерой, жена не бранится и не возмущается, считая, что именно из уважения к ней участницей непристойной, разнузданной пьянки он делает другую» (Плутарх 1983: 350).

Языческая гибкость в отпущении грехов за эротические проступки присутствует и в раннехристианских наставлениях. При расследовании сексуальных связей вне брака, — говорится в одном из пенитенциалий, надо принять во внимание, красива ли женщина, поскольку меньше согрешит тот, кто познает красивую, чем тот, кто познает безобразную. Красивая привлекает сильнее, а где больший соблазн — меньше грех. Необходимо также выяснить, применял ли согрешивший насилие, ибо сильнее провинится тот, кто применял силу, чем тот, кто познал женщину по добровольному согласию. Важно установить, возжаждал ли он, как только первый раз ее увидел, или же воспламенялся постепенно. Ибо сильнее согрешит тот, кто сохотел с первого взгляда, чем тот, кто воспламялся при долгом общении. Надо также принять во внимание, что адюльтер хуже простого блуда, инцест — хуже прелюбодеяния, противоестественное совокупление хуже инцеста (см.: Бессмертный 1989: 111). Итак, служители культа, как и их языческие предшественники, оказались более толерантными в своих суждениях о широте и направленности экспрессивных потребностей человека, чем современные носители стоического «монополистического принципа», по мнению которых сексуальные связи вне брака недопустимы ни при каких обстоятельствах.

В конце 90-х годов в Финляндии вышла статья, авторы которой претендуют на приоритет в сравнительном межкультурном исследовании сексуального поведения населения Западной (Финляндия) и Восточной Европы (Россия, точнее Санкт-Петербург). Не буду подробно останавливаться на ее методических деталях: скошенности петербургской выборки по полу и возрасту и невозврате респондентами 40% вопросников и т. д. (см.: Naavio-Mannila, Rotkirch 1997: 136). Выскажу только некоторые принципиальные соображения по поводу так называемых теоретических посылов. Полевой материал рассматривается социологами под лучами трех регулятивных «прожектов» — «традиционного», «либерального» и «амбивалентного». Какой же смысл вкладывался в эти понятия?

Согласно мнению исследователей, традиционная норма отличалась строгостью — ее цель состояла в укреплении «гете-

росексуального брака и жестко регулировала репродуктивное поведение женщин». Либерализация контроля сопровождалась плюрализацией сексуальных практик, их одобрением и интенсификацией, а также «опережающей вовлеченностью в этот процесс женщин». Вместе с тем специалистам приходится признать, что представленные регулятивные системы не охватывают всего спектра сценариев. Оказывается, у поколения финнов, рожденных между 1962-м и 1978 годами, актуальное поведение либерально, в то время как некоторые аттитюды, в частности, «идеал верности в браке», всплывают из традиционного небытия. Другими словами, в молодости норма — множество партнеров для обоих полов, но, повзрослев, вступив в брак — один партнер и на всю жизнь! При этом девственность ни во что не ставится — будучи холостым (незамужней), ищи партнеров, экспериментировать, но, заключив легитимный союз, человек (будь то мужчина или женщина) *должен* радикально изменить свой экспрессивный облик — стать целомудренным. Парадокс? Ничего подобного, уверяют авторы: им посчастливилось присутствовать в момент рождения нового поколения — «поколения равенства» или, как они его еще называют, — «амбивалентного». Простенько и без всяких затей. На самом деле в их словах легко различима апологетика двойной морали: оппозиция легитимной и нелегитимной сексуальности, так хорошо знакомая по эпохе патриархальной цивилизации.

Вернемся, однако, в основное русло обсуждения. Согласно моему видению, критерий сексуальной нормы призван отражать качественную сторону интеракции полов или акторов (очевидно, из круга рассмотрения нет оснований исключать людей с гомогенной ориентацией), короче, улавливать, в какой мере естественные отношения превратились в человеческие. Искомый показатель нетрудно представить в виде континуальной шкалы соотношений — по нарастанию отчуждения — «духовного верха» от «материально-телесного низа» (М. Бахтин).

Удовлетворенность, получаемая индивидом от эротических контактов, как правило, находится в тесной связи со степенью его духовно-эмоциональной вовлеченности, с глубиной и яркостью чувств. На инструментальном уровне «духовно-эмоциональная вовлеченность» есть не что иное, как определенное сочетание трех компонентов — *экспрессивности, избирательности и*

нравственной целостности (согласованности диспозиций и практик)¹. Уверен, на рубеже веков никакие характеристики, касающиеся профессии, социального статуса, этнической принадлежности, религиозной конфессии, возраста, брачного состояния и т. п., не могут соперничать с мерой духовно-эмоциональной вовлеченности, когда речь идет об обосновании и моральной оценке сексуальных сопереживаний. Разумеется, я отдаю себе отчет в том, что частные показатели в отдельности и в каждом индивидуальном случае не всегда отражают качественное состояние интеракции. И всё же при опросе значительного числа людей велика вероятность, что, к примеру, случайность связи, в сочетании с принципиально негативной ее оценкой, гетерогенностью социального статуса и культурных запросов партнеров, выльется в максимально отчужденные контакты. И напротив, мотивация отношений любовью, сопровождаемая их одобрением и гомогенностью культурных интересов партнеров, свидетельствует о гармонии души и тела. Побудительный мотив вступления в эротические связи и тип партнера дают возможность определить степень оправданности такой практики в свете господствующих общественных представлений и стереотипов. Негативная оценка нелегитимных контактов актором, который тем не менее их реализует, должна, по-видимому, указывать на отсутствие экспрессивности и избирательности, тогда как положительная установка по меньшей мере — на согласованность нравственного убеждения и практики.

То или иное сочетание обозначенных параметров позволяет выделить пять базовых нелегитимных молодежных сексуальных стандартов.

Первый — *любовный*. На инструментальном уровне его можно охарактеризовать следующим образом. Нелегитимные сексуальные отношения *оправдываются*. Мотив вступления в общение — любовь. В качестве партнера выступает *boy/girl-friend* или *жених/невеста*, число эротических партнеров, как правило, *минимально*.

Любовь, несомненно, затрагивает экзистенциальные чувства человека, в известном смысле она — стремление к совер-

¹ Мера экспрессивности рассчитана по пятичленной шкале мотивов вступления в сексуальные связи; избирательности — по пятичленной шкале типов партнеров и нравственности — по трехчленной шкале установок на принципиальную возможность нелегитимных сексуальных практик (см. гл. 3 и 4).

шению. И лишь творчески бесплодные люди полагают, что к науке, искусству или политике следует относиться серьезно, а эрос третируют как нечто вторичное, хуже того — низменное. Разубеждать их — пустая затея, каждому свое. Признание «вечности» любви не противоречит, конечно же, реальному ее многообразию. Не боясь показаться категоричным, замечу: каждая эпоха, цивилизация и крупная этническая общность придают любовным отношениям определенную структуру и регулируют их благодаря обычаям, традициям, системе ценностей и идеалов, превращая тем самым экспрессивный мир личности в элемент культурно-исторической реальности. Отсюда можно судить о смысле любви по утвердившемуся в конкретной культуре способу кристаллизации переживаний человека и ритуализации его поведения.

Казалось бы, мысль о том, что для каждой этнокультуры характерен свой идеал любви, определенные ценности и принципы ухаживания, достаточно банальна. Тем не менее обыватели и аналитики равным образом ориентированы на одну систему — *романтическую*. Сошлюсь на безусловно авторитетное лицо. Э. Фромм замечает: «В западном мире в течение нескольких последних поколений всеобщим стало понятие романтической любви. В Соединенных Штатах <...> большинство людей ищут романтической любви, личного переживания любви, которое затем должно повести к браку» (Фромм 1990: 14). Чего здесь больше — иллюзии или скольжения по поверхности, не берусь утверждать. С тем, что в последние десятилетия эротические связи становятся всё более спонтанными, личностными, не сковываемыми внешними запретами, нельзя не согласиться, но ассоциировать этот глобальный процесс с романтизмом нет достаточных оснований. Скорее прав О. Пас, который, сравнивая две соседние культуры (северо- и латиноамериканскую), показал, что *тело* в американской традиции — не источник наслаждения, а залог здоровья и труда, причем залог как в материальном, так и в моральном смысле. Культ здоровья воплощается в «этике гигиены» — этике деспотичной: она правит всем — сексом, спортом, кухней и пр. Выполняя гигиенические предписания, индивид подчиняется не просто нормам физиологии, но требованиям этики: трезвость, воздержание, мера (см.: Пас 1994: 146).

И еще одно принципиальное возражение. Сопряженность любви и брака не столь очевидна, как это декларируется амери-

канским психоаналитиком. В свое время М. Монтень тонко подметил (а в наше время его суждение нашло эмпирическое подтверждение): «Любовь не терпит, чтобы руководствовались чем-либо, кроме нее, и она с большой неохотой примешивается к союзам, которые установлены <...> под другим наименованием; именно таков брак» (Монтень 1960: 86). Для философии и социологии тема соотношения любви и брака, личности и института вечна. Поэтому не должно удивлять, что она стала предметом размышления и известного теолога, оказавшегося не в самых подходящих для этого условиях — в гитлеровской тюрьме, на пороге между двумя мирами. Он, в частности, писал своим друзьям накануне их венчания: «Брак — это нечто большее, чем ваша любовь друг к другу. <...> В любви вашей вы видите себя одними на целом свете, в браке же вы — звено в цепи поколений, которые приходят и уходят по воле Божией <...>. В любви вашей вы видите лишь небеса вашего собственного счастья, благодаря браку вы с ответственностью входите в мир и разделяете ответственность людей. Ваша любовь принадлежит вам и только вам, брак же — нечто надличное, брак — это звание, служение» (Бонхеффер 1989: 127). Итак, эротическое наслаждение и служение (воспроизводство поколений), то есть приватное и публичное, хотя и не антагонисты, но тем не менее автономны относительно друг друга.

Второй стандарт — *гедонистический*. Возможность нелегитимных сексуальных связей в равной мере *оправдывается* или оценивается *амбивалентно*. Ведущий мотив вступления в общение — *сексуальное влечение*, реже — *любовь*. Предпочтение отдается *boy/girl-friend*, подчас эта роль отводится *невесте/жениху*. Количество потенциальных партнеров несколько больше, чем в первом типе.

Гедонизм отличается от любви акцентированием чувственного наслаждения, телесным изыском, эпикурейством. Вместе с тем с любовью у него единые корни — средневековая «утонченная любовь» («*fine amour*»). Но в дальнейшем их пути разошлись. Одна из старопровансальских моделей, раздвинувшая свои границы за пределы элитарного круга, претерпела существенные перемены — во многом утратила возвышенный характер: *влечение потеснило выбор, тело — душу*, воспев тем самым гимн фаллосу. Особенно изящно и многогранно это прослеживается во времена карнавалов от средневековой Европы до современной Латинской Америки, когда народное свободолюбие, проры-

ваясь сквозь церковные запреты, выявляет себя в телесном пиршестве: в вине, обжорстве и страсти. По словам М.М. Бахтина, женщина в «галльской традиции» связана с материально-телесным низом, она — воплощение этого низа, одновременно и снижающего и возрождающего; иными словами, задирая юбки, женщина показывает место, куда всё уходит (преисподняя, могила) и откуда всё берется (рождающее лоно) (см.: Бахтин 1990: 264–265). Разумеется, сводить гедонизм к торжеству плотской физиологии — такое же безумие, как поиск девственницы на бульваре Сен-Дени в Париже. Столь же противно разуму возвышение гомогенной похоти до гедонистического наслаждения. К примеру, один из знатоков мужских гомосексуальных практик, описывая совокупления героя романа Эдуарда Лимонова и откровенно смакуя детали проникновения фаллоса огромного негра в Эдичку через его анус (вызывающий у последнего физическое расслабление вплоть до оргазмического самозабвения и непроизвольного стенания), определяет сей пассаж даже не гедонизмом, а специфической «мужской любовью» (см.: Клейн 2000: 61). Оставим такую любовь на совести Л. Клейна, я же здесь веду речь о другом — о сексуальности.

Третий тип — *рекреационный*. Сексуальные отношения до вступления в легитимный союз чаще *оправдываются*, реже — оцениваются *амбивалентно*; мотивы — в равной мере *сексуальное влечение* и *любопытство*; партнер качественно иной, чем в предыдущих двух случаях — *мужчина/женщина значительно старше по возрасту* (и, как правило, иного социального статуса) или *женатый мужчина/замужняя женщина*. Здесь особенно ценится широкий диапазон сексуальной дозволенности (и обучаемости) и отсутствие сколько-либо твердых взаимных обязательств. Попросту говоря, рекреационные отношения менее экспрессивны, чем гедонистические, они уравнивают психику и расслабляюще воздействуют на физиологию, создавая тем самым иллюзию полной отрешенности от повседневных проблем. Остановлюсь на этом типе несколько подробнее, приведу живописную и картинную иллюстрацию из художественного текста.

В рассказе современного английского писателя Джулиана Барнса «Эксперимент» с тонким юмором рисуется различие эмоциональных миров англичан и французов¹. Итак...

¹ Противопоставление и соревновательность англичан и французов достаточно известны. Воспроизведу отличие этих народов в этикете, ярко пред-

В Париж впервые попадает англичанин (дядя племянника, от лица которого идет рассказ. — С. Г.) и случайно в кафе за бокалом вина знакомится с французским сюрреалистом. Тот приглашает гостя с острова на очередное заседание кружка, посвященного обсуждению проблемы секса, где англичанин подвергается перекрестному допросу. К примеру, Бретон² «в своей лаконичной манере» спрашивает:

«Помимо влагалища, заднего прохода и рта, куда еще вам нравится извергать семя? Укажите в порядке предпочтения: 1) под мышку; 2) между грудями; 3) на живот».

И дядя Фреди отвечает <...>:

А если в ладошку чашечкой? (Барнс 1998: 60).

Прекрасный ход: англичанин не упускает случая даже в ситуации, когда ему перечислен, казалось бы, весь набор вариантов мест семяизвержения, привести с ходу свой — знай, мол, и мы не лыком шиты. Далее ситуация разворачивается следующим образом:

На вопрос, какую сексуальную позу он предпочитает, дядя признается, что любит лежать на спине и чтобы женщина сидела на нем.

— А, — отзывается Бенжамен Пере³, — так называемая «поза лентя». Далее дядю допрашивают о склонности англичан к половым извращениям; он старательно защищает репутацию соотечественников, как вдруг выясняется, что речь идет вовсе не о гомосексуализме, а скорее об анальном сексе между мужчинами и женщинами. Дядя <...> совсем ошарашен.

— Мне такого делать не доводилось, — говорит он, — и о других тоже не слышал.

<...> Андре Бретон. Не могу поверить, что ваша сексуальная жизнь настолько лишена воображения и сюрреализма, как вы нам ее преподнесите.

ставленное М. Оссовской: «Француз в разговоре жестикулирует, за едой не умолкает, целуется на людях, заговаривает с незнакомыми, пользуется за столом зубочисткой, по праздникам бездельничает, ест с видимым удовольствием, не извиняется, неправильно набрав номер по телефону, прощаясь, долго разговаривает в дверях, не соблюдает очереди, судачит о знакомых в обществе, преувеличивает размеры несчастья (тогда как англичанин сводит всё к пустяку), говорит о преступлении до вынесения приговора, хранит родину в сердце, но капитал — за границей» (Оссовская 1987: 154).

² Бретон Андре (1896–1966) — французский писатель, теоретик и один из основоположников сюрреализма.

³ Бенжамен Пере (1899–1959) — французский писатель-сюрреалист.

Жак Преве¹. Укажите основные различия в сношениях с англичанкой и с французенкой.

Т. Ф. (инициалы дяди. — С. Г.). Да я только вчера приехал во Францию.

Жак Преве. Вы фригидны? Ну-ну, не обижайтесь. Я ведь шучу.

Т. Ф. Давайте я вам расскажу, каким мечтаньям я по молодости предавался; может, мое сообщение вам и пригодится.

Фернан Бальдансперже². Мечтанья были об ослух?

Т. Ф. Нет. Но на нашей улице жили сестры-двойняшки.

Фернан Бальдансперже. Вам хотелось вступить в половые сношения с обеими одновременно?

Раймон Кено³. Сколько им было лет? Еще девочки?

Пьер Юник⁴. Лесбиянки вас возбуждают? Вам нравится смотреть, как женщины ласкают друг друга?

Андре Бретон. Пожалуйста, господа, дайте высказаться нашему гостю. Мы, конечно, сюрреалисты, но это уже просто хаос.

Т. Ф. Я часто засматривался на этих двойняшек, с виду совершенно одинаковых, и думал: интересно, как далеко простирается их сходство?

Андре Бретон. То есть вас занимало, как, вступив в половые сношения с одной из них, вы могли бы удостовериться, что это она, а не ее сестра?

Т. Ф. Вот-вот. Поначалу именно эта мысль мне не давала покоя. А потом возник и другой вопрос. Что, если бы нашлось двое людей, вернее, две женщины, которые в своих...

Андре Бретон. В своих сексуальных проявлениях...

Т. Ф. ...в своих сексуальных проявлениях были бы абсолютно одинаковыми, но во всех других отношениях — совершенно различными?

Пьер Юник. Эротически идентичны, хотя в бытовом плане диспаратные индивиды.

Андре Бретон. Абсолютно точно. Чрезвычайно ценное сообщение.

Жак Преве. С французенкой, стало быть, вы еще не переспали?

Т. Ф. Говорю вам, я только вчера приехал (Там же: 60–61).

Назавтра Т. Ф. сообщили, что вся компания делает ему «сюрреалистический подарок». Они хотят, чтобы дядя принял участие в эксперименте. Молодые люди желают выяснить, отличаются ли сношения с французенкой от сношения с англичанкой.

¹ Жак Преве (1900–1977) — французский поэт и сценарист, в начале творческого пути был близок к сюрреалистам.

² Фернан Бальдансперже (1871–1958) — французский литературовед.

³ Раймон Кено (1903–1976) — французский писатель.

⁴ Пьер Юник (1909–1945) — французский поэт, киносценарист и журналист, в юности примкнул к сюрреалистам.

«Давайте-ка начистоту, — говорю я гостю (продолжает дядя. — С. Г.). — Вы хотите, чтобы я часика два провел с француженкой, а на следующий день пришел к вам и доложил свои впечатления?» — «Нет, — отвечает Щеголь (француз, который привел его на заседание сюрреалистов. — С. Г.), — не на следующий день, а через день. На следующий день мы заказали вам в тот же номер другую девочку». — «Щедро, — говорю я, — две француженки по цене одной». — «Не совсем так, — замечает он, — одна из девочек — англичанка. И вам надо отгадать, кто из них кто». — «Ну, это я сразу отгадаю, как только скажу “бонжур” да взгляну на них». — «Именно поэтому, — говорит он, — вам не разрешается ни говорить “бонжур”, ни смотреть на них. К вашему приходу я уже буду в номере: первым долгом завяжу вам глаза, а потом сам введу девочку. Повязку с глаз можно будет снять, только когда девица, уходя, хлопнет дверью. Как вам наше предложение?» <...> — «Идет, — говорю, — согласен» (Там же: 64—65).

На следующий день англичанин отправился в гостиницу.

Щеголь был уже там — завязал ему глаза шарфом на двойной узел, взял с него честное слово англичанина не подглядывать и вышел из комнаты. Минуты две спустя послышался скрип отворяемой двери. О своих дальнейших похождениях дядя так рассказывает племяннику.

— А потом настал второй день. Всё повторилось снова. <...>

— Ну и как?.. (спросил племянник. — С. Г.)

— Как? — тихо отозвался дядя. — Вот так. <...>

— Значит, ты все-таки догадался...

— Догадался о чем? — рассеянно переспросил он <...>.

— Уж мне-то ты можешь сказать, дядя, им же ты ведь сказал.

— Им?

— Той компании. <...>

— Н-да, разумеется, слово англичанина — закон, кроме разве тех случаев, когда его нарушают. <...> я давно взял себе за правило: о своих дамах не судачить. Поэтому на следующий день я сел в поезд, потом на пароход — и домой (Там же: 65—66).

Завершая дядино повествование, автор, как бы невзначай, прибегает к следующей аналогии. К любителям дегустации алкогольных напитков приехала знаменитая специалистка по винам и рассказала одну курьезную вещь:

Если взять большую бутылку вина объемом в две квартиры, разлить содержимое в две бутылки и провести дегустацию вслепую, то, по экспериментальным данным, даже самые изощренные знатоки крайне редко догадываются, что на самом деле в этих двух бутылках одно и то же вино. Участники дегустации ведь полагают, что им подадут непре-

менно разные вина, и вкусовые ощущения обычно это подтверждают. Очень показательный эксперимент, заметила специалистка, и сбоек почти не бывает (Там же: 67).

Так получен ответ. Ни англичанку от француженки, ни якутку от русской невозможно отличить в безликих рекреационных (мало этнически окрашенных) отношениях, при условии, что они лишены вербальных и визуальных контактов с партнером. И еще, поскольку в этих отношениях соучастники мало различимы, да и «расслабление» такого не требует, то в рекреационном стандарте их количество большее (по моим данным, от 3 до 5 независимо от пола), чем в представленных выше типах.

Четвертый стандарт — *познавательный*. Здесь, как правило, отсутствует *однозначная* (позитивная или негативная) оценка возможности сексуальных контактов вне границ брака; ведущий мотив — *любопытство*, а партнер — по преимуществу *приятельница/приятель* одной возрастной когорты. Такого рода связи присущи в большей степени тинэйджерам (в диапазоне 12—20 лет), у которых контакты редко основываются на избирательности, являясь скорее, с одной стороны, проявлением вуайеризма, с другой — средством утверждения своей взрослости: «Я уже всё про это знаю». Вот удивительный по наивности и одновременно яркости диалог подростков из романа Г. Свифта, иллюстрирующий спонтанность прорыва накопившейся информационной неопределенности. Мальчик попросил подружку:

«Покажи мне свою дырочку...». Она сказала: «Нет». <...> А я ответил: «Гляди, схлопочешь». И она: «Только если ты тоже покажешь».

Я ответил: «У меня не дырочка, а пруттик».

«Там тоже должна быть дырочка, разве нет? — сказала она. Я промолчал, и тогда она сказала: Ну?»

Лицо у нее было совсем взрослое, серьезное. Я подумал: она и на девочку-то не похожа, она как женщина, у которой свои мысли.

И я задрал штанину своих шорт, быстро, всего на полсекунды, но она сказала: «Еще». Точно скомандовала. Посмотрела, а потом взяла его рукой. Взяла и пощупала, словно пришла в магазин и выбирает помидор и еще какой-нибудь овощ <...>.

И тогда я <...> ударил ее. Не лапай, пока не купила» (Свифт 1998: 148).

Пятый стандарт — *релаксационный*. (Практически на том же эмоционально-нравственном уровне — максимально отчужден-

ном — находится и проституция, которую, правда, отличают предваряющие условия: купля-продажа *тела*. И самое важное, проституция имманентна патриархальной цивилизации, релаксация же, по-видимому, — постоянный спутник человечества.) Юноши и девушки, вовлеченные в такие контакты вопреки своим моральным установкам (нелегитимные сексуальные связи ими по преимуществу осуждаются), эмоционально *индифферентны*, у них не сформирована избирательность (партнеры как *замужние/женатые*, так и *незамужние/холостые* во всех случаях *старше по возрасту и гетерогенны* по социально-культурному статусу), примитивна шкала побудительных мотивов сближения — от *любопытства до соблазнения и случайности*. Индивиды, придерживающиеся релаксационного стандарта, используют разветвленные, но малоустойчивые сети (network), и поэтому, что вполне естественно, деятельность партнеров в других сферах остается вне пределов их интереса. Надо ли удивляться *частой* сменяемостью объекта похоти? Без всяких претензий замечу: в обсуждаемом типе отношений с наибольшей пронзительностью высвечивается близость практик гетеро- и гомосексуалов¹. «Разрядка» последних, к примеру, довольно часто происходит в общественных туалетах (см.: Кон 1998): орогенитально, быстро в темноте, чтобы не быть застигнутым *in medio coitu*. Релаксационные связи, образно говоря, «пандемоничны» (см.: Платон 1970: 106–107).

Будучи социологом, не стану множить спор по поводу этиологии гомосексуализма, скажу лишь следующее. Гомосексуализм (в обеих своих разновидностях) — природная аномалия. Поэтому гомогенные браки — нонсенс. В обсуждаемом случае сексуальность не столько автономна от прокреации, сколько от нее полностью независима. Даже английский парламент, который может всё, не в состоянии обязать мужчин рожать детей. Иное дело — лесбиянки; они, как показывает опыт, по большей части

¹ В 1971 г. каждый седьмой немецкий гомосексуал («швуле») имел свыше 600 партнеров. В 1981 г. половина гомосексуальных студентов за год сменила не менее пятерых партнеров, тогда как среди гетеросексуальных с такой скоростью меняли партнеров только 5% студентов. В США среднее количество партнеров гомосексуалов за всю жизнь пятьдесят, тогда как у гетеросексуалов среднее количество партнерш четыре. Это среднее, но 43% гомосексуалов в 70-е гг. (до эпидемии СПИД'а) показали, что имели более 500 партнеров (см.: Клейн 2000: 78).

бисексуальны: прерывают на время (или навсегда) гомогенную связь и рожают детей. В отличие от прокреационного процесса, решать вопрос, с индивидом какого пола вступать в сексуальные отношения, без оглядки на общественное мнение — уполномочен сам актер.

В заключение не уйти от вопроса: обогатились ли наши знания о сексуальных стилях и механизмах эротической регуляции в результате применения типологического анализа? Ответ скорее положительный. Во-первых, что касается поиска сексуальной нормы, то переход от традиционного критерия (дихотомия: брак — не брак) к релятивистскому (континуум: уровень духовно-эмоциональной вовлеченности) позволил насытить пейзаж — бинарность сменилась полифонизмом, наполнилось всё интерактивное пространство. Во-вторых, повседневные практики представлены теперь не в виде отдельных фрагментов (начало вступления в сексуальные связи, количество партнеров, мотивы и т. п.), а сочетанием значимых элементов, в совокупности составляющих оригинальные эротические сценарии. В-третьих, приоткрылась возможность сопоставить во времени изменение баланса тех или иных стандартов, и, следовательно, воспроизвести целокупную картину нравов того или иного исторического периода как в отдельно взятой стране, так и в межкультурном разрезе (см. рис. 4).

Рис. 4. Соотношение сексуальных типов (сценариев) студентов, опрошенных в Ленинграде (Санкт-Петербурге) в 1965 и 1995 гг.

Сравнение эротических стилей, вскрытых в середине 60-х и 90-х годов в мегаполисе, может вызвать недоумение. Кое-кто может задаться вопросом: не противоречит ли рост числа молодых людей (особенно девушек), вовлекаемых в нелегитимные сексуальные связи, снижение порога эротического дебю-

та и т. п. расширению зоны, как это следует из рисунка, качественно богатых отношений («любви» и «гедонизма» 35% в 1965 г. до 65% в 1995 г.)? Постараюсь развеять эти сомнения. Но прежде чем приступить к непосредственному обсуждению, оговорю одно обстоятельство. Я веду речь о молодежи вообще, в то время как трансформация сексуальных сценариев рассмотрена исключительно на студенческих выборках. К сожалению, другие опросные свидетельства по 60-м годам отсутствуют. Об этом необходимо помнить, экстраполируя выводы на всю генеральную совокупность.

При первом же взгляде на диаграмму бросается в глаза симметричность расположения в 1965 году «духовных» и «телесных» эротических сценариев относительно «рекреационного» и их скошенность в сторону «личностных» взаимодействий в 1995-м. Дальнейшее сравнение сценариев по двум хронологическим точкам наблюдения выявляет наибольшие изменения (причем в противоположных направлениях) в «любовном» и «релаксационном» типах. Случайна ли отмеченная разнонаправленность тенденций? Уверен — нет. Резкое возрастание удельного веса первого (при некотором повышении значимости и гедонизма) и столь же активное снижение роли второго из стилей (напомню, духовно индифферентного), по всей видимости, свидетельствует не просто о некоем гипотетическом предположении об автономии сексуальности от прокреации, но и о реальной фиксации многоцветия указанных практик (с акцентом на одухотворенность) в промежутке между серединой 60-х и 90-х годов (начало этим тенденциям, как уже утверждалось, было положено где-то в середине 70-х гг.). Попросту говоря, и Россия вступила в полосу современной сексуальной революции со всеми ее плюсами и минусами. К слову, когда я впервые в 70-е годы высказал в рижском журнале (а здесь была наиболее либеральная цензура на всем пространстве Союза) идею о зарождении сексуальной революции в России, то, как выразился редактор: «Все положительные стороны этого феномена в последнюю минуту вылетели в форточку» (Голод 1976).

Тенденции моральной перmissивности к нелегитимным молодежным сексуальным отношениям часто сопрягаются с кризисом иудео-христианского кодекса. Вместе с тем, если быть до конца последовательным, то нельзя не заметить, что

моральная ригидность¹ относительно «блуда» сложилась еще во времена европейского язычества — в эллинскую пору. Сошлюсь в очередной раз на Плутарха, который, по словам А. Лосева, «пишет всегда интересно, а часто даже глубоко, часто забавно и смешливо, почти всегда игриво и остроумно, всегда многознающе и даже учено, всегда с расчетом заинтересовать, увлечь и даже переделать читателя». Легко удостовериться в справедливости этих слов, если обратимся хотя бы к следующему пассажи, запечатленному в диалоге об Эроте. «<...> подобно тому, как влагаемое в нас природой влечение к хлебу и другой пище ограничено мерой достаточности, а излишество в этом получает название <...> чревоугодия, так женщина и мужчина от природы нуждаются в даваемом ими друг другу удовлетворении, но если ведущее к этому влечение достигает такой силы, что становится яростным и неудержимым, то не подобает давать ему имя Эрота. <...> В этом смысл ответа, который был дан Аристиппом человеку, жаловавшемуся, что Лаида его не любит. “Я знаю, — сказал Аристипп, — что вино и рыба меня не любят, и, однако, я с удовольствием пользуюсь тем и другим”. Ведь цель желания — наслаждение и удовлетворение. А Эрот, утратив ожидание дружбы, не желает оставаться прежним и ублажать цветущую молодость, раз она не воздает ему душевным расположением, основанием для дружбы и добродетели» (Плутарх 1983: 30, 547).

Христианство, особенно начиная со средневековья, скрупулезно расписало, унифицировало сценарии взаимоотношения полов, доведя их в конечном счете до абсурда. И только с середины XX века эротический плюрализм обрел благоприятную почву.

¹ Ригидность — затрудненность в изменении намеченной программы деятельности в условиях, объективно требующих ее (морали) перестройки.

Глава 7

ЭРОТИКА И СУБКУЛЬТУРНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ПОЛОВ

Давно подмечено, что когда сравнивается мужское и женское, язык тонко дифференцирует сильное от слабого, твердое от мягкого, грубое от нежного. К примеру, даяки Борнео говорят о сильном ливне: «Этот дождь-мужчина!» (Тайлор 1989: 140). Не будем заблуждаться: одно дело уловить красивый и сочный факт, другое, — основываясь на обширном эмпирическом материале, обосновать на первый взгляд тривиальное положение о субкультурной специфике полов.

До сих пор отсутствует сколько-нибудь разработанная концепция на сей счет, в то время как предрассудков, связанных с полом, на удивление много. В вопросе о типичном и неизменном в характеристике мужчин и женщин, в их темпераменте, способностях, побуждениях и ценностях бытуют, и весьма широко, непоколебимые стереотипы. Вот что записал о мужчинах в свой дневник накануне операции по перемене пола один интерсексуал: «Мне предлагают сменить пол. Это ужасно! Ведь я вынуждена буду на равных общаться с этими грубыми, черствыми существами, которые не могут понять даже слезы другого человека». После смены пола с женского на мужской то же лицо, через полгода, предстает в другом свете: «Я не хочу больше общаться с женщинами. Мне противны их условия, чуть что — они начинают пускать слезы, не могут постоять за себя, болтливы и наивны» (см.: Белкин 1979: 22). Столь же шаблонны и представления о глубине и направленности интересов каждого из полов. «Мужчина тянется к женщине, — иронически замечает философ, — как к празднику, феерии, исступлению, сокрушающему монотонность бытия, а обнаруживает в ней существо, счастье

которого составляют повседневные занятия, чинит ли она нижнее белье или посещает dancing» (Ортега-и-Гассет 1991: 171–172).

Сегодня вряд ли кто станет безапелляционно отрицать генетическое и психофизическое своеобразие полов. Позволю себе лишь несколько штрихов. Начну с изящной гипотезы В.А. Геодакяна. Согласно его видению, самовоспроизводство любой биологической системы включает в себя две противоположные тенденции: наследственность — консервативный фактор и изменчивость, способствующую возникновению новых признаков. В филогенетических процессах особи мужского пола принимают на себя столкновение с изменяющимися условиями существования и в этом столкновении формируют новые генетические признаки. Такая функция предполагает выраженную онтологенетическую ригидность, которая создает своеобразный фильтр для дифференциации средовых влияний на значимые и незначимые во избежание хаотических изменений генетических программ под действием случайных факторов. Из этого сочетания филогенетической пластичности и онтогенетической ригидности при тесном информационном контакте со средой закономерно следует более высокая уязвимость самцов. В филогенезе женский пол обеспечивает сохранение и неизменность приобретаемых в эволюции качеств, играет роль консервации наследственности, охраны генофонда. Эта филогенетическая ригидность обеспечивается высокой онтогенетической пластичностью, которая вместе с менее тесным информационным средовым контактом предполагает меньшую уязвимость самок (см.: Геодакян 1965: 105–112). Следуя этим принципиальным положениям, автор объясняет ряд биологических половых различий, например, повышенную смертность мужских особей по сравнению с женскими. Несмотря на множество примеров из мира животных, подтверждающих справедливость гипотезы Геодакяна, требуется большая осторожность при переносе выявленных тенденций на человека.

Не менее правдоподобно выглядят половые различия на психофизическом уровне. Известно, что еще во внутриутробном периоде отмечается неодинаковость скорости роста и развития организмов мальчиков и девочек. При рождении первые в среднем тяжелее вторых, в то время как у девочек лучше развит скелет. Нетождественны величина общей мышечной мас-

сы и силовых характеристик, константа роста и начало половой зрелости, общее количество крови и уровень гемоглобина и т. д. Не осталось вне поля внимания исследователей, по словам Д.Н. Исаева и В.Е. Кагана, парное функционирование полушарий у мужчин и женщин. Практически всеми признается, что полушария у мужчин функционируют более автономно и асимметрично, чем у женщин. Правое полушарие уже в эмбриогенезе более уязвимо, чем левое. Если учесть более высокую уязвимость мужского пола вообще, более позднюю специализацию правого полушария у девочек, то можно заключить, что преобладание у мальчиков минимальных мозговых дисфункций, гиперкинетического поведения, психомоторной нестабильности связано с половым диморфизмом (см.: Исаев, Каган 1988: 50).

Вместе с тем далеко не все согласны с принципиально различным социокультурным предназначением женщин и мужчин. В условиях жесткой зависимости актора от природы и социума эта асимметричность выглядела незамутненной: женщина отвечала за естественное воспроизводство поколений¹, мужчина — за культурное. Роль транслятора навыков и образцов, то есть собственно человеческого опыта, предопределяла господствующее положение мужчин в обществе. Глубина их претензий наглядно высвечивается в символическом присвоении прокреативной функции — куваде².

Социальный прогресс, особенно в своей научно-технической стадии, приведший к общественной и культурной эмансипации женщин, смягчил, но, разумеется, не ликвидировал половые различия. «Вплоть до XIX века, — писал Ж.-П. Сартр, — евреи, как и женщины, были лишены самостоятельности, и участвовать в политической и общественной жизни и они, и женщины начали недавно» (Сартр 1991: 155). Другими словами, открывшаяся возможность равновероятного овладения веером социальных ролей не привела к утрате «полового лица», однако способствовала индивидуализации как мужчин,

¹ Статус женщины в патриархальном мире лаконично и недвусмысленно выразила древнеримская поговорка «Qualis uterus, tatis femina» («Какова матка, такова и женщина»).

² Кувада (от *фр.* couvade — высиживание яиц) — обычай демонстрации отцом своей причастности к рождению ребенка, возникший в эпоху перехода от материнского к отцовскому счету родства.

так и женщин. По-видимому, именно последняя подпитывает движение женщин за мифическое равенство полов¹.

Размывание стереотипов маскулинности и фемининности, по моему мнению, наилучшим образом прослеживается в интимнейшей сфере взаимоотношения полов — эротической, которая, с одной стороны, природна, а с другой — предельно окультурена. Природная функция сексуальности — *прокреация*, и только человеку удалось преобразовать ее в самоценность — *эрос* и *любовь*. Не правда ли, невозможно представить себе самца, скажем, волка, дельфина или ворона, «ухаживающего» за особью своего же пола? Но не таков *Homo sapiens*!

Перейдем к конкретным анализам и начнем с клиники. Мужская сексуальность фаллоцентрична, ее кульминацией бывает интормиссия и эякуляция. Физиологическая сторона удовлетворения занимает ведущее место, стабильна и тесно спаяна с оргазмом. Согласно клиническим наблюдениям, мужская сексуальность по сравнению с женской выглядит более возбудимой, агрессивной и экстенсивной. Этот синдром убедительно раскрывает известный исторический анекдот. Рассказывают, что при посещении президентом США К. Кулиджем животноводческой фермы его супруга обратила внимание на необычайно активного племенного быка. «Ты права, дорогая, — согласился президент. — Но заметила ли ты, что он ни разу не покрыл вторично одну и ту же корову!» (цит. по: Кон 1988: 70).

Женская сексуальность диффузна, в ней участвует множество эрогенных зон. Сексуальные реакции женщин в большей мере зависят от общепсихологических, особенно эмоциональных факторов. В этом вопросе царит редкое единодушие среди сексопатологов. Так, по А.М. Свядошу, примерно у каждой четвертой женщины сексуальное чувство достигает полного разви-

¹ Мне близка мысль, высказанная в свое время А.Ф. Лосевым: «Иным непонятно, что половые члены есть нечто совершенно не сравнимое с прочими членами, хотя, в сущности, это ясно всякому точно так же, как и то что еврей совершенно ни с чем не сравнимая нация и женщина не сравнимое с мужчиной существо, хотя просветительский либерализм и долбит свой вырожденческий миф о всеобщем равенстве и равноправии» (Лосев 1990: 467). Приходится задуматься: случайно ли два далеких по мировосприятию философа сравнивают социальное положение женщин с нацией, которая на протяжении нескольких тысячелетий не имела самостоятельной территории и государственности и потому была вынуждена перманентно доказывать миру свое право на непохожесть.

тия где-то к 26–28 годам. Аноргазмию отметили у себя около 20% женщин (из 200 интервьюированных), состоящих в браке не менее трех лет. Напротив, среди мужчин (опрошено 482 человека), живших половой жизнью, не зафиксировано ни одного случая отсутствия сексуального удовлетворения (см.: Свядош 1967: 119–120)¹. В том же духе интерпретирует свои наблюдения С.С. Либих. Для достижения адаптации женщине, считает он, требуется, как правило, от года до трех лет. В течение этого периода происходит эмоциональное «узнавание», идентификация образа и эталона партнера. На женщину, безусловно, оказывает тормозящее влияние психоэмоциональная неподготовленность к тем или иным ласкам или осознание нужности мужчине исключительно для релаксации. Агрессивность, грубость мужчины или его неопытность, нарушение ожидания определенной ласки способны привести к межличностным конфликтам и закончиться для женщины неврозом навязчивых состояний, истерией и вагинизмом (см.: Либих 1982: 6–12).

Эротическое переживание женщины развернуто представлено И. Ботневой. Вопреки кажущейся устойчивости полового функционирования женщины, считает клиницист, в действительности ее сексуальность отличается повышенной избирательностью и большей хрупкостью в самых интимных механизмах. Наслаждение как по глубине, так и по тональности широко варьируется (даже у одной и той же особи в зависимости от временных, ситуативных факторов, отношения к партнеру и т. п.), связь между удовлетворением от сексуальной близости и оргазмом носит факультативный и рыхлый характер. Специалистам известно, что у животных самки во время коитуса более отвлекаемы, чем самцы. К примеру, кошка прерывает половой акт и устремляется за мышью, а кот не обращает никакого внимания на последнюю. Нечто подобное присуще и миру человека. Наступление оргазма у женщин (в отличие от мужчин) легко тормозится даже внешними обстоятельствами (присутствием посторонних лиц, различными шумами, неуверенностью партнера и др.), не говоря уже о душевных коллизиях. С другой

¹ Не обойду стороной одну важную деталь. В 60-е гг. даже профессионалы испытывали (скорее бессознательно) прессинг традиции: сексуальная жизнь женщин сопрягалась у них с браком, в то время как мужская оценивалась как явление самоценное.

стороны, и имитирует она сладострастие без особого напряжения (см.: Ботнева 1977: 168–174).

Всякому знакомому с классическими текстами не составит труда мысленно нарисовать картину сексуальной близости женщины с эмоционально индифферентным партнером. Мой вариант, навеянный новеллой Апулея о жене бондаря, таков: пара, опираясь на тумбочку с телефоном, совершает акт (он в позиции сзади). Раздается звонок. Трубку снимает женщина и спонтанно вовлекается в обсуждение покупок с подругой. Мужчина, не прерывая фрикций, высказывает глухое недовольство. Партнерша, обращая к нему, язвительно замечает: «Дорогой, не мешай, пожалуйста!»

Уверен, что описанные различия в сексуальности мужчин и женщин говорят сами за себя. Остается лишь добавить: гармонизация экспрессивных потребностей даже на природном уровне требует от партнеров значительных усилий по переводу сексуальности в эротизм.

Не будем преувеличивать, клиника улавливает в основном природную специфику полов. Культурные же различия проявляются репрезентативными опросами населения, интервьюированием экспертов и прямыми наблюдениями, приподнимающими завесу над повседневными реалиями сексуальных практик широкого круга лиц. Отсутствие эмпирических данных — благоприятная почва для фантазии и мифотворчества. Ограничусь примером, который, хотя и принадлежит истории, ярко подтверждает эту мысль. «Есть какое-то тайное, невыразимое, никем еще не исследованное не только соотношение, но полное тождество между *типичными качествами* у обоих полов их половых лиц (детородных органов) с их душой в ее *идеале, завершении*, — замечает В. Розанов. — И слова о «слиянии душ» в супружестве, то есть в половом сопряжении, верны до потрясающей глубины. Действительно, «души сливаются» у особой, когда они сопряжены в органах! Но до чего противоположны (и от этого дополняют друг друга) эти души! Мужская душа в идеале — *твердая, прямая, крепкая, наступающая, движущаяся вперед, напиральная, преодолевающая*; но между тем ведь это всё — почти словесная фотография того, что стыдливо мужчина закрывает рукой!.. Перейдем к женщине: идеал ее характера, поведения, жизни и вообще всего очерка души — *нежность, мягкость, податливость, уступчивость*. Но это только названия качеств ее дето-

родного органа. <...> Каковы души, таковы и органы!» (Розанов 1990: 33–34).

Трудно не поддаваться натиску и поэтичности повествователя. И всё же, если «половые лица» описаны с натуралистической достоверностью, то с душами не всё столь просто. Мягкость и податливость женской души — это скорее патриархализированное ожидание, чем реальность. Согласимся, встречаются женщины мазохистского типа (речь идет не о парафилии¹, а об ориентации обычного влечения) — покорные, подчиняемые, влекомые к властным, грубым, агрессивным мужчинам. В ласках они предпочитают испытывать боль, унижение, подчиненность. В их сексуальных фантазиях и сновидениях нередки сюжеты насилия, погони, овладения. Однако нужно ли специально доказывать, что в не меньшей степени распространены и женщины-амазонки. Они выражают свою заинтересованность мужчиной психоэмоциональной (ирония, насмешка, язвительность), а затем физической агрессией (причиняя на грани садизма боль в ласках и половом акте, покусывании, «вампиризме», испытывая возбуждение при виде крови, синяков), предпочитают командовать, хотя бы символически унижать мужчину, возбуждать в нем ревность и т. д. И этими образцами женское разнообразие далеко не исчерпывается (см.: КС 1998: 34). По аналогии можно сконструировать и множество мужских сексуальных типов.

В обыденном сознании сексуальная дифференциация полов — если иметь в виду идеальный маскулинный и фемининный стереотип — представляется прозрачной и незабываемой: для мужчин характерен «относительно ранний дебют», «активность», «эмоциональная экстенсивность», «частая сменяемость партнерш» и «редуцированность». Женский стереотип сексуальности ассоциируется с «относительно поздним дебютом», «пассивностью», «избирательностью», «малой сменяемостью партнеров», «экспрессивностью» и «духовностью». Вектор и стабильность традиционных представлений я предполагаю верифицировать главным образом собственными эмпирическими данными.

Важные отличия фиксируются уже на пороге полового созревания. У девочек с 12–13 лет пробуждается интерес к эротике, у

¹ Парафилия — параллельная форма сексуального поведения.

мальчиков в пубертате зарождается собственно сексуальная потребность. На мою просьбу вспомнить, сопровождалось ли половое созревание обострением интереса к сексуальности, положительно ответили почти в половину больше студентов, чем студентов (в 1965 г. 59% против 35%, в 1972 г. 64% против 39%). Судя по имеющимся наблюдениям от А. Кинзи до А. Бежена, юноши активнее реализуют свою эмоциональную потребность, мастурбируя; а девушки — обращаясь к петтингу¹. По свидетельству Г. Васильченко, мастурбантов больше среди сексуально здоровых и, наоборот, никогда не мастурбировавшие преобладают среди мужчин с тяжелыми расстройствами потенции.

Нетрудно предположить несовпадение у юношей и девушек мотивов, сдерживающих от сексуального дебюта. Так, у студентов (независимо от года опроса) главные мотивы — «моральные соображения» (в пределах 65%–70%) и «сексуальная индифферентность» к генитальной близости (от 25% до 46%); у студентов — «отсутствие случая реализовать эротическую потребность» (от 44% до 65%) и «моральные соображения» (от 38% до 48%)². Если пренебречь несущественными количественными нюансами, то и в среде рабочих-мигрантов явственно прорисовываются тождественные различия. А именно: женщины ссылаются на «мораль» (68%), «боязнь последствий» (24%) и «отсутствие сексуальной потребности» (18%); мужчины — «мораль» (55%), «страх заражения болезнями, приобретаемыми половым путем» и «отсутствие случая» (по 17%). В известной мере указание на отсутствие благоприятной ситуации (а у рабочих — и на фантом заразы) как на сдерживающие основания раскрывает необязательность экспрессивного и интимного компонентов в мужской сексуальности по меньшей мере в молодом возрасте.

¹ Вот лишь несколько образцов из огромного набора девичьих свидетельств, собранных С. Борисовым при помощи нарративных интервью в Курганской области. «В 5–6 классах <...> мальчики стали приставать к девочкам, поднимали подола юбок или шлепали по попе. Девчонки ходили около парней, стараясь руками придержать подол юбки»; «Саму меня парни не зажимали никогда — знали, что я могу двинуть. А может быть, я думаю сейчас, что не зажимали из-за того, что я была худой-худой в школе. <...> Зажимали у нас обычно девчонок, которые начинали созревать физически раньше <...>» (Борисов 2000: 87).

² Опрос допускал один или два ответа.

Субкультурное своеобразие полов рельефнее демонстрируется в актуальном поведении. Опросы свидетельствуют: мужчины, как правило, раньше и активнее женщин вовлекаются в сексуальные практики (особенно вагинальную и мастурбационную). Вместе с тем, в последние десятилетия поведение девушек менялось интенсивнее, чем поведение юношей. Как уже отмечалось, если, согласно данным, в 1965 году в нелегитимные сексуальные связи были вовлечены 80% мужчин и 38% женщин, то в 1972 году это соотношение составляло 78% к 45%, а в конце 70-х — начале 80-х годов — 84% к 61% (воссоздано на основе ретроспективного опроса). К середине 90-х годов доля женщин, указавших на наличие нелегитимных сексуальных практик, сравнялась с мужской и составила 80%. Следовательно, в течение анализируемого периода вовлеченность незамужних женщин в сексуальные отношения возросла более чем вдвое¹. Одновременно произошло снижение возраста девиczego сексуального дебюта. К примеру, в 1965 и 1972 годах студентки чаще всего (53%) впервые вступали в сексуальную связь в возрасте от 19 лет до 21 года; в начале 80-х годов обозначенная группа несколько уменьшилась (на 7 пунктов), и всё же оставалась по-прежнему наиболее представительной. В следующие десять лет ее удельный вес продолжал снижаться (вплоть до 27%): дебютная модальность сдвинулась к 16–18-летним (до 42%).

Однако, несмотря на меняющийся акцент активности, молодые люди продолжают доминировать в наиболее ранних возрастных когортах. Среди рабочих до 16 лет сексуальную практику начали 17% юношей и менее 2% девушек (1974 г.), у студентов (1995 г.) это соотношение 12,4% против 6,8%, в обшпетербургской выборке (1998 г.) — 18,8% к 2,4%, а в Туле (1999 г.) — 13,5% к 1,7%. Обнаруженная эмпирическая закономерность вполне поддается интерпретации. Раннее вступление мужчин в генитальные контакты в немалой степени пре-

¹ В одном из обзоров сексуального поведения, основанного на материалах ВЦИОМ (1993 г., опрошено 1655 чел.), утверждается: «добрачная» сексуальность воспринимается женщинами как «подготовительная стадия», «репетиция» основной роли — «семейно-материнской». Исключением из общего правила «являются молодые, чаще всего незамужние женщины», для которых сексуальность превратилась в «самодостаточную, автономную сферу человеческого взаимодействия» (Бочарова 1994: 102).

допределено их физиологией, а рост вовлеченности женщин, особенно в промежутке между 16 и 18 годами в большей мере сопряжен с эротическим созреванием.

Сближение возраста сексуальных практик мужчин и женщин при одновременном сохранении их специфичности недвусмысленно подтверждается набором основных дебютных мотивов. Зафиксирован интересный феномен последнего десятилетия — в эротических отношениях оба пола стремятся реализовать в первую очередь (по меньшей мере, им так представляется) *любое чувство*: студентки — 47,6%, студенты — 34,3%. Дальнейшая последовательность и удельные нагрузки побуждений уже разнятся: у женщин — «любопытство» (15,1%) и «сексуальная страсть» (11,1%); у мужчин — «сексуальная страсть» (30,8%) и «любопытство» (10,9%). Аналогичные результаты получены в общегородских выборках Санкт-Петербурга и Тулы. В мегаполисе мотивы распределились следующим образом: у женщин — «любовь» (63,6%), «любопытство» (13,4%) и «боязнь потерять любимого» (9,2%); у мужчин — «любовь» (44,7%), «сексуальная страсть» (23,4%) и «любопытство» (14,7%); в провинциальном центре — у женщин: «любовь» (56,3%) и «любопытство» (14,7%), «боязнь потерять любимого» (7,4%); у мужчин — «любовь» (45,3%), «сексуальная страсть» (25,9%) и «любопытство» (14,7%).

Вписывается в традиционную схему и уровень психоэмоциональной удовлетворенности женщин и мужчин от сексуального дебюта. На прямой вопрос: «Какие эмоциональные впечатления оставили у Вас первые сексуальные контакты?» — почти 59% тулячек затруднились дать определенный ответ, 5,6% ощутили «неприязнь», 10,4% — «безразличие» и только 8,7% — «душевный подъем»; туляки отреагировали, естественно, по-иному: соответственно 29,4%, 1,2%, 1,8% и 22,4%. В Санкт-Петербурге опросы дали в целом близкие соотношения: женщины в своем большинстве (49%) затруднились однозначно оценить свое ощущение, 8,9% высказали «неприязнь», 14,9% — «безразличие» и 7,3% ощутили «душевный подъем»; у петербуржцев доли соотношены так: 32,5%, 1,6%, 4,4% и 28,4%.

Один из имманентных показателей стереотипа «маскулинности» — безоговорочное ожидание от мужчины инициативы в реализации сексуального дебюта. Именно здесь исследователя подстерегает неожиданность — «надлом» (пока не более того) этой культурной нормы. В самом деле, 71% пе-

тербуржцев приписывают обозначенную инициативу себе, вместе с тем каждый четвертый (!) акцентирует активность партнерши; в свою очередь, около 5% петербурженки признают свою инициативу в «потере» девственности, и всё же в 90 случаях из 100 пальму первенства они отдают партнеру. Направленность (да и удельный вес) в принципе полностью повторяется в тульской выборке. Вот где простор для феминистской деятельности: поле вспахано, но не засеяно.

Дебют и мотивы вступления в сексуальную связь, несомненно, важные составляющие приватного стиля жизни полов. Для его (приватного стиля) характеристики столь же показателен, если не больше, тип общения, к рассмотрению которого мы и перейдем (см. табл. 8).

Табл. 8. Тип сексуальной связи в сопоставлении с полом респондента* (в %)

Тип партнера	Пол партнера	
	мужской	женский
Постоянный	30,9	79,5
Случайный	29,5	10,9
Параллельно оба	39,6	9,4

* Выборка рабочих, середина 70-х годов

В общем и целом, статистические данные не подрывают исторически закрепившиеся стереотипы. Обратимся к обсуждению удельного веса отдельно по колонкам.

У мужчин, нетрудно заметить, варианты отношений представлены более или менее равномерно. Правда, выделяются, условно говоря, маргиналы — лица, состоящие одновременно в двух разнохарактерных нелегитимных связях¹. При этом ответить, какой из контактов базовый, а какой — дополнительный, с ходу затруднительно. Попробуем подойти к проблеме не столь прямолинейно: методом исключения однопорядковых статусов.

Молодых людей, ограничивших сексуальное общение единственной женщиной, очевидно, можно отнести к числу реализо-

¹ Во французском опросе начала 1990-х гг. установлено: 10% мужчин против 2% женщин имели сексуальные сношения одновременно с двумя и более партнерами (см.: Vozon 1993: 130).

вавших, по меньшей мере на данный момент, свою эротическую потребность или/и выбравших потенциальную супругу.

Иной смысл скрывается за актуализацией случайных контактов. Что подталкивает юношей к этому? По-видимому, неспособность самоутвердиться другим образом или неумение преодолеть гиперсексуальность (скажем, мастурбируя). Отсюда концентрация всех помыслов на вагинальной релаксации. Само по себе наличие «бездуховных» связей не должно удивлять, поражает массовость. Чем же она предопределена? В общем плане ответ прост: отсутствием избирательности в самой, казалось бы, личностной сфере человеческой жизни; здесь женщина не воспринимается как субъект отношений («Другой»), ее экзистенциальный мир остается чуждым, невостребованным. Она превращается в инертный объект — фетиш¹.

Что касается третьего варианта партнерства, то мужчины, придерживающиеся его, с одной стороны, не склонны сводить сексуальность исключительно к релаксации, а с другой — оказываются несостоятельными в гармонизации материально-телесного «низа» и духовного «верха». Их сексуальная практика амбивалентна, протекает в противоборстве секса и эроса, секса и любви. Попытка занять однозначную позицию, преодолеть дуализм не приводит, в своем большинстве, к желаемому; в результате — фрустрация.

Столь же коротко поговорим о практиках девушек. Впечатление от соотношения в опросах удельного веса двойственно. С

¹ Понятие «фетишизм» введено в научный обиход в 1887 г. Альфредом Бине (1857–1911) в статье «Фетишизм в любви», опубликованной в двух номерах «Философского обозрения». Сегодня дефиниции «фетишизм» и «фетишист» входят в словарь описания сексуальной жизни. К фетишистам относят две категории людей — «малые» и «истинные», последняя квалифицируется как парафилия, а не как перверсия. Опираясь на собственные наблюдения, труды по психиатрии и философии, французский психолог попытался ухватить суть этого феномена. При этом он обращал особое внимание на индивидуальную историю фетишистов, а не на развитие их перверсий. Бине предпочитал делать акцент на удовольствии, нежели на страдании, на субъективных переживаниях, а не на поведении.

Субъект фетишизма — чаще мужчина (но встречаются и женщины), которому для *сексуального возбуждения* необходимо смотреть, чувствовать, слушать, прикасаться или воображать *свой* фетиш.

Показательно: за десятилетия, прошедшие после смерти Бине, по сути, не было выдвинуто сколько-нибудь оригинальных дополнений к его концепции сексуального фетишизма (см.: Benet 2001: 7–26).

одной стороны, подавляющее большинство девушек предпочитает нелегитимные сексуальные отношения с постоянным партнером. С этим фактом массовое сознание уже свыклось. С другой, — о чем стали говорить в открытую только с середины 80-х годов, — каждая десятая девушка вступает в эротические связи со случайным знакомым¹. И всё же наибольший удар по блюстителям «фемининной чистоты» наносят женщины, которые, имея постоянного партнера, не отказываются время от времени от параллельного сексуального контакта со случайным мужчиной.

Эмоционально две последние модели поведения могут восприниматься по-разному, но для нас важно выявить их подоплеку. Если за одно из объяснений случайных контактов признать трудности установления стабильных отношений, то резонно задать вопрос: почему молодые женщины идут на случайные связи, имея постоянного неформального партнера? Невольно закрадывается сомнение — не идеализирован ли стереотип, сопрягающий женскую сексуальность с избирательностью и экспрессивностью? Исчерпывающий ответ пытаемся получить путем анализа всего эротико-сексуального пути мужчин и женщин. Пока же ограничимся сопоставлением колонок табл. 8.

Итак, подавляющее число девушек имеют постоянного партнера по сексуальным практикам, среди юношей таких менее трети. Несмотря на то что мужчинам традиционно несравненно легче установить стабильные отношения, тем не менее случайных контактов у них в три раза больше, чем у женщин. Это может служить одним из подтверждений экстенсивности, малой вовлеченности «сильного пола» в эротическую деятельность.

Другое свидетельство — продолжительность ухаживания «дебютного» партнера. Здесь наблюдается четкая последовательность, воспроизводимая в обеих общегородских выборках, — минимальный временной отрезок от знакомства до вагинального контакта превалирует у мужчин и, наоборот, максимальный — у женщин². И в самом деле, одного дня знакомства было доста-

¹ По сведениям на середину 90-х гг., у 11% студенток дебют пришелся на контакт со случайно встреченным мужчиной. Более того, из тех, кто продолжил нелегитимную сексуальную практику, каждая четвертая предпочла опять-таки случайного партнера.

² Зададимся вопросом: с кем же теряли девственность мужчины? Неужели загадка? Нет, всё решается просто: скажем, в Санкт-Петербурге 15% мужчин и 3% женщин указали на «случайного» дебютного партнера, короче, человека из другой социальной страты.

точно для совершения первого в жизни сексуального контакта для 9% петербуржцев и 2% петербурженок, для жителей Тулы соответственно — 7% к 1%. Экспозиция меняется на противоположную у тех, кто продолжал ухаживать на протяжении шести месяцев. Такая продолжительность периода знакомства оказалось необходимой для перехода от петтинга к генитальной близости каждой третьей женщине и каждому четвертому мужчине, проживающим в Санкт-Петербурге, а в провинциальном центре — 23,8% и 17,6%.

В выборке студентов 1972 года 60% девушек против 20% юношей первый сексуальный опыт мотивировали «любовным влечением»; через 20 лет этот мотив выставляется в качестве побуждения уже меньшим числом девушек — 47% и, напротив, большим числом юношей — 34%. В начале 70-х годов у каждой третьей девушки дебютный партнер — «потенциальный» жених, а у 8% — «случайный» знакомый; у каждого третьего молодого человека — «случайная» знакомая, и только у 7% — «потенциальная» невеста; через два десятилетия у первых доля «потенциального» жениха снизилась до 12%, тогда как «случайного» знакомого возросла до 11%; у вторых практических изменений в предпочтении партнеров не установлено.

Противоборство традиционных (в значительной мере институционализированных) и современных (связанных с распространением релятивистской этики, иными словами, самоконструированием себя как автономной единицы) начал как будто бы высвечивается через показатели продолжительности дебютной сексуальной практики и перманентных поисков эротического наслаждения. Неуспешность вагинального дебютного сближения (по-другому его трудно квалифицировать, поскольку оно сразу же прекращается) отмечается почти 17% петербургских и 12% тульских мужчин, соответственно 7% петербурженок и 4% тулячек. Такая неудача, как правило, не оставляет ятрогенного¹ следа на эмоциональном и психическом самочувствии мужчин. Они совершили поступок и горды собой. Для женщин ситуация не столь проста, ибо речь идет о завершающей стадии эротического дебютного цикла, который, как известно, во многом определяет ее дальнейшую экспрессивную судьбу. Французские исследова-

¹ Ятрогения — причинение вреда здоровью больного в результате тех или иных ошибочных действий медицинских работников. Чаше под ятрогенией подразумевают нежелательные изменения психики больного.

тели, в частности, обратили внимание на следующее обстоятельство. Первый мужчина, с которым женщина вступила в сексуальные отношения, не является, за редким исключением, ее будущим мужем. Но поразительно — обнаруживается, что первый партнер женщины остается как бы прообразом ее будущего супруга, в которого она так же влюблена, и разница в возрасте с ее супругом примерно такая же, как с первым партнером. Напротив, мужчина, даже если он был влюблен в свою первую партнершу, не рассматривает ее как потенциальную «супругу» и не ищет в актуальной супруге тех же черт и особенностей (см.: Bozon 1990: 570). Несмотря на «сбой», часть женщин, преодолевая исторически навязанную им пассивность, продолжают поиск партнера. Одновременно нельзя не отметить и устойчивость их нелегитимной сексуальной практики, продолжающейся на протяжении многих лет. Отсюда и один промежуточный вывод: стремление к стабильной и богатой эротике остается для «слабого» пола важной целью, но путь к ней разнообразен — девственность необязательно должна приноситься на алтарь брака. Раскрою последний тезис путем анализа частоты сменяемости нелегитимных партнеров у обоих полов.

Опрашиваемые, не буду скрывать, неохотно отвечают на вопрос о количестве нелегитимных сексуальных партнеров — на мою просьбу в среднем откликнулось около 20% респондентов. Но это в среднем. Особенно тщательно скрывают свой опыт (по разным причинам) люди старших возрастов и состоящие в браке. К примеру, среди молодых петербуржцев (до 24 лет) число ответивших на данный вопрос приблизилось к 50%, тогда как среднее и старшее поколение (после 45 лет) — около 10%.

Итак, в Туле к моменту опроса имели не более трех партнеров по нелегитимным практикам 47% мужчин, 41% — от четырех до десяти и 12% — более десяти; у женщин показатели распределились так: 78% (при этом 60% из них ограничились единственным партнером), 19% и 3%. Среди петербуржцев 56% указали до трех партнерш, 30% — от четырех до десяти и 14% — более десяти; у женщин шкала выстроилась таким образом: 81% (при этом 75% имели единственного партнера), 16% и 3%. Различия между городами незначительно. Отсюда как общенациональное явление (по меньшей мере, для населения урбанизированных центров) можно фиксировать по-прежнему большую вариативность в сменяемости объекта сексуальности

мужчинами и несомненное новшество в эротическом поведении женщин — от монотонности к существенному разнообразию¹. Убедительным подтверждением высказанной гипотезы могут послужить ответы на тот же вопрос, полученные от молодых образованных людей середины 90-х годов — студентов петербургских вузов (см. табл. 9).

Табл. 9. Количество нелегитимных сексуальных партнеров у петербургских студентов середины 90-х годов в сопоставлении с полом (в %)

Пол	Количество партнеров							
	1	2	3	4	5	6	7	8 и более
Мужской 187 чел.	37,9	21,3	10,1	6,4	4,8	2,8	2,8	13,9
Женский 193 чел.	34,7	20,2	15,5	7,3	5,2	3,2	3,6	10,3

Совсем недавно среди специалистов господствовало мнение, что мужчины склонны преувеличивать количество своих «побед», в то время как женщины — преуменьшать свои «поражения». В последнее десятилетие XX века так не скажешь: это не соответствует ни духу (кто кого «имеет?»), ни нравам. Кстати, в нашем случае на поставленный вопрос охотнее отвечали женщины, чем мужчины: 96% против 93%. Из распределения удельного веса, представленного в табл. 9, следует: частота сменяемости эротических объектов, по большому счету, не зависит от пола респондента. В действительности только после седьмого партнера начинает оправдывать себя приписываемая мужчинам так называемая «промискуитетность». На самом же деле вполне репрезентативной частью молодых людей (обоих полов) пять-шесть нелегитимных партнеров перестает восприниматься как физиологическая «перверсия», превращаясь в приемлемый рубеж, обозначающий если и не устоявшуюся еще культурную норму, то уж точно практику, которую мало кто рискнет назвать девиацией.

Посмотрим теперь, каков интервал, разделяющий первого партнера от второго. Потеряв девственность, молодые люди

¹ Не менее выразительные данные приводят по Финляндии О. Конттала и Э. Хаавиа-Маннилла. В 1971 г., согласно общенациональному опросу, до 3-х партнеров имели 81% женщин и 39% мужчин против 48% и 31% в 1992 г. От 6 до 9 партнеров соответственно по годам имели 21% и 34% девушек и 28% и 22% юношей (см.: Konttala, Haavio-Mannila 1995: 89).

тем самым сбрасывают с себя «бремя обязательств», без оглядки устремляются к реализации экспрессивной потребности. Почти каждая четвертая девушка в течение одного месяца находит себе «утешителя»; другой четверти для этого нужно полгода и только остальные проводят в ожидании (необязательно пассивном) немногим более года. Несколько иной ритм поиска партнерши у мужчин. В течение месяца реализовать свою потребность им значительно труднее (14%); «удача» им сопутствует в интервале от двух месяцев до полугода (58,5%), а затем наступает спад, очевидно, обусловленный возросшей избирательностью. Рваному ритму сопутствует многообразие поводов к сближению. У женщин выделяется, как маяк, мотив «сексуальное влечение» (28%). Он превышает следующее побуждение — «просто понравился мужчина» — в полтора раза, а третье — «любовь» — вдвое. Не могу не упомянуть и еще о двух побуждениях, свидетельствующих о девичьей предуготовленности к поступку, — «как-то получилось само собой» и «соблазнение». Мотивация мужчин более привычна. Три побуждения, вобравшие в себя более 75% ответов, последовательно по убыванию расположились следующим образом: «просто понравилась женщина», «сексуальная потребность» и «как-то само собой получилось». Особо отмечу, что в смене сексуального партнера как такового 10% студенток и 8% студентов не видели ничего предосудительного: можно с наслаждением покурить, идя по улице; можно заниматься петтингом на эскалаторе, а можно совершить коитус с духовно чуждым тебе партнером. И хотя мое сравнение, признаюсь, несколько утрирует ситуацию, но не настолько, чтобы к ней не присмотреться. Так, у мужчин на две «хорошо» знакомые сексуальные партнерши приходится одна «случайная»; у женщин же соотношение еще более скошено не в пользу «хорошо» знакомого партнера.

Подводя итоги, скажу следующее. Для воссоздания целостного представления о трансформациях, происходящих с половыми субкультурами, накоплен достаточно разносторонний эмпирический материал. Установлен многогранный, противоречивый процесс, который нельзя назвать движением в сторону эгалитаризма мужчин и женщин. Зафиксировано не только сближение мужских и женских мотивов, типов партнеров, практик, но вместе с тем и «размывание» половых стереотипов. При всем неумном стремлении женщин эмансипироваться «по мужскому типу», проступают вольно или невольно признаки «Другого».

Выскажусь по этому поводу несколько подробнее. Психофизиологическая половая специфика (диморфизм), несомненно, влияет, однако жестко не предопределяет всю гамму эротического самовыражения и экспрессивной направленности мужчин и женщин. Так было всегда, но к концу 20-го столетия «разбалансированность» увеличилась. Механизм социализации, обуславливающий формирование половых субкультур (определенных ожиданий, ценностей, правил, практик), оказывается в одних случаях созвучным, в других — диссонирующим психофизиологии человека. Тем более и сама психофизиология «поплыла»: разрушаются границы перверсий, например, *мазохизм* сегодня необязательно ассоциируется с дряхлой старостью, а *садизм* с махизмом; некоторые перверсии благополучно переродились в парафилию, скажем, *мастурбация* или *фетишизм*. Определяющим в новой ситуации становится выбор актором — относительно автономным от социума — меры согласованности природного «каркаса» со становящимися социально-культурными нравами, стилистическим разнообразием, ценностями и сценариями. Неординарность задачи нахождения сексуальной идентичности подтверждается многообразием гетеросексуального (отчасти гомосексуального) поведения юного поколения. Невосприимчивость к происходящей трансформации подчас заканчивается трагично¹.

Не подлежит ни малейшему сомнению неизбежность природной дифференциации полов; одновременно обнаруживается углубление сексуальной полифонии у женщин и эротической — у мужчин. Массовые опросы весьма рельефно представляют картину эмансипации сексуальности: с одной стороны, прорисовывается специфика каждого из полов, с другой — их поведение сближается по мужскому традиционному образцу. Существование названных тенденций подпитывается тем, что в практиках одних (независимо от пола) сопрягается противоборство обычаям и устраняется наносное, исторически преходящее; другие же (ис-

¹ Американский психолог Ф. Зимбардо сообщает о том, что врачи подметили среди студентов рост импотенции. Это явление они связывают с повышенной тревожностью и смещением гендерных ролей у юношей в случаях, когда девушки предлагают им вступить в сексуальные отношения. К этому примешивается и чувство вины, возникающее в результате противоречия между моральным и религиозным неприятием таких контактов и невозможностью (что было бы не «по-мужски») отказаться от лобового предложения (см.: Зимбардо 1991: 91).

ключительно женщины) отождествляют патриархальные принципы (и традиции) с исторической случайностью («дьявольским наваждением»), отвергая принципиальную возможность вычлени из них общечеловеческое (как ни парадоксально, именно феминистки чаще подсознательно стремятся реализовать всю гамму архаических ценностей и привилегий). Значительная доля мужчин по-прежнему реализует себя в согласии с мачистским стереотипом. Взаимодействие представленных устремлений благоприятствует формированию разнообразных линий сексуального поведения. У женщин они особенно впечатляют: от максимально эмоционально скованных — «библейский» тип (викторианки), через кокетливо игривых — «классический» тип (венерианки), до неприкрыто напористых — «феминистский» тип (трансвеститки и амазонки).

Сказанного как будто достаточно, чтобы понять бесперспективность традиционных стереотипов «маскулинности» и «феминности». Субкультурные различия не случайны, но и не фатальны. В современном обществе ничто не препятствует росту избирательности и инновационным поискам как мужчин, так и женщин. Эти различия не создают непреодолимых барьеров на пути интериоризации, казалось бы, «чуждых» образцов, приписываемых исключительно тому или иному полу. Так, поведение женщин с откровенно рациональными или садистическими наклонностями, равно как мужчин с повышенно эмоциональным и мазохистским комплексом сегодня уже воспринимается не как перверсия, а, скорее, как вариант нормы. В дальнейшем сексуальные практики будут множиться (как мужские, так и женские), создавая континуум с полюсами от ярких индивидуальностей до субъектов со стертыми «половыми душами» (В. Розанов).

Описанная поведенческая поливариантность — лишь одно из свидетельств активного усвоения женщинами всего спектра социальных ролей, стилей и тактик. Вместе с тем, как и предполагалось, здесь рельефнее, чем в любой другой сфере взаимодействия мужчин и женщин, высвечиваются границы толерантности, выход за пределы которых чреват утратой гендерной специфики.

Глава 8

СЕКСУАЛЬНАЯ ЭМАНСИПАЦИЯ ЖЕНЩИН И ПРОБЛЕМА ДРУГОГО¹

Канул в Лету XX век. В течение столетия интеллектуальные и деятельные женщины стремились реализовать свою дерзкую мечту — перестать быть *объектом*². Фактическая картина далека от ожидавшейся активистками эмансипаторского движения. Ее в общих чертах еще в конце 40-х годов обозначила Симона де Бовуар: «Быть женщиной — значит сегодня для автономного человеческого существа сталкиваться с особыми проблемами» (Бовуар 1997: 761). Мысль не назовешь прозрачной, но одно несомненно: завоевание женщиной собственной инакости — процесс протяженный и далеко не бесконфликтный. Симптоматично, что три десятилетия спустя американская феминистка — К. Миллетт — констатировала, по сути, ту же мысль: «За женщиной по-прежнему отрицается право на сексуальную свободу и биологический контроль за собственным телом — посредством культа девственности, двойного стандарта, запрета на аборт» (Миллетт 1994: 169). Не правда ли, вырисовывается мрачноватый, патриархально окрашенный миропорядок? Пессимистическая оценка ситуации в принципе объяснима, однако разделить ее целиком было бы неверно.

Не требует сколько-нибудь детальных доказательств, что все перечисленные (как, впрочем, некоторые другие) традиции, обы-

¹ Другой — то, что не есть Я, т. е. иное, представленное, однако, в отношении ко мне и для меня (см.: СФС 2004: 202).

² Исторически банальный факт: женщина (точнее, ее тело) на протяжении многих веков в различных ипостасях (матримониальной, гедонистической, фетишистской и пр.) являлась объектом сексуальных домогательств со стороны мужчины.

чай и стереотипы были переосмыслены под влиянием сексуальной революции 60-х годов прошлого столетия. Как хорошо известно, революция способствовала демистификации эроса, превратив его в автономную (от матримониального и прокреативного поведения) сферу. Ныне экономически самостоятельная, политически равноправная женщина свободнее определяет и свой стиль жизни, и сексуальную идентичность, и эротические предпочтения. По этому поводу на Западе появилась широкая гамма публикаций: от А. Кинзи до У. Мастерса, от К. Миллетт до Ш. Хайт, от П. Сорокина до А. Гиденса.

Сексуальные трансформации и их влияние на судьбу женщины актуальны и для нашей страны. Между тем отечественная литература по данной проблематике не столь богата, и уж совсем незначителен добротный полевой материал (см.: Голод, Кузнецова 2002). Исходя из последнего замечания, буквально пунктирно обозначу эмпирические закономерности, характеризующие эротику российского населения по преимуществу в гендерном разрезе.

В середине 60-х годов 20-го столетия мною были выявлены в молодежной среде признаки отхода от «двойного» сексуального стандарта (см.: Голод 1968а). Предполагалась и дальнейшая либерализация морали. Более поздние изыскания во многом подтвердили эти экспектации. Причем среди девушек интенсивнее, чем среди юношей, росло число лиц, оправдывающих практику вступления в сексуальные отношения, не сопрягаемую с браком или деторождением, и, напротив, уменьшалось число осуждающих. Говоря конкретнее, у первых позитивная оценка выросла с 38% до 80%, в то время как негативная снизилась с 30% до 3%; динамика показателей у вторых такова: 53% против 72% и 17% против 4%. Под влиянием приведенных индексов, что неудивительно, складывалось впечатление о торжестве единого стандарта в молодых поколениях. Такое умозаключение надо признать поспешным: оно не согласуется с целым рядом фактов, имеющих теперь в моем распоряжении. Внесу ясность. Студенты (1995 г.) оправдывали *для себя* нелегитимную сексуальную практику в 70 случаях из 100 и только в 4-х ее осудили, тогда как *для женщин* эти показатели составили соответственно 60 и 10 на каждую сотню. В свою очередь, 80% студенток оправдывали указанную практику *для себя* при минимальном осуждении — таковых было лишь 3%, *для*

мужчин же соответствующие пропорции оказались 89% к 2%. Зададимся вопросом: не противоречат ли друг другу представленные ряды? По большому счету — нет. Одно дело артикулировать нравственные установки своего пола абстрактно, иное — соотносить себя как представителя определенного пола с противоположным и тем самым вольно или невольно столкнуться и преодолеть традиционную иерархическую систему.

Остановлюсь столь же бегло на сюжетах, касающихся «зрелой» сексуальности — брачной и адюльтера (детально о них речь пойдет в гл. 9 и 10). Что касается брачной, то здесь в процессе физической близости супруги проявляют себя по одной из двух стратегических линий: либо господства/подчинения, либо сотрудничества. Интерпретируя «Сонник» Артемидора, М. Фуко замечает: «Совокупление, с его несколькими позами и, главное, полюсами активности и пассивности, оказывается инстанцией, в гораздо большей степени сообщающей определенное качество половому акту, нежели тело с его различными частями и удовольствиями с его качествами и интенсивностями» (Фуко 1998: 36). Иными словами, глубина и качество сексуального переживания каждого из партнеров зависят от меры их активности в половом акте. В патриархальной культуре инициативность (в том числе и в выборе позы) предписывалась, исходя из общественного и семейного статуса, мужчине. Какова сегодняшняя диспозиция? Согласно опросу, проведенному в Санкт-Петербурге (1998 г.), более половины мужей (60%) акцентируют традиционную активность в сексуальных контактах и только 2% открыто предпочитают держаться в тени (образно говоря, «позу лентяя»). Принципиально такой же расклад подтверждается и высказыванием жен — 63% против 4%. Одновременно каждая пятая женщина не скрывает свою инициативу в супружеской эротике; больше того, согласно информации мужей, эта цифра достигает 30%. «Викторианство» («уважающая себя дама не должна шевелить бедрами в постели») демонстрируют всего 8% петербурженок, с чем солидаризируются и того меньше их супругов — 5%. Еще большая противоречивость мнений прослеживается в Туле (1999 г.). Свою «исконную» роль отстаивают почти 80% туляков, при фактическом отсутствии индифферентных. Женщины, хотя и не вполне разделяют такое мнение, в конечном счете соглашаются с преобладающей активностью мужей (70% к 3%). В супружеской эротике

деятельную позицию признала почти каждая пятая женщина и только 10 из 100 по-прежнему придерживаются «викторианской» практики. Туляки, со своей стороны, оценивают роль женщины в сексуальных отношениях более оптимистично: 40% против 7%. Несмотря на некоторое разночтение, можно, не боясь ошибиться, утверждать, что в супружеских гендерных сексуальных сценариях и репертуаре не отмечено радикальных перемен. Вместе с тем некоторые сдвиги трудно проигнорировать: они, в частности, характеризуются подспудным вытеснением мужчин с, казалось бы, незыблемых природных позиций. И эта тенденция будет разрастаться, правда, каковы ее пределы, сегодня не дано предугадать. Но одно понятно — трансформация необратима¹. Не подлежит ни малейшему сомнению и следующее — так как активность вознаграждается эротическим наслаждением, то последнее, в свою очередь, будет интенсифицировать конкуренцию между супругами за завоевание ведущих позиций. Посмотрим, действительно ли эротическая инициативность коррелирует с наслаждением.

В Санкт-Петербурге более половины мужчин, приписывающих себе активность в супружеской сексуальности, расценивают ее результат как наслаждение и лишь 3,5% затруднились высказаться определенно по этому поводу. В то же время мужья, из числа вставших на «тропу» сотрудничества (не проявляющих ни ярко выраженной активности, ни пассивности), уже только в 40 случаях из 100 достигали в эротических отношениях с супругой наслаждения, более того, 15% вовсе затруднились определить свое состояние. Распределение женской сексуальной отзывчивости (не верится, но такова реальность) почти совпадает с мужской. Конкретно, среди «активных» почти 58% достигают наслаждения и лишь 6% затруднились определить свое эмоциональное ощущение. Из тех женщин, кто не проявляет открытой инициативы, но уже и не придерживается ортодоксального викторианства, 36% благополучно достигают наслаждения и еще 16% не смогли четко определить свое ощущение. И в этом смысле петербуржцы неоригиналь-

¹ Вот показательный образец перемен гендерного репертуара у юного информатора: «Первый поцелуй был с мальчиком, который совершенно не умел целоваться. А у меня уже опыт был, девочки научили. Поэтому мальчик а научила целоваться тоже» (Борисов 2000: 55).

ны, в Туле в общем и целом картина схожая. Итак, каждой из стратегических линий характерен свой исход, правда, однозначно заявить, какая из них лучше, наиболее эффективна, я бы сегодня не рискнул.

Рост значимости в семье такого фактора как супружество (в сравнении с кровным родством и порождением¹), то есть практики совместной жизни мужа и жены, когда стираются различия между отношением *к себе* и отношением *к другому*, способствует монополизации «осупруженной» сексуальности. От этой трансформации ожидается, что эротическая деятельность будет стремиться к растворению в границах брака, причем не только и даже не столько для обеспечения благополучия законного потомства, сколько во имя удовлетворения мужем и женою потребности в собственном наслаждении и счастье. Вынужден констатировать: до настоящей поры теоретические посылы вступают в противоречие с реальными практиками. К примеру, с конца 60-х до конца 90-х годов прошлого века доля мужчин, состоящих (или состоявших) в эротических отношениях параллельно с легитимным партнером, возросла с 47% до 76%, среди женщин таковых оказалось в первом случае 30%, во втором — 48%². Как видим, удельный вес различен, но динамика прироста показателей адюльтера у обоих полов близка. Любопытное наблюдение: к началу 90-х годов женщины преодолели «планку» мужской «внесупружеской» сексуальной активности двадцатилетней давности. Предсказать, как в дальнейшем поведут себя индексы адюльтера, каковым будет соотношение мужских и женских индексов, в частности, было бы с моей стороны рискованно, по меньшей мере по трем причинам. Во-первых, в силу малых выборок; во-вторых, из-за специфики статуса респондентов — интеллектуалы, значительная часть которых приехала в Ленинград для повышения квалификации в трудоустроенном возрасте; в-третьих, и это, пожалуй, главное — неизвестно, насколько оправдается гипотеза о преобладании в будущем высокого статуса супружеской эротике. Необходимость быть аккуратным и сдержанным в прогнозах подтвердилась более поздними полевыми материалами. Согласно опросу всех слоев

¹ Порождение — термин, означающий отношение по рождению: «мать — дочь», «отец — дочь» или «родители — дети».

² Используются результаты опроса интеллектуалов.

и возрастов населения Санкт-Петербурга (1998 г.), в адюльтерных связях состояли 34% респондентов, в соотношении мужчин и женщин как 2 к 1. По Туле (1999 г.) охват «параллельными» сексуальными связями равен 27%; мужчины указывали на это обстоятельство в три раза чаще, чем женщины. Согласно финским социологам, «за последний год (предшествующий опросу. — С. Г.) 20% мужчин и 11% женщин, состоявших в парных отношениях, поддерживали и параллельные отношения. Такие параллельные отношения обычно наблюдаются на ранних этапах совместной жизни пары, причем зачастую их бывает сразу несколько. <...> Для большинства людей идеальная форма сексуальной жизни — последовательно полигамные контакты. Вопреки этому идеалу около 3% акторов состоят в открытых отношениях (swinning), где для обоих партнеров допустимо вступать в параллельные связи» (Kontula, Naavio-Mannila 1995: 205).

Наш промежуточный вывод таков: обобщение собственных эмпирических данных и зарубежных литературных источников показывает — не всё так беспроблемно в приватном мире женщины, как заявлено теоретиками феминизма. Женщина, бесспорно, стала во второй половине XX века свободнее, раскрепощеннее по сравнению с недавним прошлым, но это лишь первые шаги: обретение искомого лица — путь сложный, противоречивый и, более того, до сих пор не до конца проясненный.

Сексуальная эмансипация женщин, будучи явлением многогранным, признаём, раскрепостила ее биологическую потенцию, способствовала эротической открытости, раскованности, однако оказалась не в состоянии разрешить экзистенциальную проблему любви — сферы, где наиболее пронзительно высвечивается гендерное своеобразие. Женщина остается для мужчины «Другой» — угрозой, воплощением крайней опасности, с ней, по сути, можно объединиться только на мгновение. Любящий мужчина жаждет общаться с женщиной, обладать ею (или отдаться ей), но не отождествляет себя с нею, не мечтает стать такой, как она, усвоить ее личностные смыслы. «Женщины всегда играли роль “других”, теней, поныне выполняющих “теневую работу”. Они становились ведьмами и шлюхами. Они составляли предмет мужских страхов и мужских воцелений. Они пугали мужчину в облики ведьмы и шлюхи, они восхищали его в образе матери, хранительницы домашнего очага, и в об-

разе святой» (Мильтман-Вендель 1991: 96). С другой стороны: «Многие современные женщины, хотя и борются за свое человеческое достоинство, воспринимают эротическую жизнь как рабство. Именно поэтому им кажется унижительным лежать под мужчиной, ощущать в себе его половой член, от этого они становятся фригидными. Однако если бы реальность была иной, то и символический смысл любовных жестов и поз воспринимался бы иначе. Так, женщина, которая платит любовнику, которая чувствует себя выше его, может гордиться своей полной пассивностью и считать, что она его поработала, поскольку силы приходится тратить только ему» (см.: Бовуар 1997: 803–804). Неужели тупик? Отнюдь. В общем плане понятно, что разорвать замкнутый круг, преодолеть отчуждение станет возможным тогда, когда индивид (любого пола) осознает «Другого» как свою собственную инакость и когда на этой основе он попытается слиться с ним в единое целое, не утрачивая своеобразие. Решающее слово остается во многом за женщиной, которой предстоит поиск эротической идентичности. Каково же пространство для ее потенциального конструирования? За ответом я обратился к экспертам. В качестве таковых выступили десять слушательниц (замужние, возраст от 30 до 40 лет) кафедры сексологии Медицинской академии последипломного образования¹.

Сначала женщины были ознакомлены с приведенным выше текстом Симоны де Бовуар. Вопрос формулировался следующим образом: «Согласны ли Вы с высказыванием в целом? («Да», «Нет»). Пожалуйста, обоснуйте свою позицию». Затем цитата была разделена на два фрагмента. Первый из них начинался так: «Многие современные женщины <...>» и заканчивался словами «<...> ощущают в себе его половой член, от этого они становятся фригидными». Мой вопрос: «Можете ли Вы расценить свою эротическую жизнь на любом жизненном этапе как рабство или, напротив, как свободный и равный союз, хотя и “под мужчиной”»? Другой фрагмент звучал вот как: «<...> женщина, которая платит любовнику <...>» и т. д. Спрашивалось: «Оказывается, можно и так “по-женски” рассматривать оплату сексуальных отношений. А Вы лично когда-либо задумывались над таким выходом? Поразмышляйте сегодня».

¹ Непосредственный организатор интервьюирования — доцент кафедры канд. мед. н. А. Федорова, которой я выражаю искреннюю признательность.

Несколько предварительных уточнений. Ответы, по правде говоря, давались экспертам нелегко. Некоторые из них так и не смогли подобрать нужных слов, чтобы адекватно выразить внезапно нахлынувшие эмоции и, само собой разумеется, не попали в число десяти. Те же, кто в конечном итоге вербализовал свои сокровенные чувства и переживания, не испытывал смущения, не комплексовал, но и нарочито не бравировал, не манифестировал раскованность. Респонденты, подчеркну, использовали широкий фразеологический набор и лексический запас для описания интимных сопереживаний и действий, к слову, исключая профессионализмы или псевдонародную терминологию. Главное, в чем невозможно усомниться по прочтении текстов, — викторианский мир с его «судорожностью» перед Фаллосом — символом мужского верховенства, действительно расстается с культурной сценой.

Общая направленность трансформации эротического взаимодействия полов, насыщенно отражена в трех нарративных интервью, на которых я ниже и сосредоточусь.

Отчет первого эксперта. Общий взгляд. «Когда половые отношения практически не учитывают особенностей женской сексуальности, конкретные сексуальные потребности конкретной женщины, а коррелированы лишь с особенностями и потребностями мужчины, эротическая жизнь может восприниматься как рабство (ощущение полового члена во влагалище) или как унижение (позиция «женщина внизу»). Для женщины практически неизбежен адаптационный сексуальный период, который протекает благополучно при гармоничном соединении эротических и сексуальных аспектов общения, уважительном и заинтересованном отношении к специфическим женским потребностям. В противном случае нереализованные сексуальные желания постепенно формируют или закрепляют фригидность, что вызывает чувство обиденности, ущербности, а затем униженности и рабства, понимаемого как обязанность удовлетворять сексуальные прихоти партнера в ущерб своим или ради иных несексуальных целей. Чувство униженности, как мне представляется, сильно связано с запретом на вербализацию женщиной своих сексуальных потребностей и предпочтений. Запреты эти культивируются социумом и нередко родителями и связаны со сложившимся в обществе стереотипом,

предписывающим женщине альтруизм, пассивность, романтические цели — «посвятить себя любимому мужчине» и т. д. Символический смысл любовных жестов и слов, как мне представляется, связан чаще с предшествующим сексуальным опытом, а не с общим положением женщин в обществе. Большое значение имеет полученная от матери или близких людей вербальная и особенно невербальная информация о ее удовлетворенности ролью женщины, о ее отношении к женской сексуальной роли, т. е. субъективной реальности».

Отчет второго эксперта. Общий взгляд. «Эротическая жизнь для меня игра, фантазия и удовольствие. Мысль о рабстве мне в голову не приходит. Если только поиграть в рабство. Под мужчиной лежать не только удобно, но и приятно. Заплатить в данном случае можно в случае сексуальной игры».

Отчет третьего эксперта. Общий взгляд. «Полагаю, что для многих современных женщин так оно и есть. Если женщина в сексе задается вопросом “кто главный?”, тогда вопрос власти выходит на первое место, а в нашей цивилизации власть тесно связана с деньгами: “кто платит, тот и заказывает музыку”. Если женщина фригидна в ситуации, которую она для себя определяет как “мужчина — главный”, и получает удовольствие в ситуации “главная — я”, вероятно, ее возбуждает не секс, а власть. Наверное, это женщина с глубоким душевным расстройством».

Определение эротической жизни «второго» пола как *рабства* вовсе не застигло экспертов врасплох. Из интервью непосредственно следует: интерпретации респондентами предложенного тезиса различаются друг от друга, наряду с этим по принципиальному положению достигнут консенсус. Экспрессивная деятельность современной женщины уже не ассоциируется с обязанностью, не воспринимается как явление чуждое ее природе, а ощущение «в себе» мужского фаллоса и позиции «снизу» — как нравственное унижение. В известной мере, теоретически, как будто бы преодолен викторианский этос. Вместе с тем новая реальность, о которой мечтала Симона де Бовуар, организуется в противоречиях, флуктуациях, а посему повсюду проступают незамаскированные следы патриархальной

цивилизации. Именно они-то и трактуются будущими сексологами, скорее всего, в согласии с собственными практиками.

Одни специалисты выводят чувство исторической униженности и ущербности женщины из укоренившегося в культурном коде псевдоприродного феминистского стереотипа — пассивность, бесплотность, альтруизм, романтизм, — обязывающего ее в безусловной форме удовлетворять сексуальные прихоти партнера. Эффективное преодоление этого обычая, по мнению интервьюируемых, возможно через осознание социальными акторами субкультурной специфики своего и, соответственно, Другого пола. Сформулирую эту претензию несколько иначе: сегодня женщину следует воспринимать как «сплав» особого субкультурного феномена и единичной психосоматической действующей персоны. Другие же специалисты сопрягают истоки многослойной женской «ущемленности» с господством в социуме гендерной иерархии и ее проекции на приватные отношения. Отсюда — сексуальность для определенной части населения (по преимуществу женской) до сих пор выступает средством достижения иных, не собственно эротических целей. Наглядным образцом может служить широкое распространение в буржуазном этосе обвинений в так называемых «сексуальных домогательствах», которые, по мысли эксперта, чреватые по преимуществу для представителей «второго» пола душевными расстройствами, фригидностью и даже суицидом. Третьи — не исключают возможность преодоления «вторичности» при помощи конституирования женщиной своей сугубо гендерной реальности. Нарочито «выпячивая» телесность, имитируя «игру в рабство», они тем самым вкупе с партнерами достигают полноценного наслаждения садомазохистским нарушением границ традиционной нормы.

По ходу следующего задания экспертам, как уже упоминалось, предлагалось детализировать собственную позицию относительно положения: «женский эротизм — это рабство?» Каковы же получились рефлексии?

Первый эксперт. «Мне представляется, что эротическая жизнь скорее не равный союз, а балансирующее состояние вокруг точки равновесия с различным размахом колебаний и чередующейся системой взаимных уступок и неизбежно взаимного подчинения. Это и придает ей «заведенность»».

Второй эксперт. «Никогда я не расценивала свою эротическую жизнь как рабство. Повторюсь: если человек считает себя рабом или властелином, а уж тем более в сексе, — это признак душевного расстройства. Что касается “под мужчиной”, то — кто тебе мешает — твори. У тебя есть свое тело, есть тело партнера, не нравится одно, попробуй по-другому. Сделаться фригидной, ощущая в себе половой член, наверное, можно лишь в ситуации насилия. Если женщина систематически *выбирает* (курсив мой. — С. Г.) себе партнеров-наильников, то кто же тут виноват? Она играет в игры, властные игры. А мужчина, его половой член, тут ни при чем».

Третий эксперт. «Сексуальная жизнь для меня не рабство, а равноценное партнерство. Но мне приятно было бы почувствовать иногда себя рабой, что разнообразит сексуальную жизнь, плюс мне приятно, когда инициатива исходит от мужчины. Мне нравится быть желанной».

Подытожим: высказывания экспертов относительно локального сюжета — эрос для современной женщины, по существу, есть рабство — недостаточно артикулированы. Слушательницы академии, признаю, будучи кровно заинтересованы дойти до истины, неосознанно выплеснули сполна всю информацию сразу, отсюда — сделать дополнительный мазок для раскрытия своей позиции оказались не вполне готовы. И всё же, надо сказать прямо, ни одна из них не солидаризировалась на сто процентов со взглядом французской феминистки. Проблема в такой откровенной постановке, по-видимому, себя исчерпала. Вместе тем, не впадая в большую ошибку, предположу, что поиск женщиной своеобразного эротического «лица» еще далек от завершения. Свидетельство тому — развернутый (хотя и ненасыщенный) спектр мнений наших экспертов по этому поводу. Одни признают полноценной сексуальную жизнь, протекающую как взаимодействие полов со специфической субкультурой, опирающуюся на перманентное балансирование от уступок партнеру к возврату «отданного» с приростом или без ононого. Вторые ратуют за преодоление в эротической интеракции «все и вся» предписания, благодаря чему будто бы становится возможным достижение креативного апогея. И наоборот, следование традиции ведет к душевным недугам. Третьим импонируют отношения сотрудничества, правда, при этом ого-

варивается желательность время от времени нарушать сию гармонию, с тем чтобы мужчина имел возможность проявить природную агрессивность, а женщина, соответственно, — насладиться пассивностью; проще, слушательница не прочь ненадолго соответствовать формуле: сила женщины в ее слабости.

Заключая анализ мнений курсисток академии, остановлюсь еще на одном частном сюжете — «оплата» в обмен на предусмотренную психофизическую пассивность. Вот их мнения.

Первая слушательница: «Подобное рассмотрение “оплаты” сексуальных отношений при полной пассивности удовлетворяет не столько сексуальные потребности, сколько потребность взять социальный реванш над мужчиной вообще как враждебным классом за предыдущий травматический для личности сексуальный опыт, как свой, так и опыт близких. Удовлетворение гордыни редко приводит к истинному сексуальному удовлетворению. За этим скорее просматривается глубинное неприятие собственной роли женщины, при которой всё мерится на мужской аршин и встает проблема соревнования¹. Подобный способ реализации сексуального влечения представляется мне убогим и более всего унижающим женщину как предательство и приниженное отношение к своему женскому естеству и истинным сексуальным потребностям. Хотя я ничего не имею против оплаты, которая неизбежна в любом союзе как естествен-

¹ Здесь сформулирована тонкая и глубокая идея, которая наотмашь бьет по нравственным принципам Симоны де Бовуар. Известно, что ее любовь к Ж.-П. Сартру хотя и была глубокой, но весьма своеобразной. Симона, по словам Бьянки Ламблен, не просто смотрела сквозь пальцы на влюбленности Сартра, но и сама сводила его с молоденькими девочками. Когда «законный любовник» начинал к ней охладевать, по крайней мере в сексуальном плане, Бовуар стремилась установить с Жан-Полем новую связь, так сказать, «через третье лицо». Она воображала, что таким образом сможет контролировать его любовные увлечения и найдет компромисс между их соглашением о полной свободе и глубоко мучившей ее ревностью, подпитываемой честолюбием. Одно из таких трио и составляли — Жан-Поль, Симона и Бьянка. Подобные тройственные союзы возникали время от времени на протяжении всей молодости этого философа. Поразительно другое. Истинную любовь Симона де Бовуар впервые познала только с американцем Нельсоном Олгреном и благодаря ему открыла себя. Ее отношения с ним разительно отличались от сугубо интеллектуального союза с Сартром. Тем удивительнее ее решение порвать с любящим ее Олгреном и остаться с Сартром. Рациональное возмуждало над экспрессивным (об этом см.: Ламблен 2000: 90–93).

ный и необходимый обмен эмоциями, привязанностями, обязанностями и т. д., в том числе и деньгами».

Вторая слушательница: «Оплата не уравнивает, а унижает или женщину, или мужчину. Хотя в качестве игры где-нибудь на курорте я была бы не прочь заплатить красивому мальчику с благообразными манерами, тонким умом, приятным обхождением и выраженной сексуальностью. Для меня это было бы еще одним шагом преодоления запретов и шагом к внутренней свободе».

Третья слушательница: «Я с трудом понимаю вопрос. Да, оплата подразумевает такое частичное “порабощение”. Не только в сексе, но и в жизни вообще. И этот взгляд не “женский”. Он человеческий. Другое дело, что среди людей [нормальных] оплата подразумевает выполнение определенных действий и больше ничего. Это частичное “порабощение”. И оплата не подразумевает того, что работодатель в личном плане становится в чем-то выше нанятого (хотя многие люди, к сожалению, так это и ощущают).

Если же вопрос касается того, рассматривала ли я когда-нибудь возможность платить любовнику, чтобы чувствовать себя выше, то — нет. Мне не нужно чувствовать себя выше, чтобы получать удовольствие от секса. Кстати говоря, я зарабатываю очень мало, меня содержит муж. Однако это обстоятельство никоим образом не заставляет меня считать себя в чем-то ниже, подчиненной. Мой муж считает так же».

В сущности, проблема рассматривалась в двух пересекающихся плоскостях — теоретической и практической. Что касается житейского аспекта, то здесь у наших респондентов выявилось отсутствие достаточного опыта. Иное дело — желание проиграть ситуацию мысленно: никто из молодых особ не отказал себе в удовольствии поразмышлять на заданную тему. Принципиальных разночтений среди курсисток академии не обнаружено, идея французской феминистки, сформулированная в духе маркиза де Сада, не получила ожидаемого отклика — эмоционально была отторгнута, рационально по меньшей мере не до конца понята. Для нас наиболее любопытным представляется ход мыслей первого эксперта. По ее мнению, замысел оплаты сексуального действия женщиной сопряжен с возможностью таким образом вырваться из

жестких сетей гендерной иерархии. Так ли это? Платя, женщина в самом деле приобретает права на мужскую плоть, соответственно и на возможность (активного или пассивного) господства над ним. Однако будем помнить, что эта конвенция временная и заключена с единичным лицом, а не с классом мужчин в целом, по-сему эротическая свобода женщины скорее иллюзорна и, разумеется, моментально исчезнет вместе с выполнением обязательств.

Оплата сексуальной связи, не боюсь показаться оригиналом, в различных ипостасях играет для женщины по преимуществу компенсаторную роль, снимает комплекс неполноценности. Обосновывая свою гипотезу, прокомментирую ее фрагментами из рассказа известной шотландской феминистки Л. Брайан «На регулярной основе». Повествование, замечу, ведется от имени потрясенного мужчины. Итак...

Впервые он встретил героиню на службе — в библиотеке.

— Извините, — произнес голос, — я очень спешу. Не могли бы вы вернуть у меня книги? <...>

— Я не работаю в абонемента. Сейчас позову мисс Педи <...>.

И тут я увидел Эмили. Мой взгляд скользнул от ее девичьих грудей к лицу с холодными глазами и коротко подстриженными жирными волосами. Сердце сделало сальто-мортале, а то, что ниже пояса, затвердело. <...>

— Привет, — сказала она. — Меня зовут Эмили.

— Стивен, — ответил я.

Стивен, — повторила она. Красивое имя (Брайан 1997: 188).

И без видимых колебаний Эмили назначила свидание молодому человеку. Встретились они несколько раз, а затем Стивен был приглашен к девушке домой. И вот он в гостях.

— Какое-то время я рассматривал книги. Все без исключения о финансах.

— Что ты там углядел, Стивен? — спросила Эмили. Ее тонкая рука обняла меня за плечи.

— Здесь и не пахнет романами, — ответил я.

— Или книгами о женских проблемах, — рассмеялась Эмили. — Я прагматик, меня интересует только то, что заставляет мир вертеться.

— Деньги, — произнес я.

И секс. — Она взяла меня за руку и повела к предмету, завершавшему обстановку комнаты, — к своей кровати (Там же: 189).

Согласимся, речевая манера и стиль общения говорят о том, что перед нами типичная деловая, твердо стоящая на но-

гах эмансипированная женщина. И всё же воздержимся от скоропалительных выводов и продолжим повествование.

Эмили села на меня верхом и, опершись на руки и откинувшись назад так, что ее маленькие груди торчали, словно две порции желе, прояснила всё, что должно было произойти.

— Сегодня — бесплатно, — заявила она. — Брать деньги в первый же раз глупо. Ты больше не придешь. Если только ты не псих. А если псих, ты мне не нужен. <...>

— Погоди, Эмили, — запротестовал я.

Она приложила палец к моим губам и заставила меня замолчать.

— Не спорь, — сказала Эмили, — это хорошая сделка.

Мое тело жаждало Эмили, и я начал встречаться с нею на регулярной основе: раз в неделю по двадцать фунтов (Там же: 189).

Экстраординарность отношений стала угнетать юношу. И однажды он попытался уточнить соотношение статусов. И на прямую озвучил волновавшие его вопросы.

— Так, значит, Эмили, ты не проститутка? — спросил я по возможности небрежно. Она лежала на кровати и выглядела потрясающе: грудь полуобнажена, ноги прикрыты черным шелковым платком.

— Нет, — ответила Эмили своим хрипловатым голосом. — Я твоя любовница.

— Но тогда почему ты берешь с меня деньги?

Эмили объяснила. Она сказала, что мужчины часто обижали ее. Они принимали любовь Эмили и использовали это чувство против нее же самой. И теперь она берет деньги. Деньги означают, что она контролирует ситуацию, а следовательно, означает, что она в безопасности¹ (Там же: 189–190).

Сказано было без обиняков, дерзко. Этому вызову «мужскому» миру невольно проникаешься сочувствием и ждешь радикальных, самобытных шагов. А дальше произошло то, что и должно было свершиться.

Той ночью (продолжает Стивен. — С. Г.) мы впервые поссорились по-настоящему. Из разных концов спальни мы обменивались оскорблениями и упреками. Эмили сказала, что я типичный шовинист. Я

¹ Кстати, посыл не нов, задолго до этого в том же духе рассуждала и Симон де Бовуар: « <...> заставить мужчину платить, <...> значит сделать его своим орудием. Женщина таким путем защищается, чтобы не стать самой орудием в руках мужчины; он полагает, что “имеет ее”, но это сексуальное обладание иллюзорно, это она его имеет, и в гораздо более серьезном смысле — в экономическом» (Бовуар 1997: 645).

ответил, что она типичная шлюха. <...> Эмили хотела, чтобы я любил ее такой, какая она есть, я хотел бесплатного секса (Там же: 191–192).

Чем же завершилась интрига? На первый взгляд — банально. Мужчина в конце концов добился привычного, отношения стали — «как у большинства». Вот как он сам рассказывает об этом.

Уже довольно давно Эмили не берет с меня денег. <...> Эмили носит розовые ситцевые платья. Чтобы волосы не топорщились, повязывает их широкой шелковой лентой. Поговаривает о том, чтобы продать свое дело. Хочет, чтобы я был кормильцем семьи, а она сидела бы дома. Эмили считает, что нам надо жениться. Она хочет детей. (Там же: 192).

Казалось бы, очередной эксперимент завершен, конфликт полностью исчерпан, на базе традиционного разделения сфер деятельности достигнут консенсус: мужчине — публичное, женщине — приватное. Однако душевный мир не наступил — «победителя» гложут сомнения:

Мне подумалось — может, стоило оставить всё как было, не добиваться перемен. <...> Я в отчаянии...» (Там же: 193).

Зададимся вопросом: кто же в результате потерпел фиаско? Разрешив (при помощи взывания «дани») проблему неполноценности, став сексуально *активной*, женщина вместе с тем вписалась в рутину повседневности (если так можно назвать юридически оформленный брак); напротив, мужчина, которому вновь вверили «руль», — растерян: им утрачены фундаментальные принципы мачизма. Не может не удивить и другое: героиня затратила колоссальную энергию на то, чтобы вырваться из-под влияния патерналистских традиций и норм — стать инициативной и автономной, а на поверку — инакость не восторжествовала, произошла банализация сексуальности. И тем не менее проигравших нет. Эффект от всплеска девичьей энергии (ее активная позиция и поза) не назовешь нулевым: он подорвал миф о жесткой «женско-мужской» природно-эротической детерминированности. Демистифицированность сексуальности, больше того — креативность женской эротической практики вольно или невольно заставила мужчину — несмотря на бессознательный протест — усомниться в незыблемости накатанной веками культурной колеи. С другой стороны, и феминистская идея о случайном преобладании в «теле» цивилизации патриархальных ценностей не нашла подтверждения.

Есть основания полагать, что сексуальная эмансипация женщин не только способствовала ее активизации в гетеро-, но и в гомогенных практиках. Лесбийство подчас претендует даже на более полное раскрытие «загадки» женственности, женского естества.

На взгляд С. де Бовуар, в половом акте мужчина стремится владеть женщиной, «<...> он входит в нее как лемех в борозду; он делает ее своею, как и обрабатываемую им землю» (Бовуар 1997: 194). Не в пример этому, однополый секс будто бы освящен ореолом бескрайности: влюбленная мечтает обладать предметом любви и одновременно — уподобиться ему или уподобить его себе, так иерархичность сменяется *партнерством*. Между прочим, и сама французская феминистка прошла этот путь. По воспоминаниям всё той же Б. Ламблен, во время одного из путешествий по Франции они «<...> сблизилась с Симонной физически, очень робко на первых порах. <...> На другой день, возвращаясь на автобусе в Париж, мы нежно держались за руки, чем, похоже, шокировали некоторых пассажиров» (Ламблен 2000: 91).

Не менее выразителен и другой пассаж. Кудашева-Роллан рассказывает об экспрессивной жизни М. Цветаевой ее биографу Веронике Лосской: «Я думаю, когда Марина вышла замуж за Сережу Эфрона, это была *обычная* (разрядка моя. — С. Г.) любовь между мужчиной и женщиной, и, как вы знаете, в таких случаях женщина ничего не испытывает. А в любви между женщинами — другое. Женщины умеют дать друг другу всё почувствовать: “жуир”¹» (Жук 1998: 64). Остается только удивляться безапелляционности, зашоренности Кудашевой. Если следовать ее логике, то нельзя не согласиться с философом и поэтом символистом Вл. Соловьевым:

Придет к нам, верно, из Лесбоса
Решенье женского вопроса.

(Соловьев 1998: 265)

Трибадия не менее устойчивое явление, чем уранизм. На это указывает, в частности, приведенный мною, хотя статистически скудный, но исторически устойчивый ряд наблюдений от Ип. Гарновского и И. Гельмана через Е. Деревинскую (см.: Де-

¹ Жуир (*фр.* jouire) — наслаждение жизнью.

ревинская 1965) до Б. Ламблен и Кудашеву-Роллан. Одна из возможных интерпретаций сапфического эроса может быть следующей. В гомогенных отношениях «ласки» («petting») предназначены не для того, чтобы завладеть партнершей, а чтобы с их помощью преодолеть разъединение, стереть границы чужого мира. В акте эротического присвоения тела Другого субъект сам становится Другим, но не посторонним (не угрозой), а любимым, разрушая тем самым иерархию, снимая противоречие «верха» и «низа». Между партнерами (если они не имитируют гетеросексуальный акт) возникает взаимность, каждая из них является в одно и то же время и субъектом и объектом (а не «бучем» или «феном»): двойственность выливается в согласие и на этом пути достигается наслаждение.

Невольно задаешься вопросом: неужели ироническая эпиграмма поэта оказалась пророческой? Так ли уж тесно сопряжено формирование женской субкультуры, мифологии, религии, философии и т. п. с почвой известного греческого острова? Напрямую ничто не свидетельствует об этом. Достижения женского эмансипаторского движения минувшего века в большей мере запечатлены в публичной сфере (право голоса, высшее образование, профессиональные, экономические позиции и т. п.), чем в приватной (распространение зоны сожительства (cohabit) и «внебрачной» рождаемости, т. е. отрицание бинарности). Дальнейшие перспективы этого движения (и в первую очередь в интересующем нас аспекте) настолько захватывающи и мультиобразны, насколько взрывоопасны и непредсказуемы. Иные скажут — слишком общо. А у меня и не было иной цели. В мою задачу входило поставить проблему: ее решение, смею надеяться, — впереди.

Глава 9

СУПРУЖЕСТВО И СЕКСУАЛЬНОСТЬ

Сочетание двух эмансипаторских движений — ослабление зависимости детей от родителей и жены от мужа — содействовало формированию постсовременного типа семьи. Супруги, по замечанию Э. Гидденса, стали рассматриваться как *cofrudники* в совместном эмоциональном предприятии, и это приобрело даже более важное значение, чем их обязательства по отношению к детям. «Дом» стал местом, где актер мог получить эмоциональную поддержку по контрасту с инструментальным характером рабочей среды (см.: Giddens 1992: 26). Эти перемены еще выразительнее обрисовал американский специалист по социологии семьи Рубен Хилл: «С утратой семьей своей функции как экономической производящей единицы и включением молодых людей в сложную внесемейную профессиональную структуру молодая пара получает не только жилищную и профессиональную автономию, но также и автономию в своих решениях в сфере воспроизводства. Как вертикальные, так и горизонтальные связи с родственниками являются добровольными и необязательными, допускающими экстенсивный обмен вещами и услугами, но не нарушающими, однако, оси преданности и любви, которая сейчас сдвинулась от *поколенных единичных уз в сторону супружеских отношений* (Хилл 1977: 203–204; курсив мой. — С. Г.).

Представленный тип семьи назван мною «супружеским». В этих семьях стратегические отношения определяются не родством (как в «патриархальных») и не порождением (как в «детоцентристских»), а свойством. Муж и жена отказываются безоговорочно подчинять собственные интересы интересам де-

тей; сексуальность не сводится к прокреации; супружеские отношения пронизывает эротизм, акцентируемый как важный элемент постмодернистской семьи.

Супружеская семья — своеобразная кооперация с уникальными возможностями для отхода от зависимых отношений и раскрытия всесторонней деятельной палитры по всем структурным каналам: «муж — жена», «родители — дети», «супруги — родственники», «дети — прародители». Словом, в границах одного семейного типа возникают богатые и многослойные отношения между полами и поколениями, открывается широкое пространство для самореализации каждого актора. Однако в настоящей главе нас интересует не супружеская семья как таковая, а лишь одна из ее структурных составляющих — супружество (conjugalit).¹

Супружество — это личностное взаимодействие мужа и жены, регулируемое моральными принципами и поддерживаемое имманентными ему ценностями. Особо подчеркнут неинституциональный характер отношений, симметричность прав и, что не менее важно, асимметрию ролей мужа и жены. Это, кстати, указывает на исторически недавнее происхождение данного феномена. Действительно, принципы, лежащие в основе супружества, могли реализоваться в полной мере как следствие социальных сдвигов, сопровождавшихся индивидуализацией мужчин (расширением избирательности, ростом интернальной ответственности и автономии от социальных общностей) и распространением этих свойств на женщин, что, разумеется, было невозможно без расширения экономических и гражданских прав и свобод последних.

И второе уточнение. О каких имманентных супружеству ценностях я веду речь? Говоря общо — это «адаптационный синдром», «интимность» и «автономия». В другом месте мне уже доводилось подробно их представлять (см.: Голод 1984: 69–87), поэтому остановлюсь лишь на тех связях и зависимостях, которые так или иначе определяют сексуальные практики мужа и жены¹.

Зарождение в России XIX века института «ухаживания» предопределило новую семейную стратегию. Коль скоро вы-

¹ Полагаю уместным напомнить в нескольких строках общественную ситуацию, сложившуюся вокруг данной исследовательской проблемы. Инер-

бор — основа личности (Поршнева 1969: 345), то совместное проживание мужа и жены в условиях отсутствия раз и навсегда закрепленных экспектаций, статусов и ролей требует адаптации их индивидуальных планов, образов и практик относи-

ция периода «евнуховидности» (30–60-е гг.) еще долго давала себя знать. Осознание важности сексуальности для супружества пришло далеко не сразу. Вот два, хотя и разноплановые, но в равной мере наглядные образчики. В 1964 г. увидела свет монография ведущего отечественного социолога семьи 60–80 гг. XX в. А.Г. Харчева «Брак и семья в СССР: Опыт социологического исследования», в которой супружеская сексуальность была напрочь проигнорирована. Бедный Плутарх! Именно это обстоятельство, по-видимому, послужило поводом для написания застольной частушки известным уральским социологом Л.Н. Коганом: «Кто был когда-то юн и молод, / Поймет, что значит в сексе Голод. / Ни антрекот, ни блин, ни кекс / Не утолят голодный секс. / В трудах А. Харчев, меру зная, / Уют семейный воспевает. / А Голод С. не зная мер, / Усердно хвалит адюльтер. / Оставил сектор нам в наследство, / Идеи светлые свои: / По Харчеву — семья без секса, / По Голоду — секс без семьи». Через 15 лет вышло второе, дополненное издание указанной книги. В ней уже обнаруживаем в общей сложности более двадцати страниц, непосредственно посвященных сексуальным отношениям — молодежным нелегитимным практикам, экспрессивной удовлетворенности супругов, «внебрачной» рождаемости и т. п. Так к концу 70-х гг. была реабилитирована, хотя и в урезанном формате, сексуальность.

Другая иллюстрация — из моей собственной научной деятельности. Во второй половине 70-х гг. я должен был исследовать по плановой теме факторы, влияющие на стабилизацию семьи. Предполагалось изучить взаимоотношения супругов. Для реализации указанной цели объектом наблюдения была выбрана супружеская пара; с учетом этого обстоятельства и составлялся вопросник. Как было принято в то время, анкета посылалась на утверждение в соответствующее подразделение обкома КПСС. В один из дней заведующий Отделом социологии института социально-экономических проблем (ИСЭП) АН В.А. Ядов и я срочно были вызваны к заместителю директора по науке А.В. Дмитриеву. Мы застали профессора озабоченным. Оказывается, позвонили из обкома и сообщили, что мою анкету не утвердят до тех пор, пока не будут исключены вопросы о сексуальности. Я пытался убедить зам. директора академического института, что изучать супружество без анализа сексуальности бессмысленно. Но он уперся и ни в какую. Естественно, я отказался проводить исследование. В свою очередь, Дмитриев пообещал применить санкции. И тогда хитроумный Ядов (чем не Одиссей?!) придумал ход: «Брось, Сергей, упираться! — сказал Владимир Александрович, — их не переубедить. Поэтому мы поступим следующим образом. Пошлем анкету в том виде, который их устраивает, а сами наберем вопросы о сексуальности на отдельном листе и после официального утверждения вклеим в каждый экземпляр отдельно». Так и поступили. Вся операция прошла никем не замеченной, хотя эта страница и выделялась среди прочих. Respondенты в своей массе удивлялись: почему все другие вопросы расположены с двух сторон листа, а «про это» — с одной стороны?

тельно друг друга. Под адаптацией обычно понимается целостная система активных и направленных действий акторов, способствующих не только поддержанию динамического равновесия в конкретных социальных условиях, но и обеспечивающих возможность эволюции при их изменении (см.: Анохин 1973: 29–32). Применительно к рассматриваемой проблеме должен существовать ряд тесно связанных между собой приспособительных отношений, каждое из которых в большей или меньшей (но непременно в значительной) степени оказывает воздействие на устойчивость супружества. И действительно, судя по моему эмпирическому материалу, существует по меньшей мере семь адаптационных ниш: духовная, психологическая, сексуальная, информационная, родственная, культурная и бытовая¹. Эти ниши имеют подвижную иерархизированную структуру, сдвиги в ней не в последнюю очередь предопределяются фазой развития индивидуальной семьи (стадийный разрез). Так, верхняя половина приспособительной шкалы (опрос

Когда через три года был проведен повторный опрос, то к анкете никаких претензий не предъявлялось — здравый смысл восторжествовал! Кстати, этот, мягко выражаясь, «прогнутый» господин (Дмитриев) в настоящее время является членом-корреспондентом РАН и благополучно занимает чиновничий пост в руководстве указанной организации.

¹ Охарактеризую коротко информационную базу, на которую я буду опираться при анализе супружества. Объект изучения — городская семья, просуществовавшая от момента заключения брачного союза до 15 лет (на первом этапе — 1978 г. — до 10 лет). С чем связан выбор таких временных границ? Во-первых, здесь улавливается момент правового оформления брака. Во-вторых, как следовало из государственной статистики, пик зарегистрированных разводов приходился на легитимные союзы, просуществовавшие не более 3–4 лет. Значит, именно на этом временном отрезке можно зафиксировать истоки супружеских напряжений. В-третьих, обобщение как литературных источников, так и моих прошлых исследований (см.: Голод 1975; Тийт 1978) показало, что где-то после 5–6-летнего совместного проживания происходит стабилизация (или, по крайней мере, один из ее важных этапов) супружеских отношений. И наконец, представительство группы от 11 до 15 лет важно потому, что в этих границах по преимуществу исчерпывается рождаемость.

Объем выборки — 750 брачных пар. Выборка случайная, районированная. Опрос проводился в 1978, 1981 и 1991 гг. Все временные отрезки: до 1 года, 1–2 года, 2–3 года, 3–4 года, 5–10 лет и 11–15 лет; в каждом из опросов представлены по пятьдесят пар. Социальный состав характерен для городского населения: рабочие, служащие, интеллектуалы, студенты и домашние хозяйки. В 1978 г. опрос пар проводится в основном (около 80%) во Дворце торжественной регистрации новорожденных «Малютка». Момент

1978 г.) в «переходной» стадии (ее продолжительность — в среднем от одного до полутора лет совместной жизни) выглядит следующим образом: духовная, психологическая, *сексуальная* и культурная, а в «сбалансированной» (не менее пяти лет совместной жизни) — духовная, информационная, *сексуальная* и бытовая. По уточненным данным (опрос 1981 г.) *сексуальность* неизменно занимала третье место среди адаптационных ниш: у супругов состоящих в браке до 10 лет, — после духовной и психологической совместимости, и у совместно проживших от 10 до 15 лет — после духовной и бытовой. И хотя место сексуальности в адаптационной иерархии в принципе неизменно, это вовсе не означает постоянства в получении экспрессивно-наслаждения каждым из супругов на протяжении всей индивидуальной биографии.

В целом сценарии эротической удовлетворенности жены и мужа в зависимости от продолжительности брачного стажа совпадают, в то время как количественные различия более чем очевидны (гендерный разрез). На первом году союза значительное число женщин (48%, данные 1981 г.) испытывают от сексуальной близости с супругом наслаждение, и только около

регистрации ребенка придает супругам некий дополнительный и чаще всего положительный импульс. Поэтому следовало ожидать несколько завышенных показателей брачной удовлетворенности. Хотя в 1981 г. опрос проводился в основном там же, некоторое дополнительное число супругов опрашивались в Невском районном ЗАГСе Ленинграда, где преобладало рабочее население. Здесь сознательно отбиралось большее количество супружеских пар из числа свидетелей, чтобы тем самым снизить искусственно завышенную при первом опросе удовлетворенность браком. В 90-е гг. опрос охватил два района города. В последнем случае за сбор полевого материала были ответственны А. Клэцин и Л. Суслова.

Исходя из поставленной цели — выяснения механизма становления и кризисного протекания взаимодействия мужа и жены — единицей наблюдения была определена супружеская пара. До тех пор в отечественных социологических исследованиях семьи, как правило, опрашивался кто-то один из супругов (см.: Сафро 1978). По его ответам судили об удовлетворительном функционировании брака и о семейном поведении в целом. Такой подход представлялся мне, по меньшей мере, недостаточным. Поэтому я обратился к обоим супругам. Ответы мужа и жены на унифицированный вопросник дают возможность, с одной стороны, уловить меру согласованности (или несогласованности) их восприятий частных аспектов брачной ситуации, с другой — выявить специфичность ожидания и практик каждого из супругов, детерминированных половым диморфизмом и субкультурными различиями.

2% — полнейшее разочарование¹. На следующем этапе (годам к трем)² наступает резкое разочарование: количество женщин, испытывающих от плотской близости с мужем яркость переживаний уменьшается почти на 20% и, напротив, чуть ли не втрое возрастает число разочарованных вплоть до психофизической неудовлетворенности или, по меньшей мере, индифферентности (правда, удельный вес таких особей не столь уж велик — 11,3%). Где-то к 4—5 году супружества, скорее всего, в результате «пригонки» индивидуальных экспектаций, эмоциональных миров и телесных позиций, происходит «всплеск» эротического наслаждения, почти доинституционального объема (46%). В дальнейшем (после 6—7 лет) кривая «удовольствия» вновь устремляется вниз, достигая к концу срока — 15-летнему стажу — 24%, параллельно ей нарастает эмоциональное и физическое безразличие (до 16%). В результате экспрессивное состояние подавляющего большинства жен стабилизируется на пассивной «удовлетворенности».

Обозначим теперь мужские сексуальные реакции, сопоставляя их с теми же стадиями эволюции индивидуальной семьи. На первом году совместного проживания интенсивность эротических реакций мужей (согласно данным 1981 г.) мало отличаются от эмоциональной отзывчивости их жен: каждый второй молодой человек испытывал наслаждение от плотской близости с партнершей, более 40% — удовлетворенность и только 2% — безразличие; специально заостряю внимание на полном отсутствии неудовлетворенных. И на следующей стадии, по большому счету, различия в реакциях супругов незаметны: резко снижается число достигающих яркости чувства в эротических практиках (с 52% до 33%) и, напротив, высвечивается микроскопическая доля неудовлетворенных (2,2%). К 4—5 году супружества у мужчин отмечается даже более интенсивное, по сравнению с их супругами, нарастание объема гедоников (58,3% против 45,8%). По мере накопления брачного стажа, словом, «опривычивания», отмечено падение кривой

¹ На первых порах совместной жизни у молодой пары, как правило, продолжается по инерции период неформальных отношений, и рутинная не озадачивает молодых супругов.

² К этому времени романтический флер по большей части спадает, ему на смену приходят повседневные заботы, что и провоцирует психологические и эмоциональные напряжения.

«удовольствия» и «взлет» индифферентности у акторов, хотя и не так интенсивно, как у их брачных партнеров.

Итак, согласно информации, собранной в 80-х годах, сексуальные реакции супругов в целом симметричны, вместе с тем удельный вес каждого из полов как по шкале «удовольствия», так и по шкале «брачный стаж» указывает на определенные нюансы, что, по-видимому, детерминировано субкультурной спецификой полов.

Оба положения — симметричность и субкультурная специфичность — сексуальных реакций мужчин и женщин в браке подтверждаются результатами опроса начала 90-х годов. Откровенно говоря, эти показатели несколько отличаются от полученных в предыдущем десятилетии, и тем не менее идентичность направленности трансформаций в целом подтвердилась.

Обратимся вновь к гендерному разрезу. Начнем с женской подвыборки. Пик эмоционального удовольствия, достигаемый женами (как и прежде), приходится на первый год совместного проживания. Почти 60% особ женского пола оценивают свои ощущения как «наслаждение» при полном отсутствии «безразличных» и «неудовлетворенных». В дальнейшем вплоть до 5-го года продолжительности брака удельный вес партнерш, достигающих эмоциональной карнавальности, снизился до трети, а затем кривая совершает «кульбит» и к десятилетию совместного проживания застывает на уровне 47%; после чего кривая устремляется вновь вниз, стабилизируясь к концу срока наблюдения (15 лет) на отметке 38%. За тот же период времени число замужних женщин, испытывающих эротическую индифферентность, возрастает более чем вдвое (от 8% до 18%).

В принципе аналогично протекает мужской сценарий. Разница сводится по преимуществу к количественному представительству в каждой из отслеживаемых фаз. И вправду, на первом году совместной жизни наслаждение сексуальностью чуть ли не поголовное (92%), тогда как к 10-му году таких уже менее половины (точнее 41%); на противоположном полюсе шкалы — неудовлетворенность — рост мизерный: от 0 до 6%. Нельзя проигнорировать и следующее обстоятельство: если на первом году брака разница между мужьями и женами, достигающими экспрессивного наслаждения значительна: 92% против 58%, то к 10—15 годам совместного проживания уровень наслаждения не только снижается, но и практически выравнивается (41% и

38%)¹. На другом конце шкалы — неудовлетворенность — различие, напротив, возрастает: 6% против 20%. Короче, «фейерверк» супружеского эроса тускнеет по мере накопления брачного стажа, причем у мужчин резче, чем у женщин; у первых срабатывает автоматизм (подсознательная психофизическая реакция) на телесное однообразие.

Следующая, вскользь уже упоминавшаяся ценность супружества, непосредственно фокусирующая окраску эротики, — *интимность*². В отечественной научной литературе понятие «интимность» нередко употребляется в качестве эвфемизма сексуальности. Это, несомненно, прямое наследие вековых традиций, идущих от христианской морали, которая в наиболее аскетичных формах (гностицизм) относилась к плотскому откровенно враждебно. Что касается интимизации семейных отношений, то исследования в этой области пребывают в зачаточном состоянии.

Попытаюсь, хотя бы в самом общем плане, ликвидировать сей пробел.

Для более прозрачного и объемного понимания обозначенной ценности, воспроизведу в тезисной форме «откровения», позаимствованные мною из отчетов финнов о трансформации сексуального поведения их соотечественников. Финские социологи, в частности, пишут: «Кроме экономической независимости и свободы в целом на женское сексуальное раскрепощение повлиял и тот факт, что сегодня сексуальная инициатива всецело приемлема. Право женщин брать на себя инициативу завоевано ими в течение последних 20 лет. Лишь часть женщин *старшего возраста* (выделено мной. — С. Г.) выступает против. Мужчины <...> приняли это женское право еще 20 лет назад» (Kontula, Naavio-Mannila 1995: 207). И другая новация — углубление интимизации от поколения к поколению — оказала даже большее влияние на эротическую активность, нежели гендерное раскрепощение. «Увеличение числа успешных сексуальных взаимоотношений за последние 20 лет (речь идет об интервале между опросами, проведенными соответственно в 1971 и 1992 гг. — С. Г.) сопровождается, — по словам тех же исследователей, — ростом числа связей, параллельных постоянным. Доля мужчин, состоящих в постоян-

¹ Расхождение статистически незначительно.

² Интимный — близкий, тесный, душевный, искренний, сердечный (см.: Даль 1979: 47).

ных отношениях и при этом вовлеченных в параллельные, возросла с 24% до 44%, у женщин — с 9% до 19% (см.: Kontula, Naavio-Mannila 1995: 209).

В нашей стране, по сути, аналогичные финским эмпирические закономерности зафиксированы за более короткий срок — с 80-х по 90-е годы¹. В частности, произошел всплеск супружеской (попутно и внесупружеской, о чем пойдет речь в гл. 10) эротической раскованности и открытой заинтересованности в достижении взаимоприемлемого психосоматического наслаждения. При этом интенсификация гедонизма достигается, несомненно, как за счет повышения инициативности женщин, так и благодаря росту морального релятивизма и толерантности, свойственного молодым поколениям конца 20-го столетия. Выказанные гипотезы во многом базируются на сравнительных данных, полученных в конце минувшего века в двух городах России — Санкт-Петербурге и Туле. Супругов просили высказать мнение, кто из брачных партнеров *должен* быть инициативным, активным в сексуальном акте. Каков же оказался отклик? (См. табл. 10.)

Табл. 10. Мнение жителей Санкт-Петербурга и Тулы о предпочтительности сексуальной активности того или иного супруга в сопоставлении с полом респондента (в %)

Город	Санкт-Петербург					Тула				
	«Активный» актор				Кол-во человек в выборке	«Активный» актор				Кол-во человек в выборке
	Супруг	Супруга	Нет разницы	Затруднился ответить		Супруг	Супруга	Нет разницы	Затруднился ответить	
Мужской	24,7	4,1	66,6	4,4	320	30,6	3,5	59,4	5,9	170
Женский	27,7	2,1	57,1	12,8	382	27,3	—	61,0	11,3	231

Рассмотрим соотношение суждений по каждому из городов. В Санкт-Петербурге более половины респондентов (независи-

¹ Такая интенсивность процесса в России, вероятно, объяснима разными стартами преобразований в сексуальной сфере.

мо от пола) не видят принципиальных различий в заинтересованном и раскованном участии обоих партнеров в психоэмоциональной деятельности, во взаимобмене удовольствиями. Наблюдается нарастание нового явления — в рамках супружества оттачивается сотрудничество акторов в «совместном эмоциональном предприятии» (Э. Гидденс) (эгалитарная установка). В разряд «колеблющихся», затруднившихся однозначно интериоризировать ту или иную позицию, а тем более ее озвучить, попало в общем-то небольшое число жителей мегаполиса, при этом не может не броситься в глаза — женщин оказалось почти в три раза больше, чем мужчин. Эта группа лиц, нет сомнения, — ближайший резерв экспрессивно-эротических «уровнителей». Они уже отказываются пассивно разделять традиционные представления о пристойности, исторически определяющие место мужчин и женщин в обществе, но вместе с тем еще не созрели для их практического пересмотра.

Массовая устремленность к эгалитаризму в супружеской эротике свидетельствует не только о нарастании симпатии и расположенности между мужем и женою, но и о зарождении морально-экспрессивного взаимодоверия — индивидуальной автономии.

Отвлекаясь ненадолго от статистического анализа, скажу несколько слов об особой роли третьей ценности супружества — *автономии*. Описанные выше ценности — «адаптационный синдром» и «интимность» на разных этапах трансформации индивидуальной семьи не просто сосуществуют, а составляют единую структуру, объединяющую супругов по внешним поведенческим контурам и по внутриличностным (экзистенциальным) каналам, образуя тем самым два остова, стабилизирующих брак до поры до времени. Иными словами, до определенного момента совместного проживания мужчин и женщин то или иное сочетание адапционных и интимных компонентов способствует созданию атмосферы их эмоционального взаимопретяжения. Вместе с тем на определенной стадии эволюции актуальной семьи в отношениях супругов начинает ощущаться напряжение. Назревающий конфликт может быть разрешен, по-видимому, двумя независимыми путями. Первый — развод и потенциальный повторный брак (*remarriage*), второй — «задействие» контрастирующей, отвечающей за развитие института ценности — автономии. Автономия выражается в том, что интересы каждого из супругов стано-

вятся разнообразнее семейных, а потребности и круг общения мужа и жены выходят за пределы брака; их экспрессивные устремления в «постмодерной» семье опираются не столько на обычаи (как в «патриархальной») и традиции (как в «детоцентристской» семье), сколько на гендерные психосоматические особенности актора, поколенческие нравственные образцы, цивилизационные представления о пристойности (мода) и эстетический идеал. В конечном счете автономия не является стопроцентной гарантией сохранности «первичного» брака, ибо по природе этот институт становится эвентуальным¹.

Вернемся к рассмотрению показателей табл. 10. Около четверти респондентов, опрошенных в Санкт-Петербурге, приписывают почти в равной мере инициативу, согласно традиционному стереотипу, — супругу, сопрягая его (стереотип) с агрессивностью, психофизической неустойчивостью (инерция *мужского шовинизма*). И наконец, последнюю ориентацию — *нравственно-эмоциональный феминистский экстремизм* — отстаивает ничтожная доля респонденток («амазонки») и, что более всего удивительно, несколько большая — респондентов (хотя и она символична). Разумеется, вовсе проигнорировать эту позицию было бы неверно. Насколько плодотворен выявленный «перевертыш» — предмет для тщательного размышления. Петербуржцам, как вытекает из представленных свидетельств, присущ широкий спектр суждений по поводу меры инициативности и актуального эротико-экспрессивного статуса каждого из супругов в процессе интеракции.

Проведем аналогичную процедуру, анализируя структуру ответов туляков. Наибольшее число жителей Тулы не склонны акцентировать экспрессивную активность исключительно одного из полов. Интересно и то, что женщины в своих «уровнительных» поисках даже несколько опережают мужчин². Вместе с тем по традиции почти треть возлагают эротическую активность на супруга. Если среди тулячек доля признающих свой «вторичный» (подчиненный) сексуальный статус в браке совпадает с петербурженками, то консерватизм туляков в этом отношении простирается намного дальше. Однозначно затруднились сформулировать свою позицию вдвое меньше муж-

¹ Эвентуальный — возможный при определенных обстоятельствах.

² Различия статистически незначительны.

чин, чем женщин, проживающих в провинциальном поселении; последним, по всей вероятности, преодоление викторианского комплекса дается не без усилий. В принципе, у населения Тулы представление о месте каждого из супругов в эротическом взаимодействии столь же многообразно и соотносимо с полом, сколь и у петербуржцев. Вместе с тем у горожан этих населенных пунктов прослеживаются небольшие различия в мыслительных клише и поведенческих образцах, свидетельствующие о наличии следов «двойной» морали. Так, относительно большее количество супругов из среднего по численности города, по сравнению с жителями мужского пола много-миллионника, отстаивают маскулинные ценности, в то время как женщины-тулячки конца XX века не могли и помыслить о собственной ведущей роли в эротическом процессе.

Промежуточный вывод, к которому я пришел в результате осмысления данных опросов, проведенных в течение двух последних десятилетий, гласит: не только в мегаполисе, но и в средних российских городах роль эротики в жизни обоих полов как в рамках брака, так и за его пределами заметно возросла и разнообразилась. Надеюсь, картина станет более полной при сравнении межпоколенного сексуального репертуара. Надо без обиняков признать, что в России последних десятилетий XX века вскрыта межпоколенная контрастность как в matrimониальных, так и эротических практиках¹.

Подавляющее большинство (почти 70%) петербуржцев, не достигших к моменту опроса 24 лет, высказались в пользу равенства партнеров в получении экспрессивного наслаждения; менее пятой части отстаивали принципы, традиционно ассоциируемые с маскулинным стереотипом — приоритетность, напористость и интенсивность переживания; каждый десятый молодой человек оказался не в состоянии однозначно ответить на поставленный вопрос. И лишь 2% респондентов, войдя в радикальное противоречие с патриархальными установлениями, отдали пальму первенства активного проживания сексуальности — женщинам («эскалаторная» манифестация). Стало быть, не подлежит ни малейшему сомнению, что молодое поколение

¹ Для проведения соответствующей статистической процедуры респонденты были сгруппированы в три возрастные когорты по годам рождения: «молодая» (1975–1981 гг. р.), «средняя» (1955–1964 гг. р.) и «старшая» (до 1944 г. р.).

мегаполиса активно отстаивает равенство супругов «вкушать» разнообразное, эмоционально насыщенное эротическое удовольствие; одновременно молодые люди настороженно относятся к экстремистской инициативе своих партнерш.

Следующая (по возрасту) когорта петербуржцев демонстрирует промежуточное (между «молодыми» и «пожилыми») мировосприятие. Среди них выявлено относительно большее число лиц (каждый четвертый), отстаивающих мужские эротические «привилегии»; в то же время в пределах 60% закрепились эгалитарные attitudes по поводу возможности получения наслаждения супругами (как по форме, так и содержанию) и столь же, как и у молодого поколения, незначительна устремленность к поощрению женской инициативности, противоречащей стереотипу фемининности. Горожане «старшего возраста» манифестируют откровенный machism: почти 37% из них придерживаются мнения о преференции исключительно мужской активности, тогда как менее половины (точнее 43%) склонны одобрять симметричность в получении эротического удовольствия брачными партнерами.

Большее различие фиксируется между крайними поколениями («молодым» и «пожилым») в среднем российском городе. Каждый четвертый молодой туляк приписывает возможность сексуальной инициативы (манеры ухаживания, вид петтинга, предпочтение поз и т. п.) исключительно мужчине, причем пожилые разделяют такое мнение вдвое чаще. Почти 70% представителей молодой когорты высказались за гедонистическое равенство брачных партнеров и только треть представителей старшего поколения поддержали идентичную позицию. Наконец, среди тех, кто не сумел однозначно ответить на поставленный вопрос, оказалось соответственно 5% против 19%.

Сопоставление предпочтений населения двух городов показало, что расхождение в ориентациях между петербуржцами и туляками в целом менее существенно, чем между «молодыми» и «пожилыми» поколениями внутри каждой из подвыборок.

Для репрезентативного показа влияния «поколенного» фактора на трансформацию эротического поля, дополнил собственные эмпирические разыскания данными национального французского опроса. Я целенаправленно выбрал такой репертуар, который, во-первых, российскими социологами, как правило, игнорировался, во-вторых, назрела необходимость расширения

зоны «кинзианских» сюжетов — мастурбация, содомия, фелляция и куннилингус.

Итак, большое различие между мужчинами и женщинами проявилось в отношении *автоэротизма*: первые занимались им вдвое больше, чем вторые (84% против 42%). Если мужчины всех возрастных групп от 80% до 90% сообщали, что онанировали хотя бы один раз, то в женской совокупности лишь в возрастном отрезке от 25 до 44 лет таких оказалась значительная доля (более 50%). Среди женщин в возрастной группе старше 45 лет доля «признавшихся» в мастурбировании невелика (менее 30%). В подборке самых молодых (от 18 до 24 лет) сообщили о вовлеченности в этот вид парафилии не более трети женщин. Мастурбация, являясь нормальной и квазиуниверсальной практикой молодых мужчин, свойственна лишь меньшинству женщин того же возраста: существенная доля первых попыток женской мастурбации если и дает о себе знать, то после двадцатилетнего возраста. По мнению социолога А. Бежена, отвечавшего за данный раздел французского отчета, как уже говорилось выше, эта практика в целом-то довольно низко оценивается женщинами, она «слишком легкая», здесь не нужно соблазнять или привлекать партнера, следовательно, она не способствует подтверждению собственной привлекательности. Более того, мастурбация продолжает связываться с идеей одиночества и не может удовлетворить потребность любить и быть любимым (см.: Бежен 1998: 144).

Три четверти мужчин и две трети женщин применяли фелляцию. Меньше всего этот вид орогенитальных контактов распространен среди самых старших представительниц женского пола (только 42% 18–19-летних, уже имевших опыт). Но доля женщин, практикующих ее, увеличивается с возрастом и опытом *супружеской* жизни (82% среди 25–34-летних). Зато половина женщин старше 55 лет сообщают, что не ведали никакой фелляции¹. Совершенно ясно, делают вывод исследователи, что в данном случае сказывается воздействие поколений — эти женщины стесняются сообщить о фелляции, да и в реальности реже к ней прибегали.

Куннилингус распространен во Франции немного чаще, чем фелляция. Три четверти женщин и четыре пятых мужчин утвер-

¹ Интересный факт: в славянской культуре фелляцию приписывают французскому менталитету.

ждают, что практиковали его. Женщины самых зрелых поколений (старше 55 лет) менее сдержанны по отношению к этому «пассивному» способу эротики, чем к фелляции. И здесь все-таки наиболее вовлеченными оказались 25–34-летние молодые (87%), но уже достаточно зрелые как мужчины, так и женщины.

Анальное проникновение, или содомия, остается активностью меньшинства: ее практиковали (хотя бы один раз) только 30% мужчин и 24% женщин. В целом лишь 3% представителей обоих полов ответили, что часто пользуются этим видом сексуального контакта, а 12% мужчин и 10% женщин — иногда. Но содомия не осталась неведомой ни для одного поколения. Если среди мужчин в возрасте от 25 до 44 лет (скорее всего состоящих в легитимном союзе) самая большая доля таких, кто опробовал ее в качестве эксперимента, то среди молодежи от 18 до 24 лет — наибольшая доля тех, кто занимается ей часто (5%). Эти показатели, заключают французские исследователи, означают не только реальное расширение такой практики (от себя добавлю — и всех остальных из предъявленных выше), но и, без сомнения, и более толерантный социальный контекст, облегчающий признание в ее использовании (см.: Spira, Bajos 1993: 128–129)¹.

Российский эмпирический (и статистический) материал, проанализированный, в первую очередь, в гендерном и поко-

¹ Обозначенные линии поведения характеризуют некоммерческую (в том числе, супружескую) эотику второй половины 20-го столетия, и главным образом молодых пар, как весьма пластичную: с одной стороны, наблюдатели выявили скорее экспериментальные, экстенсивные образцы сексуальных практик, с другой — помимо воли исследователей произошло развенчание мифа о проституции, якобы открывающей безбрежный и изысканный простор для мужской релаксации. Фактически оказалось, что некоммерческая сексуальность вполне конкурентна, ибо она наделена, по меньшей мере, идентичными плотскими возможностями и в то же время в силу совпадения душевных (экзистенциальных) миров партнеров (всё равно, легализован или нет их статус), безусловно, превосходит все искусные ухищрения профессионалок. Вовсе не случайно в «Камасутре» говорится по этому поводу: «При посещении мужчин гетеры получают наслаждение и, согласно обычаю, — средство существования. Общение ради наслаждения — естественно, ради выгоды — искусственно. Но и в этом случае пусть она [гетера] изображает естественное чувство, ибо мужчина обычно доверяет женщинам, выказывающим любовь. Чтобы изобразить это, пусть она представится бескорыстной и, чтобы обеспечить [свое] будущее, пусть не добивается выгоды неподходящими способами» (Ватсыяна 1993: 114). Можно полагать,

ленческом ракурсах, и аналогичные сюжетные линии, заимствованные из опросов, проведенных в других европейских странах (Франции, Финляндии, Германии, Швеции), обнажили мозаичный и плюралистический эротический ландшафт. В этой связи нельзя не задаться вопросом: в состоянии ли институт брака выступать, как это было на протяжении многих столетий, *монополистом* в регулировании сексуальных практик и прокреационной деятельности? Полагаю, пора отбросить лицемерие и подтвердить уже ранее звучавший тезис — нет. Проясняя эту мысль, сошлюсь на два явления, зафиксированные в индустриальных странах за последние десятилетия, иллюстрирующие радикальную трансформацию всего пространства matrimониальности. В частности, речь пойдет о динамике «сожительства» (cohabit) и рождаемости у родителей, официально не зарегистрировавших свои сексуальные отношения.

По свидетельству французского социодемографа Л. Руссе-ля, обобщившего статистические показатели по пяти странам (Дания, Франция, Голландия, Швеция и США), массовое распространение фактических, но не оформленных браков начинается с середины 70-х годов. Наиболее показательны в этом смысле кривые по Швеции и Франции. В первой из них — среди мужчин 25–29 лет в 1975 году сожительствовали 21%, к 1985 году доля такой практики возросла до 31%; среди женщин (того же возраста) — соответственно 17% и 31%; во второй — та же возрастная когорта: у мужчин (в течение 10 лет) — от 3% до 17%, у женщин — от 2% до 11% (см.: Roussel 1989: 1–8)¹.

Репрезентативный опрос, проведенный в 1996 и 1999 годах в трех регионах Европейской России (Ивановская область, города Екатеринбург и Пермь), указывает на распространенность незарегистрированных браков. По данным 1996 года, в фактических браках состояли 14% женщин в возрасте 20–24 лет, а по результатам последующего опроса — 17,4%. Относи-

что новая эротическая составляющая постмодернистского брака будет способствовать если не «затуханию» проституции вообще, то хотя бы сведению ее со временем к минимуму. Таков мой ответ сторонникам регламентации.

¹ «Среди сегодняшней молодежи, — замечает один из американских социологов, — произошел сдвиг от брака к сожительству. Во многих случаях их сверстники и родители знают об этом. У меня такое чувство, если кто-то говорит: “Давай пойдем вечером в кино”, то им всё равно, пойти ли в кино или остаться дома и заняться сексом» (Саймон 2003: 45).

тельно общего числа женщин, состоящих в браке в том же возрасте, доля тех, кто живет в незарегистрированных союзах, оказалась еще более впечатляющей — 22% в первом случае и 30% во втором (см.: НР 2002: 32).

Аналогичные процессы стали наблюдаться с 80-х годов и в сельской местности. Основываясь на динамике рождения «внебрачных» первенцев в Сибири, регистрируемых по заявлению обоих родителей, А.Р. Михеева зафиксировала существование фактических браков молодых матерей в возрасте от 15 до 19 лет (см.: Михеева 1994: 142).

Несколько слов о состоянии внебрачной рождаемости у нас. Рост доли «внебрачной» рождаемости в общем объеме рождаемости начался у нас со второй половины 80-х годов и происходил нарастающими темпами вплоть до 1999 года (с 12% до 28%), когда процесс несколько замедлился. Единственная категория родившихся, продолжающая увеличиваться в абсолютных размерах с 1993 года, — это рождение детей, зарегистрированных по совместному заявлению отца и матери, которые не имеют свидетельства о заключении взаимного брака (к 2001 г. их доля достигла 47,6%). Иначе говоря, не заключившие по каким-то соображениям официального союза мужчина и женщина идут на сознательное зачатие ребенка и, мало того, не скрывают (вопреки идеалам иудео-христианской морали) его рождение, производя по обоюдному согласию запись в государственном акте.

Россия, как по уровню внебрачной рождаемости, так и по темпам ее роста занимает срединное положение в ряду экономически развитых стран. Примерно такой же уровень отмечен в Австралии, США, Канаде, Австрии, Ирландии, Венгрии, Румынии. Существенно ниже, чем в России (в два раза и более), показатели в Бельгии, западных землях Германии, Греции, Италии, Испании, Швейцарии, Польше, Хорватии, Боснии, Македонии, Японии. Выше, чем в России (на уровне 40% от числа всех родившихся), внебрачная рождаемость во Франции, Великобритании, Дании, Финляндии, Норвегии, восточных землях Германии, Новой Зеландии, Латвии, Эстонии, Швеции (в последних трех странах показатель превышает половину от всех родившихся; см.: НР 2002: 54).

Вместе с тем категорически отрицать регулируемую роль института брака в эротике и прокреации также нет оснований.

Образно говоря, наряду с ним высветился иной агент — *личность* с ее непременным атрибутом — избирательностью. Мужчины и женщины, избегая публичности в оформлении (религиозного или светского) брака, вовсе не склонны отказываться от официального признания ребенка. Отсюда и дерегуляция — столкновение интересов социального института и актора. Одно дело, когда все действия заранее предписаны — господствуют обычаи или традиции; другое — когда решение о вступлении в эротическую связь здесь и сейчас должен принимать сам человек, сообразуясь со всей совокупностью обстоятельств и таких нравственных понятий, как «долг» и «свобода», а подчас под влиянием подсознательных импульсов и переполняющих его страстей.

Каким же видится в описанных условиях возможность смягчить противоречия между самоценным (и полифункциональным) эросом и сексуальностью, акцентированной на прокреацию?

Вспомним, в прошлом все, за редким исключением, мужчины и женщины вступали в брак. К примеру, вероятность того, что немец или немка в конце XX века хотя бы один раз в жизни вступят в брак, составляла 60% против 90% сорок лет назад (см.: Schmidt 2002: 56). Стремилась молодая люди к этому, вероятно, в ожидании удовлетворения наиважнейших потребностей. Эвдемонизм¹ всегда был в их числе, но счастье в браке рассматривалось, по крайней мере теоретически, как вторичное по отношению к приоритетной потребности — деторождению. Относительно любви ожидалось, что она придаст рутинной повседневности определенную теплоту. Реально же отношения между мужем и женою, как правило, не выливались в страсть, скорее в заботу, ставшую традицией или, в лучшем случае, имитирующую нежность. Сексуальность занимала, очевидно, достаточную нишу (особенно у мужчин), но без интимности и необузданных чувств.

К концу минувшего века для большинства молодого европейского населения порядок приоритетов стал иным. Прежде всего, каждый из супругов ждет от брака того, что «не заложено» в его природе как социальном институте, — эротике

(вплоть до «романтической» любви) и счастья, то есть личностной самореализации¹, а рождение ребенка рассматривается как исполнение хотя и важной, но не первоочередной нужды (поэтому оно откладывается на более поздний срок). Отсюда и невозможно представить себе совмещения: полного «слияния» в любви и признания эротической автономии для каждого из супругов; долг друг перед другом и свободу расторжения союза; непререкаемый авторитет одного из партнеров и их эгалитарность; поощрение профессиональных амбиций мужа и жены и готовность к выстраиванию собственных индивидуальных биографий — всё это не может функционировать параллельно с моногамией.

¹ Эвдемонизм — направление в этике (сложилось в античной философии), признающее критерием нравственности и основой поведения человека стремление к счастью.

¹ Прав немецкий социолог У. Бек, когда утверждает, что если в 50-е и 60-е годы на вопрос: «Какую цель Вы преследуете в жизни?» — люди четко и ясно отвечали в категориях «счастливой» семейной жизни: построить собственный домик, купить автомобиль, дать детям хорошее образование, то к началу 90-х годов многие заговорили на другом языке — по необходимости неопределенном — о «самоосуществлении», «поисках собственной идентичности», «развитии личных способностей» (см.: Бек 2000: 143).

Глава 10

ПРЕЛЮБОДЕЯНИЕ (АДЮЛЬТЕР): ГИПОТЕЗЫ, ФАКТЫ, СЦЕНАРИИ

В общественном сознании адюльтер ассоциируется главным образом с соматической «изменой», вследствие чего качественно разнородные сексуальные отношения с нелегитимным партнером оцениваются (за редким исключением) как безнравственные. Право же, невозможно представить себе обсуждение интимных сторон жизни актора без эмоциональных переклестов, приводящих в конечном счете к малопродуктивным дискуссиям. Зададимся вопросом: кому или чему изменяет мужчина или женщина, состоящие в браке и вступившие в параллельную сексуальную связь? По-видимому, возможны два варианта ответов: (а) супруге(-гу) — нелегитимные отношения нарушают моногамный принцип «вечной верности»; и/или (б) брачным установлениям — происходит уклонение от прокреативной цели. Убежден: широкая распространенность таких взглядов не делает их аксиоматичными. Обсудим вкратце оба предположения.

В принципе, когда влюбленный (мужчина или женщина) говорит: «Я люблю тебя навеки», то он/она неосознанно, под влиянием страсти, смешивает «человеческое» — телесное, изменчивое — с «божественным» — бессмертным, неизменным; иными словами, уподобляет себя Богу. Изысканнее выразил эту мысль знаменитый немецкий философ: «Институт брака упорно поддерживает веру, что любовь хотя и страсть, однако как таковая способна продолжаться долго и что любовь, продолжающаяся всю жизнь, можно считать даже правилом. <...> Все институты, которые дали страсти веру в ее продолжительность и которые ругаются за ее продолжительность воп-

реки самому свойству страсти, дали ей новое положение: тот, кто бывает охвачен страстью, не считает это, как прежде, унижением и опасностью для себя, наоборот, он возвышается в своих глазах и в глазах себе подобных. Вспомните об институтах и обычаях, создавших из возбуждения минуты — вечную верность, из искры гнева — вечную месть, из отчаяния — вечный траур, из мимолетного, единственного слова — вечное обязательство: отсюда масса лести и лжи в мире, так как всё это по силам существу *сверхчеловеческому*» (Ницше 1901: 24). Прозорливость слов мыслителя опосредованно подтвердилась семейной практикой 20-го столетия, о чем свидетельствует, в частности, репрезентативность последовательной полигамии (так назвал этот феномен американский социолог П. Лэндис). Строго говоря, моногамный принцип — одна женщина и на всю жизнь — во многом исчерпал себя.

Повторные браки (remarriage) вовсе не современное явление. Они заключались и в прошлом по причине половозрастной асимметрии. В Англии по меньшей мере с 16-го столетия такого рода браки (по преимуществу вдовцов) составляли от 25% до 30% от общего числа заключавшихся союзов. В XVI—XVIII веках аналогичная тенденция наблюдалась и во Франции: от 20% до 33% всех браков заключались вдовцами. По Б. Адамсу, повторные союзы в США встречались всегда, но до XX века почти все они были результатом овдовения. Существенные демографические перемены, происшедшие на Западе в 19-м столетии (так называемый демографический переход), — изменение в смертности, а затем и в рождаемости — повлияли на количественные и качественные параметры последовательной полигамии (см.: Itinger-Tallman, Pasley 1987: 24–27). В чем смысл этих перемен?

Согласно Б. Адамсу, в 1900 году 3% всех новобрачных приходилось на разведенных; в 1930 году — 9%, а в 1975 году — уже 25%. В пределах пяти лет после развода 3/4 бывших супругов вступают в новый союз (см.: Adams 1986: 347). В России, хотя и с некоторым запаздыванием, трансформация модели полигамного союза пределала в целом европейский путь:

• за полтора десятилетия (с 1980 г. по 1995 г.) зафиксирован рост удельного веса повторных браков (в том числе среди разведенных с 14% до 25%);

- заключение последовательно полигамных союзов к началу 90-х годов стало событием, равновероятным для обоих полов;
- доля вдовых среди вступающих в такого рода отношения устойчива и незначительна (см.: НР 2002: 25–33).

Наступил черед обсудить вторую гипотезу. Большинство людей искренне верят в свою осведомленность о назначении института брака. Так ли это? Смеем утверждать — нет. Брак — это исторически разнообразные механизмы социального регулирования (табу, обычаи, традиции, религии, право, нравственность) сексуальных отношений между мужчиной и женщиной, направленные на поддержание непрерывности жизни. Короче, институт брака призван продолжать род. Само собой разумеется, конкретный индивид (или пара), закрепляющий союз в светской или религиозной организации, может и не осознавать глубинного смысла своего поступка, но по существу это ничего не меняет. На протяжении тысячелетий люди неукоснительно следовали, говоря словами А. Шопенгауэра, «зову» природы.

Необходимость продолжения фамилии сформировала основополагающий принцип патриархальной (а впоследствии и моногамной) семьи — слитность и однозначно заданную последовательность брачности, сексуальности и прокреации. А потому сексуальные отношения до легитимации союза, рождение ребенка вне границ юридически оформленного брака и самоценность сексуального общения мужа и жены квалифицировались христианским и законодательным кодексами как нарушение социокультурных норм. Более того, всю эру существования обозначенного типа семьи сопровождало признание исключительной инициативности за мужем. Согласно Плутарху, однажды кто-то спросил молодую спартанку, приходилось ли ей спать с мужчиной. «О нет! — отвечала она. — Это ему со мною пришлось». Именно так, продолжает древнегреческий историк, я считаю, должна вести себя замужняя женщина: не уклоняться, не выражать недовольства, когда муж затевает нечто подобное, ибо это говорит о высокомерии и холодности, но и самой не напрашиваться, ибо так поступают только бесстыжие распутницы (см.: Плутарх 1983: 351).

В одном давнем отечественном исследовании матримониальные принципы были сформулированы следующим образом:

«Цель брака — христианское рождение и воспитание детей; половой инстинкт признается нечестивым, удовлетворение его ради одного удовольствия — смертный грех; поэтому-то целью брака религия ставит рождение и воспитание добрых христиан, освящая плотский и сам по себе греховный союз благодатью таинства» (Шашков 1898: 141). К нарушителям этих установлений применялись различные по жесткости санкции. Н. Пушкарева, которая провела сравнение семьи и сексуальной этики в православии и католицизме, выяснила, что в первом наказании за несохранение девственности до замужества, различные попытки получения наслаждения от сексуальности в браке, прелюбодеяние были не столь суровыми, как во втором. Здесь санкции ограничивались по преимуществу определенным числом постов (от нескольких дней до двух лет), многочисленными поклонами, чистосердечным раскаянием и покаянием. Вместе с тем, как признается этот этнолог, несмотря на относительную мягкость, православие тоже требовало от прихожан сохранения непорочности, умерения страстей, разумных ограничений в супружеской сексуальной жизни, недопустимости адюльтера (см.: Пушкарева 1995: 55–59).

Мы не погрешим против истины, если предположим, что нормативные требования и реальные практики в европейском докапиталистическом обществе в большей или меньшей степени не совпадали (в зависимости от конкретных условий места и времени). При этом достоверно известно, что нормы-рамки в большей мере нарушались мужчинами. Эту мысль изысканно артикулировали французы. В нашем обществе, говорили они, обладать вне брака женщиной — величайшая честь, какой только может гордиться мужчина, но, с другой стороны, отдаться вне брака мужчине — худший позор для женщин. В этом вопросе мужчины проявляли наивность. Французенок никакая опасность не останавливала, напротив, игру она делала более пикантной и азартной. Как утверждала Симона де Бовуар: «<...> выйти замуж — это вроде обязанности, а вот иметь любовника — это роскошь, шик <...>. У любовника есть <...> преимущество, его престиж не теряется в повседневной жизни, полной различных трений, <...> его нет рядом, он совсем не такой, как тот, что рядом, он — другой. И у женщины при встрече с ним возникает впечатление, что она выходит за свои пределы, получает доступ к новым ценностям <...>» (Бовуар 1997: 623–624).

И всё же, несмотря на отдельные нетрафаретные поступки, разветвленность санкций поддерживала в общественном сознании представление о брачности и брачной рождаемости как социальной норме. Так, в России вплоть до конца XIX века браки были всеобщими: к возрасту 45–49 лет лишь 4% мужчин и 5% женщин оставались соответственно неженатыми и незамужними (см.: Волков 1986: 108). В этих условиях брак, несомненно, обладал монополией на регулирование сексуальных отношений и на воспроизводство детей. Поэтому человек, не состоящий в браке или не имеющий детей, ощущал свою ущербность.

С начала 20-го столетия значимость эротика интенсивно переосмысливается. Становится тривиальным понимание несводимости супружеской сексуальности к репродукции. Как справедливо подметил Э. Гидденс, теперь, когда зачатие не только контролируемо, но и осуществляется искусственно, сексуальность, наконец, стала полностью автономной. Освобожденная эротика может стать свойством индивидов и их взаимоотношений друг с другом (см.: Giddens 1992: 25–26).

К аналогичному выводу, но с иных позиций, пришли и демографы. При изучении современного типа прокреативного поведения исследователи столкнулись с парадоксальным явлением. Сегодня одна женщина, состоящая в браке, на протяжении всего репродуктивного периода (границы которого, кстати, расширились примерно до 35 лет) могла бы родить десять-двенадцать детей¹. Реально же европейская женщина рождает в среднем одного-двух. В чем же дело? С точки зрения специалистов, за резким снижением рождаемости скрываются «огромные перемены в структуре демографического поведения. Массовое репродуктивное поведение обособилось от полового и брачного, стало автономным» (Вишневский 1976: 158). И это еще не всё — сексуальность раздвигает границы своего распространения. Выходя за пределы брака, она приобретает существенное значение для актора независимо от пола.

Переосмысление взгляда на адюльтер происходило неравномерно в разных культурах. Чтобы убедиться в справедливости данного тезиса, достаточно сравнить пафос двух работ,

¹ Эта величина получена в результате наблюдения за населением с самой высокой плодовитостью.

опубликованных практически в одно и то же время в России и Франции.

По утверждению российского автора, в конце XIX века «разврату» часто¹ предаются как представители «невежественного народа», так и «культурных слоев» (сюда причислялись техники, инженеры, врачи, юристы). Такие деяния, настаивал Л.А. Золотарев, были предопределены уверенностью мужчин в своей природной полигамности, их неумением или нежеланием интенсифицировать эмоциональный потенциал жены, а также поспешным, подчас корыстным заключением брака или разгульным стилем жизни, предшествующего легитимному союзу. Аргументация этого автора прямолинейна, выдержана в духе воинского устава. Показателен в этом смысле следующий пассаж: «Тот, кто в молодости посещал проститутку, кто до брака жил интимной жизнью с другой женщиной, не может наслаждаться вполне счастливой супружеской жизнью» (Золотарев 1897: 42). В другом месте очерка страж брачной неприкосновенности утверждает, в духе современных феминисток, что истоки распушенности «сильного» пола проистекают из «векового рабства женщин» и «низкого умственного развития мужчин», — то и другое в совокупности якобы способствовало превращению «органа размножения в орудие наслаждения». Отсюда и вывод, как выстрел: «<...> считать супружеские измены преступлением» (Там же: 22).

По-иному видится проблема супружеской неверности П. Лафаргу. В своих рассуждениях он опирается на результаты опроса читателей, проведенного газетой «Фигаро». Как предполагал французский аналитик (и с этим можно согласиться лишь отчасти), если бы кто-то поинтересовался мнением средневековых людей о супружеской измене, то они — рыцарь и горожанин, священник и мирянин, ученый и неученый, — насколько не задумываясь, ответили бы, что супружеская измена означает разрушение семьи и нравственности и потому заслуживает самого строгого наказания. Почему высказанное положение не выглядит безупречным? Сомнение вызывает позиция, приписываемая рыцарскому этосу.

¹ В данном случае «часто» — понятие исключительно эмоциональное, поскольку в нашем отечестве в ту пору реально отсутствовала какая-либо статистика внебрачных контактов.

В средневековой Европе матримониальные правила, принятые в феодальной среде, способствовали зарождению романтической любви (куртуазной — от старофранцузского «court» — двор). Эти же правила привели к расширению границ отчужденной сексуальности. Что я имею в виду? Аристократия всячески стремилась ограничить раздел земли, а потому заботилась о женитьбе одного, обычно старшего сына. В своем большинстве младшие оставались холостыми. Разумеется, их эротические потребности ни в коей мере не ущемлялись — к их услугам были служанки и проститутки. Но такие контакты, понятно, не требовали ни эмоциональной концентрации, ни соревновательности, и со временем взоры «младших» феодалов стали обращаться на замужних матрон. Высказывая этой женщине свою «рабскую» подчиненность, рыцарь только и помышлял о том, как бы разделить с нею ложе. Мораль старопровансальского дворянина основывалась на признании прав *природы и человеческих чувств*. Любовь понималась не как грех, а как добродетель. Потому-то в божбе рыцарей фигурировала не жизнь, не здоровье или спасение души, а высшая милость их дам. Феодал из Прованса не говорит: «Клянусь своим телом», «Пусть погибнут мое тело и душа», но «Пусть мне не придется больше возлежать с моей дамой» (Фридман 1965: 328). Замужняя женщина, однако, не могла открыто располагать своим телом: оно — неотъемлемая собственность мужа. Дама, замеченная в нарушении этикета, подвергалась вместе с сообщником суровому наказанию. Опасность придавала особую пикантность любовной игре, к тому же ритуал предписывал женщине идти на определенные уступки: шаг за шагом умножая дозволенные ласки, с тем чтобы еще больше разжигать желания почитателя. Демонстрируя умение изысканно завлекать матрону, рыцарь подчеркивал тем самым принадлежность к миру избранных. Не правда ли, речь идет о любви отнюдь не «платонической»? Практика галантной любви опиралась, с одной стороны, на мужскую обходительность и храбрость, а с другой — на женскую изощренность и жертвенность. Не лишне подчеркнуть: дама, по сравнению с рыцарем, который мог быть и холостым, и женатым, должна была — в силу своего брачного статуса — обладать удвоенной решимостью. Думаю, не покажется неожиданным следующее резюме: романтическая любовь *внебрачна, жертвенна и манифестируема*.

В этом свете легко понять, что следовать традициям и правилам романтизма могут немногие, но мечтать о нем может каждый обыватель, подпитывая воображение романами, фильмами, телевидением, Интернетом, конструирующими светлые пятна в жизни актора, в реальности ограниченной кухней, супружеской спальней, детской, офисом и могилой.

Вернемся, однако, к размышлениям Лафарга. К началу XX века (опрос проводился в 1903 г.), несмотря на то что религиозная и светская этика по-прежнему придерживались сугубо негативной позиции относительно адюльтера, общественное мнение тем не менее отнюдь не высказывалось стопроцентно в ее (этики) пользу. И это, по словам автора, являлось если не самым интересным, то, по меньшей мере, самым значимым открытием: «Неопределенность мнений в вопросе, находившем когда-то столь ясный <...> ответ, — не доказывает ли это, что мы (французская нация. — С. Г.) переживаем время, сходное с периодом разложения греко-римской цивилизации, когда приходили в упадок пережившие себя обычаи, учреждения и идеи, появились признаки нового мира?» (Лафарг 1904: 54). Стало быть, если для Золотарева адюльтер однозначно — преступление, то Лафарг, осознавая временный характер всех обычаев и конвенциональность норм нравственности, поддерживал стремление своего народа к публичному (а не «в самом тесном кругу» — на кухне) и активному обсуждению злободневной проблемы.

Итак, приведенные выше статистические показатели широкого распространения в XX веке последовательной полигамии разведенных мужчин и женщин, равно как и дискуссии относительно сексуального поведения состоящего в браке человека («не пожелай жены ближнего») — лишь частично можно считать доводами в пользу смягчения взгляда на аморальность адюльтера. Не более. Разумеется, намного доказательнее были бы свидетельства, полученные с помощью специальных опросов. Однако, насколько мне известно, таковые в нашей стране не проводятся или, по меньшей мере, не введены в научный оборот. Ввиду этого приходится опираться исключительно на собственную эмпирическую базу.

Начну анализ с наиболее прозрачного сюжета — ориентаций на возможность адюльтера *для себя и партнера* противоположного пола (см. табл. 11).

Табл. 11. Точка зрения замужних женщин и женатых мужчин на возможность вступления в параллельную сексуальную связь для себя и партнера противоположного пола (в %)*

Тип суждения	Замужние женщины		Женатые мужчины	
	для себя	для партнера	для себя	для партнерши
Вполне естественно	5,2	4,0**	6,0	1,6**
Возможно	9,6	13,2	26,8	9,6
Не особенно желательно	31,2	32,4**	34,4	27,2
Достойно осуждения	53,6	47,6	32,4	59,6

* Опрос 250 супружеских пар, 1981 г.

** Различия статистически незначительны

Прежде всего обращает на себя внимание широкий спектр ориентаций (заполнены все клетки): от традиционного осуждения внесупружеской сексуальности до признания ее нравственной для обоих полов. Одновременно заметно проступают «следы» двойного стандарта: *мужчины* настроены более «разрешающе» по отношению к своему полу и осуждающе к противоположному; тогда как *женщины* в большей степени осуждают своих «сестер» по биологической принадлежности, чем представителей другого пола. Через десять лет этот же вопрос был обращен к идентичной выборке супругов. Результат, если не считать некоторых непринципиальных нюансов, повторился: воспроизведен плюрализм мнений, зафиксированы элементы двойного стандарта. К примеру, в 1981 году доля мужчин, оценивавших для себя вступление во внесупружеские сексуальные отношения как «возможные», была равна 26,8%, в 1990 году — 25,7% (различия статистически незначимы), соответственно для *партнерш* в обоих случаях — 9,6%. К нюансам я бы отнес, скажем, снижение уровня всего ряда «осуждающих»: данная линия в выборке 1990 года выглядит следующим образом (сравни с данными в таблице): 47,9%, 43,0%, 31,7%, 53,8%.

Более развернутый (и соответственно богатый) материал получен на выборках интеллектуалов (в обоих случаях по 250 человек), опрошенных в 1969 и 1989 годах в Ленинграде (среди них — коренные жители и мигранты). Мужчин и женщин попросили проранжировать восемь факторов (в число которых входила и «сексуальность»), исходя из важности каждого

из них для бесконфликтного протекания супружеских отношений.

У мужчин в обеих совокупностях «физическая близость» разместилась на третьей ступени шкалы, и удельный вес в течение рассматриваемого промежутка времени практически оставался неизменным. Иное положение дел у женщин. За два десятилетия роль сексуальности в браке для них возросла на 10%, сам же фактор физической близости переместился по шкале приоритетов на третью позицию. Более того, выяснилось, что около 40% мужей (в обеих выборках) испытывали эротическое наслаждение (оргазм), среди жен в 1969 году таких насчитывалось 30%, тогда как в 1989 году — 40%. За тот же период число «безразличных» и «неудовлетворенных» супружеской сексуальностью уменьшилось в подвыборках — у мужчин почти вдвое, у женщин — в 2,5 раза. Наряду с количественными трансформациями были отмечены и качественные. Жены, как правило, не просто ждали чувственного наслаждения, а — в отличие от спартанки — предпринимали активные действия, реализуя принцип «отдаваясь — брать». Появилось основание констатировать: в рамках брачного союза женщины стали интенсивнее мужчин усваивать ценности «материально-телесного низа» (М. Бахтин). Исходя из традиционного стереотипа, логично было бы ожидать, что рост значимости для женщин супружеского эротизма ужесточит их отношение к адюльтеру. Верна ли гипотеза?

В конце 60-х годов XX века 35% интеллектуалок оправдывали возможность параллельных сексуальных практик, 38% высказывались амбивалентно и 27% их осуждали. Через двадцать лет зафиксировано в принципе близкое соотношение ориентации: 36%, 33% и 31%. Некритичное восприятие представленного цифрового материала способно создать впечатление отсутствия корреляции между интенсификацией супружеского эротического наслаждения и веером вербальных предпочтений. Задумаемся над такими показателями: среди жен, получающих удовольствие от плотской близости с мужем, число оправдывающих адюльтер (за обсуждаемый промежуток времени) осталось неизменным, тогда как количество осуждающих возросло на 12 пунктов. Иначе обстоят дела у тех замужних женщин, которые индифферентны к такого рода обменам, — здесь число лиц, оправдывающих параллельные связи, возросло на треть.

Важно отметить и другое: если в первом опросе на реальность сексуальных контактов помимо мужа указала треть женщин, то во втором — почти каждая вторая. Установлено рассогласование между аттитюдами и актуальным поведением: в 1969 году среди замужних женщин из числа оправдывающих адюльтер половина его практиковала, к 1989 году таких уже насчитывалось более 70%. У осуждающих динамика такова: в первом случае — около 6% состояли в параллельных сексуальных контактах, во втором — 25%. В силу парности рассматриваемого феномена полновесное объяснение перемен, происходящих с женским эротизмом, невозможно в отрыве от показателей мужских практик.

Напомню, за два десятилетия у женатых мужчин не произошло интенсификации эротизма и в целом не изменилась структура ориентаций на адюльтер¹. Незначительные колебания в долях аттитюдов сопровождались куда более радикальными переменами в актуальном поведении. Так, если в 1969 году на наличие параллельных сексуальных практик указывало менее 50% респондентов, то в 1989 году — более 75%. Примечательно, что активизация таких практик зафиксирована как среди «оправдывающих» (62% против 94%), так и среди «осуждающих» (12% против 25%). Таким образом, рост адюльтера характерен для обоих полов. Замечено: если количественные показатели женской нелегитимной эротики до сих пор достаточно разнятся от мужской, то темпы прироста, несомненно, близки. Конечно, это не означает, что «выравнивание» указанных практик где-то у горизонта. Отнюдь нет. Моя уверенность базируется на результатах более поздних опросов, о чем речь впереди.

Непозволительно было бы закончить представление практик адюльтера, не уяснив его мотивов и, пожалуй, самое важное, структуры.

В 60-е годы подавляющее число респондентов вовлекались в «случайные» параллельные контакты (почти 62% мужчин против 37% женщин), то есть в связи, которые не обременяли их определенными обязательствами. Значительна была и доля

¹ При первом опросе позитивно высказались 43,5%, негативно — 20%; при втором соответственно 48,8% и 12,8% (различия статистически незначимы).

тех, кто мотивировал свои действия необходимостью компенсации психосоматической неотзывчивости брачного партнера (обращу особое внимание на соотношение жен и мужей: 62% к 38%). Вдумаемся в эти мотивы: между ними нет принципиальных различий. И в первом, и во втором случае речь идет о реализации потребности в релаксации. Скажу без обиняков — это благодатная почва для процветания проституции (и не только женской, но и мужской). На этом фоне любовная мотивация выглядит откровенно периферийной потребностью (15%). И вот что нельзя проигнорировать: даже среди женщин, которые составляют подавляющее большинство последней когорты, их доля вдвое меньше, чем среди предпочитающих «случайные» встречи.

К концу 80-х годов мотивация прелюбодеяния стала не только многообразнее, но и принципиально иной. (К примеру, высветилось «одиночество» брачных партнеров и «эмоциональная неудовлетворенность супругой(-ом)».) Заметно снизилась численность «случайных» контактов (почти до трети), одновременно возросло число ссылок на «любовь» (около 20%). Хотя акцентация последней не столь уж велика, важна сама тенденция. И еще одно обстоятельство. Для части зрелых мужчин духовно-эмоциональные ценности начинают доминировать над плотскими. Отсюда небезосновательным представляется утверждение о «вписывании» их практик в структуру эротики, традиционно воспринимаемую как фемининную. Вместе с тем не может не удивлять, что женатые мужчины указывают на параллельные контакты как средство преодоления одиночества. По моему убеждению, «бегство в разврат» создает лишь иллюзию снятия психоэмоционального напряжения, практически же через непродолжительный промежуток времени фрустрация углубляется, и всё идет по кругу.

У женщин за два десятилетия — при явном росте параллельных практик — существенных изменений в иерархии побудительных мотивов не отмечено. Так, хотя в 1989 году «новая» любовь выдвигается в качестве основания адюльтера чаще, чем ранее (1969 г.), ее доля по-прежнему скромна. Обращает на себя внимание некоторое сокращение «случайных», неизбирательных связей (до 13%). Кроме того, несмотря на практически неизменное (27–28%) количество ссылок на снижающуюся потенцию мужа, само по себе превышение потребности в те-

лсно-чувственном переживании у зрелых женщин над мужчинами того же возраста — свидетельство наличия у «слабого» пола физиологических запросов, что по инерции и поныне ассоциируется со стереотипом маскулинности. Как сказал бы классик: «Всё смешалось в доме Облонских».

Несколько замечаний относительно структуры параллельных сексуальных отношений. Мной были сконструированы три подвида практик: (1) постоянные и регулярные; (2) постоянные, но иррегулярные; (3) случайные. Наиболее представительными оказались вторые (54,5%), далее следуют третьи (31,8%) и менее всего адюльтеру присущи первые; по-видимому, в силу того, что они напоминают супружество, которое по сути нечто качественно иное, нежели отношения с третьим лицом¹. Сравнение ответов респондентов на два однопорядковых задания высветило, на мой взгляд, принципиальную скоротечность параллельных связей. Так, на вопрос: «Состояли ли Вы во внебрачных сексуальных связях?» — положительно ответили почти 63% респондентов-интеллектуалов, тогда как на вопрос о наличии «внебрачных» связей на момент опроса утвердительно отреагировали вдвое меньше (27,8%). Дополни картину такой небезынтересной деталью: «случайные» контакты начинаются чуть ли не на первом году брака, со второго их число заметно возрастает; а «постоянные и регулярные» конструируются после 8–10 года совместного проживания супругов.

До сих пор речь шла в основном об одном социальном слое — интеллектуалах. Во избежание возможных кривотолков по поводу предвзятости отбора эмпирического материала расширю его представительство за счет выборочных опросов, проведенных среди всех слоев населения в Санкт-Петербурге (1998 г.) и Туле (1999 г.).

Не обнаружено значительных различий в эротических параллельных практиках интеллектуалов и других категорий городского населения. Ограничусь несколькими принципиальными положениями. В петербургской выборке из 479 человек, состоящих в браке, 41,5% мужчин и 24,5% женщин имели опыт адюльтера, в тульской выборке из 275 человек соответственно — 39% и 17,1%. Иерархия мотивов указанных практик у мужчин из обоих городов тождественна: «случайность»,

¹ Данные опроса 1989 г.

«страстное влечение», «соблазнение», «сексуальная неудовлетворенность женою», «новая любовь», «сострадание». При этом удельный вес обозначенных побуждений (исключение составляет «соблазнение») ощутимо разнится: «случайность» у петербуржцев составила 42,4% от общего объема мотивов, тогда как у туляков — 31,4%; напротив, «любовь» в большей степени представлена у последних — 4,7% к 9,2%. Очередность мотивов у женщин сравниваемых городов заметно отличается. Совпадают лишь два побуждения: на третьем уровне расположилась «любовь», на следующем — «соблазнение». Из других побуждений особо выделяю такие: у петербурженки (кстати, как и у мужчин) ведущий — «случай» (почти каждый третий мотив), у тулячек он замыкает шкалу (всего 13% отметивших); «сексуальная неудовлетворенность мужем» у тулячек расположилась на втором месте (подчеркнула каждая четвертая), тогда как петербурженки поставили ее на пятую ступень (при охвате 15%). Иными словами, если мотивация прелюбодеяния у петербургских мужчин и женщин в принципе совпадает (исключение — «любовь», на которую «слабый» пол ссылается в четыре раза чаще), то в Туле мы находим распределение по традиционному стереотипу: доля «любви» и «страстного влечения» (гедонизм) у мужчин составляет 37%, а у женщин — 50%, «соблазнение» и «случайность» у первых представлены 44%, у вторых — 26%.

Побудительные мотивы нелегитимной практики по большей части коррелируют с типом партнера. А именно: если близость зиждется на «любвном чувстве», то партнерша/партнер обозначается как «любимая(-ый)»; если на гедонизме — называется «подруга/друг», когда же контакт «случайный», то партнерша (партнер) — «малознакомая женщина/мужчина» или «проститутка»/«хаслер».

Наконец, о частоте сменяемости объекта. Оберегая свой интимный мир, респонденты с большой неохотой откликнулись на этот вопрос: в Санкт-Петербурге 26% мужчин и 16% женщин, еще меньше в Туле: соответственно 21% к 11%. Каков же итог? Около 60% петербуржцев подтвердили параллельную связь с 1–3 женщинами, почти каждый третий — от 4 до 10 и менее 10% указали на большее их число; до 90% петербурженки представлены в первой группе, около 8% — во второй и менее 3% — в третьей. В Туле показатели менее емкие, конкрет-

но ряды выглядят так: у мужчин — 78%, 18% и 4%; у женщин — 89%, 6% и 5%.

Пожалуй, нет смысла множить статистику, характеризующую прелюбодеяние. Поставим точку, уясним — насколько это возможно на базе имеющихся данных — направленность конструирования актором параллельных сексуальных практик, не центрированных на матримониальном поведении.

Перед нами, несомненно, предстало довольно пестрое и размытое полотно. По ассоциации, такое впечатление могло бы сложиться, по-видимому, лишь под маловероятным механическим наложением на картину Карла Брюллова полотна Сальвадора Дали. И всё же даже при сравнении с таким фантазматическим совмещением реализма с сюрреализмом перемены, произошедшие с пониманием адюльтера в начале XXI века, не выглядят столь радикальными, как это представлялось в свое время Полю Лафаргу. Если ныне что и рушится, то уж никак не цивилизация, а только традиционная семья, «взрыхляется» почва для новой эротики.

Каким же видится в описанных условиях реальный компромисс, способный смягчить противоречие между самоценным эросом и сексуальностью, ориентированной на прокреацию? Найти один-единственный выход из множества жизненных ситуаций представляется сомнительным. Остается уповать на конструирование актором предпочтительного сценария. Каковы же возможные варианты?

Первый сценарий — внешне как будто прозрачен и не таит в себе загадок; впрочем, напрямик он не связан с адюльтером, по большому счету, и даже антагонистичен ему. В результате трансформации семьи, сопровождающейся повышением ценности эротики (в первую очередь благодаря подлинному расцвету женской психофизики) и ростом взаимной расположенности супругов — с одной стороны; интенсификации симметричных интересов мужа и жены вне рамок брака — с другой, *супружество* заняло ведущее место в сети семейных отношений. Выстроенное на такой основе (интимность — автономия) взаимодействие мужа и жены приводит к тому, что все свои эротические удовольствия супруги связывают с легитимным партнером (-шей). И до тех пор пока имеет место равновесие (баланс) между указанными базовыми ценностями, вероятность прелюбодеяния минимальна.

Второй сценарий разрешения напряжения — *последовательная полигамия*, суть которой мною частично уже была раскрыта. Вот лишь несколько дополнительных штрихов.

В рамках христианской цивилизации развод на протяжении многих веков оставался либо запретным, либо исключительным событием. Законодательно разрешенный в 20-м столетии в большинстве промышленно развитых стран, он тем не менее до середины 60-х годов воспринимался общественным мнением как явление маргинальное. После указанного срока повышение частоты разводов последовательно захватывает все европейские страны, начиная с Финляндии (1961 г.) и заканчивая Данией (1968 г.). В СССР число разводов, скажем, с 1963 года по 1973 год удвоилось (см.: Фести, Приу 1979: 13). Важно подчеркнуть: эти изменения произошли в большинстве стран до того, как были приняты современные законы о разводе.

Причина нарастания числа разводов и вступлений в следующий по очередности брак сводится к следующему. В прошлом, как уже отмечалось, все мужчины и женщины, за редким исключением, вступали в брак. Стремилась к этому, вероятно, движимые необходимостью продолжения рода. Переосмысление иерархии ценностей произошло не в последнюю очередь в силу осознания поколениями, рожденными после Второй мировой войны, полифункционального смысла сексуальности. Полифункциональность стала для мужчин и женщин предпосылкой к разочарованию супружеским эросом и открытого поиска его компенсации. А так как со второй половины прошлого века развод превратился в атрибут брака, то и адюльтер приобрел характер переходного состояния к формированию нового союза. Ничто не противодействует перманентности данного процесса: новый эротический партнер — ступень в ряду «серийного» брака.

Третий сценарий. На протяжении 20-го столетия происходит радикальное изменение в понимании места и роли в рамках брачного союза одной из целого ряда сексуальных практик — я имею в виду *мастурбацию*. К концу века она уже не воспринимается (и не только специалистами) перверсией, превращаясь хотя и в дополнительную, но весьма важную составляющую эротики обоих супругов. Вплоть до сегодняшнего дня эта парафилия остается чуть ли последним белым

пятном (особенно для общественных наук) в изучении человеческой сексуальности. По свидетельству французского социолога А. Бежена, мужчины, и в еще большей степени женщины (о чем уже говорилось), тщательно замалчивают эту грань эротического увлечения, и в первую очередь те из них, кто состоит в браке (см.: Бежен 1998: 143). Исследователь показал одну из причин скрываемости этого явления — невозможность проявить свою привлекательность и дух соревновательности.

Онанизм, что хорошо известно большинству взрослых людей, ни физиологически, ни психологически не отражается негативно на состоянии индивидуального организма. В то же время, по меньшей мере иллюзорно, он открывает перед актором перспективу, не выходя за пределы четырех стен при минимальных энергетических затратах, поддерживать эмоциональную яркость образа «любимой(-го)», комбинируя и меняя по первому желанию объект эротического домогательства. Попутно замечу, мастурбация нередко противопоставлялась контактам с проститутками. В полевых опросах 20-х годов отмечалась эта корреляция: уменьшение обращения к проституткам интенсифицирует процесс онанирования (см.: Голосенко, Голод 1998: 67). На мой взгляд, наглядной иллюстрацией здесь могут послужить откровения одного из героев «Тропика Рака» Г. Миллера.

Ван Норден всё еще поет свою песню насчет б<...>дей и необходимости вычистить грязь из нутра. Только сейчас он нашел себе новое занятие. Он понял, что мастурбировать гораздо проще, чем бегать за шлюхами. <...> я удивился, узнав, как именно он это делает. По его словам, он изобрел новый способ. «Ты берешь яблоко, — сказал он, — прорезаешь посередине дыру и смазываешь ее кольдкремом. Попробуй как-нибудь. Сначала можно просто спятить. Но, что ни говори, а это и дешево, и времени не теряешь» (Миллер 2000: 324).

«Вхождение» в виртуальное обладание становится доступным для многих людей благодаря разветвленной сети средств массовой коммуникации (в том числе мобильного телефона) и всемирной «паутине», которые предоставляют актору беспрепятственно, не манифестируя свою приверженность к парafilльным увлечениям, удовлетворять эротическую мечту, обогащая рутину осупруженной сексуальности картинками в духе маркиза де Сада.

Четвертый сценарий в вульгаризированном варианте чаще всего и ассоциируется в общественном мнении с прелюбодением. Я же при его представлении ограничусь примером, взятым из одной биографической повести, и назову эти отношения по имени главного героя — «синдромом Камю».

Для всех, кто общался с четой Камю, было совершенно очевидно, что к Франсине (жена А. Камю. — С. Г.) Альбер питал братскую нежность. Она, в свою очередь, никогда не жаловалась, не разыгрывала из себя томную, умирающую от экспрессии женщину, но преданно, мучительно любила своего мужа. Принимая на себя роль главы семейства, автор «Бунтующего человека» своим жизненным стилем утверждал устремленность к *личной свободе*. Жена была для него прежде всего матерью близнецов, которых он любил и охотно ими занимался.

Однажды летом 1948 года Камю после некоторого перерыва столкнулся на бульваре Сен-Жермен с Марией Казарес. У Марии, как многим известно, бывали увлечения. В тот момент она считалась подругой актера Жана Серве. Ради философа Мария оставила Серве. Она заполнила всю жизнь Камю (непросто он называл ее «Единственной»). Альбер вовсе не собирался расставаться с Франсиной: а как же дети? Много больше: о жене Камю отзывался с симпатией и неизменным уважением, был искренне к ней привязан. И одновременно страстно любил Марию. Франсина отлично знала о двойной жизни своего мужа, великодушно и «мужественно» с этим мирилась — или делала вид, что мирится. Актриса — что ни для кого не было тайной — и сама была донжуаном в юбке. В возлюбленном она видела типичного французского «мачо», который тем не менее, по признанию Казарес, «никогда не старался пресечь» ее отношения с другими мужчинами. Как не без иронии замечает автор повести: «Им не нужно было измышлять, подобно Сартру и Бовуар, теорию Необходимости и Случайностей, они просто жили, и в их жизни всепоглощающая любовь не исключала определенной свободы» (Тодд 2000: 201). Немалое число моих оппонентов сочтет описанный случай неубедительным (как, очевидно, и метод — case study — вообще). Ведь это картинка, скажут они, из аристократической жизни. Мол, на элиту нельзя ориентироваться. Однако стоит ли принимать во внимание такие аргументы? У меня в запасе, как минимум, два возражения. Первое. Наличный полевой материал, как отмечалось

выше, зафиксировал эмпирическую закономерность: чаще всего адюльтер протекает в форме «постоянных и иррегулярных» отношений. Представленная ситуация именно такова. Второе. Все (или почти все) историко-культурные новации зарождаются в узком социальном кругу и только впоследствии (через какой-то промежуток времени) раздвигают свои границы, захватывая значительные слои населения. Так произошло, к примеру, с романтической любовью. Почему так не может стать с адюльтером?

Не стану ни себя, ни других вводить в заблуждение: обозначенными сценариями, конечно, не исчерпывается всё пространство параллельной супружеству сексуальности. Здесь в принципе очерчена наиболее представительная часть эмпирически выявленного круга эротического общения, всё остальное — периферия, к примеру, проституция, время которой, можно полагать, на исходе.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АБСПС 1995 – Аннотированная библиография по социальным проблемам сексуальности (1960-е гг. – первая половина 1990-х гг.) / Отв. ред. С.И. Голод. СПб.: СПб. ФИС РАН, 1995. – 70 с.
- Алексеева 1977 – *Алексеева В.Г.* Неформальные группы подростков в условиях города // Социологические исследования. 1977. № 3. С. 60–70.
- Андреева 1960 – *Андреева Л.А.* О понятии принуждения при изнасиловании // Правоведение. 1960. № 2. С. 14–16.
- Анохин 1973 – *Анохин П.К.* Философские аспекты теории функциональной системы // Философские проблемы биологии. М.: Наука, 1973, С. 27–48.
- Аристархова 1998 – *Аристархова И.Л.* [Рецензия] // Социологический журнал. 1998. № 1–2. С. 273–281.
- Артемидор 1991 – *Артемидор.* Сонник / Пер. с древнегреч. под общ. ред. Я.М. Боровского // Вестник древней истории. 1991. № 3. С. 254–268.
- Бараш 1925 – *Бараш М.* Половая жизнь рабочих Москвы // Венерология и дерматология. 1925. № 6. С. 137–147.
- Барнс 1998 – *Барнс Дж.* Эксперимент // Иностранная литература. 1998. № 11. С. 58–67.
- Батай 1922 – *Батай Ж.* Сад и обычный человек // Маркиз де Сад и XX век. М.: РИК «Культура», 1992. С. 89–116.
- Бахтин 1990 – *Бахтин М.М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М.: Худ. лит., 1990. – 543 с.
- Бек 2000 – *Бек У.* Общество риска: На пути к другому модерну / Пер. с нем. В. Седелника и Н. Федоровой; послесл. А. Филиппова. М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 384 с.
- Бежен 1998 – *Бежен А.* Сексуальные воспоминания и фантазии мужчин и женщин во Франции // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. 1, № 3. С. 143–147.

Белкин 1979 – *Белкин А.И.* Индивидуальность и социализация (по данным изучения лиц, сменивших пол) // Гормоны и мозг. М.: Медицина, 1979. С. 13–24.

Бергер 1996 – *Бергер П.* Приглашение в социологию: Гуманитарная перспектива. М.: Аспект-Пресс, 1996. – 168 с.

Бердяев 1989 – *Бердяев Н.А.* Смысл творчества: Опыт оправдания человека. М.: Правда, 1989. 607 с.

Бернштейн 1908 – *Бернштейн А.Н.* Вопросы половой жизни (в программе семейного и школьного воспитания). М.: 1908. – 31 с.

Бессмертный 1989 – *Бессмертный Ю.Л.* К изучению матримониального поведения во Франции XII–XIII вв. // Одиссей: Человек в истории. М.: Наука, 1989. С. 98–113.

Бехтерев 1911 – *Бехтерев В.М.* Вопросы пола в юношеском возрасте // Неделя вестника знания. 1911. № 1. С. 6–9.

Блох 1911 – *Блох И.* Половая жизнь нашего времени и ее отношение к современной культуре / Пер. с нем. Б. Гордон и Г. Вулих. СПб.: Общественная польза, 1911. – 624 с.

Бовуар 1997 – *Бовуар С. де* Второй пол / Пер. с фр., общ. ред. и вступ. статья С.Г. Айвазовой. М.: Прогресс; СПб.: Алетейя, 1997. – 832 с.

Богданович 1969 – *Богданович Л.А.* Организация полового воспитания подростков // Вопросы сексопатологии: (Материалы научно-практической конференции). М.: Мин-во здравоохранения РСФСР, 1969. С. 5–6.

Бонхеффер 1989 – *Бонхеффер Д.* Сопrotивление и покорность // Вопросы философии. 1989. № 10. С. 114–167.

Боргман 1927 – *Боргман Г.* Защита скотства // Смена. 1927. № 11. С. 11–12.

Борисов 2000 – *Борисов С.Б.* Латентные механизмы эротической социализации. Шадринск: Гос. пед. ин-т, 2000. – 95 с.

Ботнева 1977 – *Ботнева И.Л.* Особенности сексуальной сферы женщины // Общая сексопатология / Под. ред. Г.С. Васильченко. М.: Медицина, 1977. С. 168–175.

Бочарова 1994 – *Бочарова О.А.* Сексуальная свобода: слова и дела // Человек. 1994. № 5. С. 98–107.

Брайан 1997 – *Брайан Л.* На регулярной основе // Иностранная литература. 1997. № 7. С. 188–193.

Броннер 1931 – *Броннер В.М.* Проституция и пути ее ликвидации. М.; Л.: Гос. мед. изд-во, 1931. – 47 с.

Васильченко 1956 – *Васильченко Г.С.* Патогенетические механизмы импотенции. М.: Медгиз, 1956. – 172 с.

Ватсыяна 1993 – *Ватсыяна М.* Камасутра / Пер. с санскр., вступ. ст. и ком. А.Я. Сыркина. М.: Наука, 1993. – 181 с.

Вирениус 1886 – *Вирениус А.С.* Анатомо-физиологические основы половой жизни человека и уклонения от нее, встречаемые в школьном возрасте // Медико-педагогический вестник. 1886. № 1. С. 22–24.

- Виттельс 1991 — *Виттельс Ф.* Фрейд: Его личность, учение и школа: Пер. с нем. Л.: Эго, 1991. — 197 с.
- Вишневский 1976 — *Вишневский А.Г.* Демографическая революция. М.: Статистика, 1976. — 240 с.
- Волков 1986 — *Волков А.Г.* Семья — объект демографии. М.: Мысль, 1986. — 271 с.
- Ганнушкин 1964 — *Ганнушкин П.Б.* Сладострастие, жестокость и религия // Избр. труды. М.: Медицина, 1964. С. 80—95.
- Гельман 1923 — *Гельман И.* Половая жизнь современной молодежи: Опыт социально-биологического исследования. М.; Пг.: Гос. изд-во, 1923. — 149 с.
- Геодакян 1965 — *Геодакян В.А.* Роль полов в передаче и преобразовании генетической информации // Проблемы передачи информации. 1965. № 1. С. 105—112.
- Гернет 1927 — *Гернет М.Н.* К статистике проституции // Статистическое обозрение. 1927. № 7. С. 86—89.
- Голод 1968а — *Голод С.И.* Город меняет моральные нормы // Наука и техника. [Рига.] 1968. № 11. С. 16—19.
- Голод 1968б — *Голод С.И.* Социологические проблемы сексуальной морали: Автореф. дис. ... канд. филос. н. Л.: ЛГУ, 1968. — 25 с.
- Голод 1969а — *Голод С.И.* Социологические проблемы сексуальной морали: Автореф. дис. ... канд. филос. н. М.: ИКСИ, 1969. — 21 с.
- Голод 1969б — *Голод С.И.* Ответ читателю: Об «индивидуальной сексуальной свободе» // Наука и техника. [Рига.] 1969. № 11. С. 32—33.
- Голод 1975 — *Голод С.И.* Молодая семья // Молодежь и современность. Л.: Знание, 1975. С. 131—138.
- Голод 1976 — *Голод С.И.* О так называемой сексуальной революции // Наука и техника. [Рига.] 1976. № 1. С. 38—40.
- Голод 1984 — *Голод С.И.* Стабильность семьи: Социологический и демографический аспекты. Л.: Наука, 1984. — 136 с.
- Голод 1986 — *Голод С.И.* Изучение половой морали в 20-е годы // Социологические исследования. 1986. № 2. С. 152—155.
- Голод 1996 — *Голод С.И.* XX век и тенденции сексуальных отношений в России. СПб.: Алетейя, 1996. — 190 с.
- Голод, Кузнецова 2002 — *Голод С.И., Кузнецова Л.В.* Социальные проблемы сексуальности: Аннотированная библиография (90-е годы 20-го столетия). СПб.: Социологическое об-во им. М.М. Ковалевского, 2002. — 88 с.
- Голосенко, Голод 1998 — *Голосенко И.А., Голод С.И.* Социологические исследования проституции в России: История и современное состояние вопроса. СПб.: Петрополис, 1998. — 126 с.
- Голосовкер 1925 — *Голосовкер С.* К вопросу о половом быте современной женщины. Казань: 1925. — 23 с.
- Григоров, Шкотов 1927 — *Григоров Г., Шкотов С.* Старый и новый быт / Предисл. А.В. Луначарского. М.; Л.: Молодая гвардия, 1927. — 181 с.

- Гуревич, Гроссер 1930 — *Гуревич З.А., Гроссер Ф.И.* Проблемы половой жизни. Харьков, 1930. — 256 с.
- Гюйо 1923 — *Гюйо Ж.М.* Нравственность без обязательств и без санкции: Пер. с фр. М., 1923. — 144 с.
- Даль 1979 — *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Русский язык, 1979. Т. II.
- Деревинская 1965 — *Деревинская Е.М.* Материалы к клинике, патогенезу, терапии женского гомосексуализма: Автореф. дис. ... канд. мед. н. Караганда: 1965. — 24 с.
- Диоген Лаэртский 1979 — *Диоген Лаэртский.* О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / Общ. ред. и вступ. статья А.Ф. Лосева. М.: Мысль, 1979. — 620 с.
- Жук 1998 — *Жук О.* Русские амазонки: История лесбийской субкультуры в России: XX век. М.: Глагол, 1998. — 135 с.
- Залкинд 1924 — *Залкинд А.Б.* Революция и молодежь. М.: Издание Ком. универ., 1924. — 140 с.
- Залкинд 1930 — *Залкинд А.Б.* Половое воспитание. М.: Работник просвещения, 1930. — 340 с.
- Замковский 1927 — *Замковский С.* Зачем быть монахом? // Смена. 1927. № 11. С. 12.
- Зимбардо 1991 — *Зимбардо Ф.* Застенчивость. М.: Педагогика, 1991. — 208 с.
- Золотарев 1897 — *Золотарев Л.А.* Супружеские измены, их значение и причины: Популярно-научный очерк. М.: Типолит. т-ва И.Н. Кушнерев и К^о, 1897. — 78 с.
- Иванов 1966 — *Иванов Н.В.* Вопросы психотерапии функциональных сексуальных расстройств. М.: Медицина, 1966. — 152 с.
- Иванов-Смоленский 1933 — *Иванов-Смоленский А.Г.* Основные проблемы патофизиологии высшей нервной деятельности человека. М.: Л.: Медгиз, 1933. — 574 с.
- Игнатов 1966 — *Игнатов А.Н.* Ответственность за преступления против нравственности (половые преступления). М.: Юридическая литература, 1966. — 208 с.
- Ильина 1998 — *Ильина С.В.* Влияние пережитого в детстве насилия на возникновение личностных расстройств // Вопросы психологии. 1998. № 6. С. 65—74.
- Ильф, Петров 1961 — *Ильф И., Петров Е.* Саванарыло // Собр. соч.: В 5 т. М.: ГИХЛ, 1961. Т. 3. С. 188—189.
- Исаев, Каган 1988 — *Исаев Д.Н., Каган В.Е.* Половое воспитание детей: Медико-психологические аспекты. Л.: Медицина, 1988. — 157 с.
- Каменский 1907 — *Каменский Ан.* Леда. СПб., 1907. — 14 с.
- Кант 1965 — *Кант И.* Метафизические начала учения о добродетели // Соч.: В 6 т. М.: Мысль, 1965. Т. 4 (2). С. 304—431.
- Кейра 1904 — *Кейра.* Извращение половой идеи: Пер. с фр. М.: Тип. Вильде, 1904. — 32 с.

Кетлинская, Слепков 1929 — *Кетлинская В., Слепков В.* Жизнь без контроля: Половая жизнь и семья рабочей молодежи. М.; Л.: Молодая гвардия, 1929. — 112 с.

Клейн 2000 — *Клейн Л.С.* Другая любовь: Природа человека и гомосексуальность. СПб.: Фолио-пресс, 2000. — 864 с.

Клѣцин 1996 — *Клѣцин А.А.* Семейно-брачные аспекты качества населения Санкт-Петербурга // Качество населения Санкт-Петербурга / Отв. ред. Б.М. Фирсов. СПб.: Европейский Дом, 1996. С. 159–186.

Козакевич 1985 — *Козакевич М.* Сексуальное воспитание и молодежь Европы: Сексуальность, брак и семья. София: НИИМ, 1985. — 144 с.

Коллонтай 1923 — *Коллонтай А.М.* Дорогу крылатому Эросу!: (Письмо к трудящейся молодежи) // Молодая гвардия. 1923. № 3. С. 121–124.

Колпаков 1958 — *Колпаков Ф.И.* Некоторые данные о диспансеризации больных сифилисом в Новосибирске // Вестник дерматологии и венерологии. 1958. № 1. С. 57–60.

Кон 1966 — *Кон И.С.* Половая мораль в свете социологии // Советская педагогика. 1966. № 12. С. 64–77.

Кон 1988 — *Кон И.С.* Введение в сексологию. М.: Медицина, 1988. — 320 с.

Кон 1996 — *Кон И.С.* Исторические судьбы русского эроса // Секс и эротика в русской традиционной культуре / Сост. А.Л. Топорков. М.: Ладомир, 1996. С. 5–30.

Кон 1997 — *Кон И.С.* Сексуальная культура в России: Клубничка на березке. М.: ОГИ, 1997. — 464 с.

Кон 1998 — *Кон И.С.* Лунный свет на заре: Лики и маски однополой любви. М.: Олимп: АСТ, 1998. — 496 с.

Красуля 1991 — *Красуля С.Н.* От жриц любви до обитательниц борделей // Проституция и преступность: Проблемы. Дискуссии. Предложения. М.: Юридическая литература, 1991. С. 10–11.

КС — Краткая сексология: Руководство для врачей / Отв. ред. С.С. Либих. СПб.: Ольга, 1998. — 148 с.

Кузмин 1994 — *Кузмин М.* Крылья // Подземные ручьи: Романы, повести, рассказы. СПб.: Северо-Запад, 1994. — 768 с.

Кузнецов 1871 — *Кузнецов М.* Проституция и сифилис в России: Историко-статистическое исследование. СПб.: Типография В.С. Балашова, 1871. — 121 с.

Кузнецова 1999 — *Кузнецова Л.В.* Тенденции сексуального поведения городского населения России на рубеже XIX–XX веков (социологический анализ): Автореф. дис. ... канд. социол. н. СПб.: СПб филиал Ин-та социологии РАН, 1999. — 20 с.

Кузьмин 1926 — *Кузьмин В.* О «молодой старости», аскетизме и казенщине // Быт и молодежь. М.: Правда; Беднота, 1926. С. 28–39.

Ламблен 2000 — *Ламблен Б.* Мемуары девушки, сбитой с толку // Иностранная литература. 2000. № 4. С. 78–107.

Ласс 1928 — *Ласс Д.* Современное студенчество: Быт, половая жизнь. М.; Л.: Молодая гвардия, 1928. — 216 с.

Латышев 1985 — *Латышев И.А.* Семейная жизнь японцев. М.: Наука, 1985. — 287 с.

Лафарг 1904 — *Лафарг П.* Супружеская неверность в прошлом и настоящем. СПб.: Типография «Общественная польза», 1904. — 57 с.

Лебина, Шкаровский 1994 — *Лебина Н.В., Шкаровский М.В.* Проституция в Петербурге (40-е гг. XIX в. — 40-е гг. XX в.). М.: Прогресс-Академия, 1994. — 224 с.

Левенфельд 1912 — *Левенфельд Л.* Сексуальные проблемы. М.: Современные проблемы, 1912. — 204 с.

Либих 1982 — *Либих С.С.* К проблеме гармонизации сексуальных отношений в супружеской жизни: Лекции для врачей-курсантов. Л.: ГИДУВ, 1982. — 16 с.

Локк 1985 — *Локк Дж.* Опыт о человеческом разумении // Соч.: В 3 т. / Ред. Н.С. Нарский, А.Л. Субботин. М.: Мысль, 1985. Т. 1. — 621 с.

Ломброзо, Ферреро 1897 — *Ломброзо Ц., Ферреро Г.* Женщина — преступница и проститутка: Пер. с ит. Киев, [1897]. — 478 с.

Лосев 1990 — *Лосев А.Ф.* Диалектика мифа // Из ранних произведений. М.: Правда, 1990. С. 393–599.

Лосева, Чистякова и др. 1991 — *Лосева О.К., Чистякова Т.В., Либих А.В., Лебина Е.В.* Сексуальное поведение подростков больных сифилисом // Вестник дерматологии и венерологии. 1991. № 2. С. 45–49.

Луначарский 1923 — *Луначарский А.В.* Мораль и свобода // Красная новь. 1923. № 7. С. 130–136.

Луначарский 1927 — *Луначарский А.В.* О быте. М.; Л.: Госиздат, 1927. — 82 с.

Майорова 1923 — *Майорова В.* О быте // Коммунистка. 1923. № 3–4. С. 13–15.

Малашкин 1928 — *Малашкин С.* Луна с правой стороны, или Необыкновенная любовь // Повести и рассказы. М.: Молодая гвардия, 1928. С. 21–122.

Маркс, Энгельс 1961 — *Энгельс Ф.* Книга откровения // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч.: В 30 т. 2-е изд. М.: Политиздат, 1961. Т. 21. С. 7–13.

Медина 2000 — *Медина Т.* Сексуальная функция молодой украинской семьи: Социологический аспект // Социология: теория, методы, маркетинг. 2000. № 2. С. 78–90.

Миллетт 1994 — *Миллетт К.* Теория сексуальной политики / Пер. с англ. С. Купряшкиной; предисл. О.А. Ворониной // Вопросы философии. 1994. № 9. С. 148–172.

Миллер 2000 — *Миллер Г.* Тропик Рака. СПб.: Азбука, 2000. — 389 с.

Мильтманн-Вендель 1991 — *Мильтманн-Вендель Э.* И сотворил Бог мужчину и женщину: (Феминистская теология и человеческая идентичность) // Вопросы философии. 1991. № 3. С. 91–104.

Михеева 1994 — *Михеева А.Р.* Феномен сожителства в сибирской деревне: новая форма семьи или продолжение традиции? / Социологические аспекты перехода к рыночной экономике (Материалы к XIII Всемирному соц. конгрессу). Новосибирск: ИЭ и ОПП СО РАН, 1994. С. 133–147.

Монтень 1960 — *Монтень М.* О стихах Вергилия // *Опыты*: В 3 кн. М.; Л.: Наука. 1960. — Кн. 3. С. 75–148.

Мыскин 1971 — *Мыскин В.С.* О принудительном лечении лиц, страдающих венерологическими болезнями: (Клинико-социологическое исследование по материалам закрытого венерологического стационара города Москвы). Автореф. дис. ... канд. мед. н. М., 1971. — 25 с.

Набоков 1904 — *Набоков В.Д.* Плотские преступления по проекту уголовного уложения // Сборник статей по уголовному праву. СПб.: Типография товарищества «Общественная польза», 1904. — С. 86–146.

Навайтис 1988 — *Навайтис Г.* Отношение молодежи к добрачным половым связям // *Социологические исследования*. 1988. № 2. С. 79–80.

Немировский 1982 — *Немировский Д.Э.* Об отношении молодежи к добрачной половой жизни // *Социологические исследования*. 1982. № 1. С. 119–120.

Ницше 1901 — *Ницше Ф.* Утренняя заря. М., 1901. — 407 с.

Новополин 1909 — *Новополин Г.С.* Порнографический элемент в русской литературе. СПб., 1909. — 247 с.

НР 1977 — *Население России 1976: Ежегодный демографический доклад* / Отв. ред. А.Г. Вишневский. М.: Центр демографии и экологии человека, 1977. — 205 с.

НР 2002 — *Население России 2001: Девятый ежегодный демографический доклад* / Отв. ред. А.Г. Вишневский. М.: Книжный дом «Университет», 2002. — 216 с.

Ожегов 1986 — *Ожегов С.* Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1986. — 758 с.

Ортега-и-Гассет 1991 — *Ортега-и-Гассет Х.* Этюды о любви // *Звезда*. 1991. № 12. С. 139–174.

ОС 1977 — *Общая сексопатология: Руководство для врачей* / Под ред. Г.С. Васильченко. М.: Медицина, 1977. — 488 с.

Оссовская 1987 — *Оссовская М.* Рыцарь и буржуа: Исследования по истории морали / Пер. с польск. К. Душенко; вступ. статья А. Гусейнова и К. Шварцман. М.: Прогресс, 1987. — 527 с.

Пас 1994 — *Пас О.* Стол и постель / Пер. с исп., предисл. Б. Дубина // *Человек*. 1994. № 1. С. 141–157.

Пас 1997 — *Пас О.* Солнечная система / Пер. с исп., предисл. Н. Богомоловой // *Иностранная литература*. 1997. № 7. С. 224–235.

Платон 1970 — *Платон.* Пир // Соч.: В 3 т.: Пер. с древнегреч. / Под общ. ред. А.Ф. Лосева и В.Р. Асмуса; вступит. ст. А.Ф. Лосева. М.: Мысль, 1970. Т. 2. С. 95–156.

Покровская 1910 — *Покровская М.И.* Единая половая нравственность // *Женский вестник*. 1910. № 4. С. 89–92.

Плутарх 1983 — *Плутарх.* Сочинения / Пер. с древнегреч., сост. С.С. Аверинцева; вступ. статья А.Ф. Лосева. М.: Художественная литература, 1983. — 703 с.

Попов 1935 — *Попов Е.А.* О классификации половых извращений // *Проблемы психиатрии и психопатологии* / Ред. С.Н. Давиденков. М.: Биомедгиз, 1935. С. 5–6.

Попов 1979 — *Попов Б.Н.* Отношение молодежи к вопросам любви, брака и семьи // *Сельская молодежь Якутии: Общественно-политическая активность. Моральное и эстетическое сознание. Межличностные отношения*. Якутск, 1979. С. 60–79.

Поршнев 1969 — *Поршнев Б.Ф.* Функция выбора — основа личности // *Проблемы личности: (Материалы симпозиума)* / Ред. кол. В.М. Банщиков, Л.Л. Рохлин, Е.В. Шорохова. М.: Всесоюзное научное медицинское общество невропатологов и психиатров; Институт философии АН СССР, 1969. Т. I. С. 344–349.

Пушкарева 1995 — *Пушкарева Н.Л.* Семья, женщина, сексуальная этика в православии и католицизме: Перспективы сравнительного подхода // *Этнографическое обозрение*. 1995. № 3. С. 55–59.

Равич 1920 — *Равич С.Н.* Борьба с проституцией в Петрограде // *Коммунистка*. № 1. 1920. С. 21–23.

Розанов 1990 — *Розанов В.В.* Люди лунного света: Метафизика христианства // Соч.: В 2 т. М.: Правда, 1990. — Т. 2. С. 7–194.

Романов 1988 — *Романов П.* Без черемухи. // *Рассказы*. М., 1988. С. 5–14.

Рубинштейн 1928 — *Рубинштейн М.М.* Юность., М., 1928. — 185 с.

Румянцев 1912 — *Румянцев Н.* Проблема полового воспитания с психологической точки зрения // *Вестник воспитания*. 1912. № 8. С. 30–71.

Саймон 2003 — *Саймон В.* Желание — это нечеткая матрица // *Сексология и сексопатология*. 2003. № 5. С. 45.

Сартр 1991 — *Сартр Ж.-П.* Размышления о еврейском вопросе // *Нева*. 1991. № 7–8. С. 150–159.

Сартр 1992 — *Сартр Ж.-П.* Фрейд: Сценарий. Первый вариант / Пер. с фр. Л. Токарева. М.: Новости, 1992. — 301 с.

Сафо 2000 — *Сафо.* Лира, лира священная / Пер. с древнегреч. В.В. Вересаева. М.: Летопись, 2000. — 156 с.

Сафро 1978 — *Сафро Е.* Методические вопросы определения факторов стабилизации молодой семьи // *Стабильность семьи как социальная проблема*. М.: ИСИ, 1978. С. 68.

Свифт 1998 — *Свифт Г.* Последнее распоряжение // *Иностранная литература*. 1998. № 1. С. 105–232.

Свядош 1967 — *Свядош А.М.* О некоторых биологических причинах и о классификации аноргазмии женщины // *Вопросы психиатрии, психотерапии, сексологии*. Караганда, 1967. С. 119–121.

Свядоц 1974 — *Свядоц А.М.* Женская сексопатология. М.: Медицина, 1974. — 183 с.

Симонов 1920 — *Симонов И.С.* Школа и половой вопрос. Пг.: 4-я государственная типография, 1920. — 52 с.

Скворцов 1927 — *Скворцов С.* Разврат ли это? // Смена. 1927. № 8. С. 6.

Смидович 1926 — *Смидович С.* Молодежь и любовь // Быт и молодежь. М.: Правда; Беднота, 1926. С. 62—64.

Соколова, Ильина 2000 — *Соколова Е.Т., Ильина С.В.* Роль эмоционального опыта жертв насилия для самоидентичности женщин, занимающихся проституцией // Психологический журнал. 2000. Т. 21, № 5. С. 70—81.

Соловьев 1994 — *Соловьев Вл.* Смысл любви // Чтение о Богочеловечестве: Статьи и др. СПб.: Художественная литература, 1994. С. 298—356.

Соловьев 1998 — *Соловьев Вл.* Избранное. СПб.: Диамант, 1998. — 448 с.
Стратоницкий 1926 — *Стратоницкий А.* Вопросы быта в комсомоле. Л.: Прибой, 1926. — 110 с.

Студиницын, Туранов 1962 — *Студиницын А.А., Туранов Н.М.* О мероприятиях по ликвидации заразных форм сифилиса в СССР // Вестник дерматологии и венерологии. 1962. № 11. С. 3—7.

Сумбаев 1936 — *Сумбаев И.С.* К психотерапии гомосексуализма // Советская психоневрология. 1936. № 3. С. 59.

СФС 2004 — Современный философский словарь. М.: Академический проект, 2004. — 862 с.

Тавит, Кадастик 1980 — *Тавит А., Кадастик Х.* Начало сексуальной жизни // Проблемы стабильности брака: (Проблемы семьи — IV). Тарту: ТГУ, 1980. С. 6—8.

Тайлор 1989 — *Тайлор Э.Б.* Первобытная культура. М.: Политическая литература, 1989. — 573 с.

Тарновская 1887 — *Тарновская П.Н.* О некоторых антропологических измерениях и физических признаках вырождения у привычных проституток // Русский врач. 1887. № 48. С. 3.

Тарновская 1901 — *Тарновская П.Н.* V-й Международный съезд криминальной антропологии (Амстердам, 9—14 сентября 1901 г.) // Обзорение психиатрии, неврологии и экспериментальной психологии. 1901. № 11. С. 871—879; № 12. С. 925—933.

Тарновский 1885 — *Тарновский В.М.* Извращение полового чувства. СПб., 1885. — 294 с.

Тарновский 1888 — *Тарновский В.М.* Проституция и аболиционизм. СПб.: Изд-во К. Риккера, 1888. — 261 с.

Тарновский 1895 — *Тарновский И.М.* Извращение полового чувства у женщин. СПб.: Тип. С.Н. Худякова, 1895. — 163 с.

Тёмкина 1999 — *Тёмкина А.А.* Динамика сценариев сексуальности в автобиографиях российских женщин: Опыт конструктивного исследования сексуального удовольствия // Гендерные тетради / Научн.

ред. А.А. Клёдин. СПб.: Филиал Института социологии РАН, 1999. Вып. 2. С. 20—54.

Тийт 1978 — *Тийт Э.* Факторы, влияющие на стабильность брака // Стабильность семьи как социальная проблема. М.: ИСИ АН, 1978. С. 136—145.

Тригорин 1909 — *Тригорин М.* Проблема пола и «Санин» Арцыбашева. М., 1909. — 52 с.

Тодд 2000 — *Тодд О.* Альбер Камю, жизнь // Иностранная литература. 2000. № 4. С. 178—211.

Фести, Приу 1979 — *Фести П., Приу Ф.* Разводы в Европе после 1950 г. // Развод. Демографический аспект / Ред. А.Г. Волков. М.: Статистика, 1979. С. 11—47.

Фридман 1965 — *Фридман Р.* Любовная лирика трубадуров и ее истолкование // Ученые записки Рязанского пед. ин-та. М.: Просвещение, 1965. Т. 34, вып. 1. С. 87—417.

Фромм 1990 — *Фромм Э.* Искусство любви. М.: Знание, 1990. — 51 с.

Фуко 1996 — *Фуко М.* Воля к истине: По ту сторону знания, власти и сексуальности / Сост., пер. с фр., коммент. и послесл. С. Табачниковой. М.: Магистериум: «Касталь», 1996. — 447 с.

Фуко 1998 — *Фуко М.* История сексуальности — III: Забота о себе / Пер. с фр. Т.Н. Титовой и О.И. Хомы; под общ. ред. А.Б. Мокроусова. Киев: Дух и литера; Грунт; М.: Рефл-бук, 1998. — 288 с.

Харчев, Голод 1969 — *Харчев А.Г., Голод С.И.* Молодежь и брак // Человек и общество. Л., Изд-во ЛГУ, 1969. Вып. VI. С. 125—142.

Хилл 1972 — *Хилл Р.* Семейные решения и социальная политика; социологический аспект // Изменение положения женщины и семья: (Международный семинар по исследованию семьи). М.: Наука, 1977. С. 197—210.

Цеткин 1979 — *Цеткин К.* Из записной книжки // Воспоминания о В.И. Ленине: В 5 т. М., Политическая литература. 1979. Т. 5. С. 38—62.

Черных 1993 — *Черных А.И.* «Крылатый эрос» и промфинплан // Социологические исследования. 1993. № 8. С. 103—113.

Членов 1907 — *Членов М.А.* Половая перепись московского студенчества // Русский врач. 1907. № 31—32. С. 1072—1111.

Шаргородский 1953 — *Шаргородский М.Д.* Ответственность за преступления против личности. Л.: Юридическая литература, 1953. — 108 с.

Шашков 1898 — *Шашков С.С.* Исторические судьбы женщин, детоубийство и проституция: В 2 т. СПб.: Изд. Шигина. 1898. Т. 1. — 326 с.

Шевченко 1969 — *Шевченко Э.М.* Задачи основ полового воспитания среди дошкольников // Вопросы сексопатологии: (Материалы научно-практической конференции). Труды Московского НИИ психиатрии МЗ РСФСР. М., 1969. Том 58. С. 14—15.

Штернберг 1904 — *Штернберг Л.Я.* Гиляки // Этнографическое обозрение. 1904. № 1. С. 1—42.

Энгельштейн 1996 – *Энгельштейн Л.* Ключи счастья: Секс и поиск путей обновления России на рубеже XIX – XX веков / Пер. с англ. В. Павлова. М.: Терра, 1996. – 572 с.

Эфроимсон 1995 – *Эфроимсон В.П.* Генетика этики и эстетики. СПб.: Талисман, 1995. – 288 с.

Adams 1986 – *Adams B.* The Family: A Sociological interpretation. Orlando, 1986. – 457 p.

Barret 1980 – *Barret E.* Sexual experience, birth control usage, and sex education of unmarried Canada university students: changes between 1968 and 1978 // Arch. Sex Behav. 1980. Vol. 9. P. 95–96.

Béjin 1993 – *Béjin A.* La masturbation féminine en France: Un exemple d'estimation et d'analyse de la sous-déclaration d'une pratique // Population. 1993. № 5. P. 1448–1450.

Binet 2001 – *Binet A.* Le fétichisme dans l'amour. P.: Petite Bibliothèque Payot, 2001. – 141 p.

Bozon 1990 – *Bozon M.* Les femmes et l'écart d'âge entre conjoints // Population. 1990. № 3. P. 565–602.

Bozon 1993 – *Bozon M.* Les pratiques sexuelles au cours de la vie // Les comportements sexuels en France. P.: La documentation Française. 1993. P. 128–141.

Christensen, Gregg 1970 – *Christensen H.T., Gregg Ch. F.* Changing sex norms in America and Scandinavia // Journal of Marriage and the Family. 1970. November. P. 616–627.

CK 1970 – [Anonim]. Communist Kinseys // Time. 1970. Vol. 95. № 26. P. 23.

Ellis 1962 – *Ellis A.* The American Sexual Tragedy. N. Y.: Twayne Publishers, 1962. – 257 p.

Giddens 1992 – *Giddens A.* The Transformation of Intimacy: Sexuality, Love and Eroticism in Modern Societies. Stanford: Stanford Univ. Press, 1992. P. 18–36.

Golod 1969 – *Golod S.I.* Sociological Problems of Sexual Morality // Soviet Sociology. 1969. Summer. Vol. VIII. № 1. P. 3–23.

Haavio-Mannila, Rotkirch 1997 – *Haavio-Mannila E., Rotkirch A.* Generational and Gender Differences in Sexual Life in St. Petersburg and Urban Finland // Yearbook of Population research in Finland. Helsinki, 1997. XXXIV. P. 133–160.

Ihinger-Tallman, Pasley 1987 – *Ihinger-Tallman M., Pasley K.* Remarriage sage Publications. Newbury Park; L.; New Delhi, 1987. – 160 p.

JJZZ 1982 – Jugendlexikon Jugend zu zweit. Leipzig: VEB Bibliographisches Institut, 1982. – 242 s.

Kinsey a. o. 1948 – *Kinsey A.C., Pomeroy W.B., Martin C.E.* Sexual Behavior in the Human Male. Philadelphia: W.B. Saunders Company, 1948. – 595 p.

Kinsey a. o. 1953 – *Kinsey A.C., Pomeroy W.B., Martin C.E., Gebhard P.H.*

Sexual Behavior in the Human Female. Philadelphia: W.B. Saunders Company, 1953. – 842 p.

König 1965 – *König R.* Jugend in der Familie. München, 1965. – 247 s.

Kontula, Haavio-Mannila 1995 – *Kontula O., Haavio-Mannila E.* Sexual Pleasures: Enhancement of Sex Life in Finland, 1971–1992. Dartmouth: Aldershot, 1995. – 287 p.

Malewska 1967 – *Malewska H.* Kulturowe i psychospoleczne determinanty zycia seksualnego. Warszawa: Naukowe, 1967. – 257 s.

Metz-Göckel, Müller 1986 – *Metz-Göckel S., Müller U.* Der Mann: Die Brigitte-Studie. Weinheim; Basel: Beltz, 1986. – 160 s.

Parent-Duchatelet 1836 – *Parent-Duchatelet A.* De la prostitution dans la ville de Paris. P., 1836. – 138 p.

Reiss 1960 – *Reiss I.* Premarital Sexual Standards in America. N. Y.: The Free Press of Glencoe, 1960. – 286 p.

Reiss 1991 – *Reiss I.* Sexual pluralism: Ending America's Sexual Crisis // SIECUS Report. 1991. February–March. P. 5–11.

Roussel 1989 – *Roussel L.* La Famille incertaine. P.: Éditions Odibe Jacob, 1989. – 337 p.

Russell 1929 – *Russelle B.* Marriage and Morals. N. Y.: Horace Liveright, 1929. – 304 p.

Spira, Bajos 1993 – *Spira A., Bajos N. et le groupe ASCF.* Les comportements sexuels en France. P.: La documentation Française. 1993. – 352 p.

Starke 1980 – *Starke K.* Yunge partner. Leipzig, 1980. – 191 s.

Shelsky 1964 – *Shelsky H.* Soziologie der Sexualität. München, 1964. – 192 s.

Schmidt 2002 – *Schmidt G.* Lassen sich aus dem kulturellen Wandel von Sexualität und Familie in den westlichen Gesellschaften Tendenzen der zukünftigen Entwicklung in der Volksrepublik China ableiten? // Leitschrift für Sexualforschung. 2002. № 1. S. 43–57.

Walker, Fletcher 1962 – *Walker K., Fletcher P.* Sex and Society. L., 1962. – 205 p.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Адамс Б. (Adams B.) 193
 Алексеева В.Г. 83, 212
 Алетрино 20
 Алкивиад 31
 Андреев Л. 30
 Андреева Л.А. 55, 212
 Анохин П.К. 176, 212
 Апулей 141
 Аристархова И.Л. 5, 212
 Аристархова Т. 36
 Аристипп 135
 Аристофан 37
 Артемидор 16, 212
 Аспазия 23
 Афродита Урания 30
 Афродита Пандемос 30, 31
 Ахшарумов Д. 25
- Бажо Н. (Bajos N.) 112, 187, 223
 Бальдансперже Ф. 129
 Бараш М. 39, 40, 44, 212
 Барнс Дж. 127, 128, 212
 Баррет Е. (Barret E.) 101, 222
 Батай Ж. 90, 91, 212
 Бахтин М.М. 54, 123, 127, 212
 Бежен А. (Béjin A.) 5, 119, 143, 186,
 208, 212, 222
 Бек У. (Beck U.) 191, 212
 Белкин А.И. 136, 213
 Бергер П. (Berger P.) 6, 213
- Бердяев Н.А. 15, 213
 Бернштейн А.Н. 62, 213
 Бессмертный Ю.Л. 122, 213
 Бехтерев В.М. 27, 213
 Бине А. (Benet A.) 147, 222
 Блох И. 22, 213
 Бовуар С. де 116, 155, 161, 163, 166,
 169, 171, 195, 209, 213
 Богданович Л.А. 61, 213
 Богораз-Тан В. 54
 Бозон М. (Bozon M.) 146, 150, 222
 Бонхеффер Д. 126, 213
 Боргман Г. 35, 213
 Борисов С.Б. 143, 158, 213
 Бороноев А.О. 7
 Ботнева И.Л. 140, 141, 213
 Бочарова О.А. 144, 213
 Брайан Л. 168, 213
 Брейер И. 17
 Бретон А. 128, 129
 Броннер В.М. 55, 213
 Брюкке Э. 18
 Брюллов К.П. 206
 Бухарин Н.И. 47
- Васильченко Г.С. 55, 143, 213, 218
 Ватсыяна 187, 213
 Вирениус А.С. 26, 213
 Виттельс Ф. 16, 18, 214
 Вишневский А.Г. 196, 214, 218

- Волкер (Walker) 73, 223
 Волков А.Г. 196, 214, 221
- Ганнушкин П.Б. 15, 19, 214
 Гаршин В.М. 29
 Гебхард П. (Gebhard P.) 222
 Гельман И. 38, 39, 40, 41, 42, 43,
 44, 45, 78, 171, 214
 Геодакян В.А. 137, 214
 Гернет М.Н. 42, 214
 Гидденс Э. (Giddens A.) 5, 156,
 173, 182, 196, 222
 Гиппиус З.Н. 23
 Голод С.И. 5, 7, 21, 42, 43, 55, 65,
 70—73, 79, 86, 92, 112, 120, 134,
 156, 174—176, 208, 212, 214, 221,
 222, 232
 Голосенко И.А. 5, 21, 42, 55, 208,
 214
 Голосовкер С.К. 39, 44, 214
 Горький А.М. 30
 Грегг Ч. (Gregg Ch.) 73, 222
 Григоров Г. 35, 38, 214
 Гроссер Ф.И. 39, 40, 44, 215
 Гуревич З.А. 39—42, 44, 78, 215
 Гурко Т.А. 86
 Гуйо Ж.М. 97, 215
- Даль В.И. 180, 215
 Дали С. 206
 Деревинская Е.М. 171, 172, 215
 Диоген Синопский 26
 Диоген Лаэртский 26, 215
 Дмитриев А.В. 175, 176
 Достоевский Ф.М. 54
- Елистратов А.И. 25
 Ермаков И. 54
- Жбанков Д. 25, 28, 40
 Жук О. 171, 215
- Залкинд А.Б. 48—52, 54, 215
 Замковский С. 34, 35, 215
 Зевс 37
- Зимбардо Ф. 153, 215
 Зиновьева-Аннибал Л. 23, 30
 Золотарев Л.А. 197, 199, 215
- Иванов Н.В. 64, 93, 94, 215
 Иванов-Смоленский А.Г. 55, 215
 Игнатов А.Н. 56, 57, 215
 Иконникова С. 70
 Ильина С.В. 104, 113, 215, 220
 Ильф И.А. 55, 56, 215
 Ингер-Таллман М. (Ihinger-Tall-
 man M.) 193, 222
 Исаев Д.Н. 138, 215
- Каган В.Е. 138, 215
 Кадастик Х. 85, 220
 Казарес М. 209
 Каменский Ан. 30
 Камю А. 209
 Кант И. 12, 13, 215
 Кейра 29, 215
 Кено Р. 129
 Кениг Р. (König) 73, 223
 Кетлинская В.К. 38, 216
 Кинзи А. (Kinsey A.) 21, 68, 73, 143,
 156, 222
 Клейн Л. 127, 132, 216
 Клёцин А.А. 81, 86, 177, 216, 221
 Ковалевский П. 12
 Козакевич М. (Kozakiewicz M.) 101,
 216
 Коган Л.Н. 175
 Коллонтай А.М. 48, 49, 52, 71, 216
 Колпаков Ф.И. 57, 216
 Кон И.С. 5, 6, 55, 70, 104, 132, 139,
 216
 Контула О. (Kontula O.) 101, 112,
 151, 160, 180, 181, 223
 Красуля С.Н. 22, 216
 Краффт-Эбинг Р. (Krafft-Ebing R.)
 12
 Кристенсен Х. (Christensen H.)
 73, 222
 Крупская Н.К. 47
 Кудашева-Роллан 171, 172

Кудрявцев В.Н. 71
Кузмин М. 30, 216
Кузнецов М.А. 21, 216
Кузнецова Л.В. 29, 120, 156, 214, 216
Кузьмин А.В. 51, 216
Кулидж К. 139
Куприн А.И. 29

Ламблен Б. 116, 166, 171, 172, 216
Ласс Д. 39, 41, 42, 55, 78, 217
Латышев И.А. 67, 217
Лафарг П. 197, 199, 206, 217
Лебина Н.В. 23, 217
Левенфельд Л. 13, 217
Ленин В.И. 52, 53, 68
Либин А.В. 217
Либи́на Е.В. 217
Либих С.С. 140, 216, 217
Лимонов Э. 127
Лисовский В.Т. 80, 111
Локк Дж. 98, 217
Ломброзо Ц. (Lombroso C.) 22, 24, 217
Лосев А.Ф. 135, 139, 215, 217, 218
Лосева О.К. 101, 217
Лосская В. 171
Луман Н. (Luhmann N.) 5
Лукиан 5
Луначарский А.В. 47, 48, 214, 217
Лэндис П. 193

Малашкин С. 36, 37, 217
Малевская Х. (Malewska H.) 94, 223
Майорова В. 33, 217
Майровский Е. 28
Маркс К. 33, 217
Мартин К. (Martin C.) 222
Мастерс У. (Masters U.) 156
Медина Т. 86, 217
Мейнерт 18
Метгер 73
Мец-Гокел С. (Metz-Göckel C.) 121, 223
Миллер Г. 208, 217

Миллетт К. (Millett K.) 155, 217
Мильтманн-Вендель Э. 161, 217
Мирон 23
Михеева А.Р. 189, 218
Моль А. (Moll A.) 12
Монтень М. 126, 218
Морган Л. (Morgan L.) 40, 68
Мыскин В.С. 59, 60, 218
Мюллер У. (Müller U.) 121, 223

Набоков В.Д. 18, 19, 21, 218
Навайтис Г. 85, 218
Нечаева Н.А. 81, 86
Немировский Д.Э. 85, 218
Ницше Ф. 193, 218
Новополин Г.С. 30, 218

Обозненко П. 25
Ожегов С.И. 65, 218
Ольгрен Н. 166
Ольшанский В. 59
Ортега-и-Гассет Х. 137, 218
Осипов Г.В. 69
Оссовская М. 128, 218

Павел, апостол 63
Павсаний 30
Паран-Дюшатле А. (Parent-Duchatelet A.) 21, 223
Пас О. 121, 125, 218
Пасли К. (Pasley K.) 193, 222
Пере Б. 128
Перикл 23
Персефона 31
Петров Е.П. 55, 56, 215
Платон 5, 30, 31, 37, 48, 49, 132, 218
Плутарх 5, 107, 121, 135, 175, 194, 219
Покровская М.И. 25, 219
Помероу У. (Pomeroy W.) 222
Попов Б.Н. 85, 219
Попов Е.А. 55, 219
Поршнева Б. 175, 219
Превьер Ж. 129

Преображенский Е. 47
Приу Ф. (Prioux F.) 207, 221
Пушкарева Н.Л. 64, 195, 219

Равич С.Н. 34, 219
Рассел Б. (Russell B.) 43, 73, 223
Ремер А. 28
Рис А. (Reiss A.) 5, 65, 82, 93, 223
Рожин В.П. 70
Розанов В.В. 5, 141, 142, 154, 219
Романов П. 36, 219
Роткирх А. (Rotkirch A.) 122, 222
Рубинштейн М.М. 45, 62, 219
Румянцев Н. 26, 219
Руссел Л. (Roussel L.) 188, 223
Руссел Ф. (Roussel F.) 24

Сад, де Д.-А. 90, 208
Саймон У. (Simon W.) 188, 219
Салтыков-Щедрин М.Е. 68
Сартр Ж.-П. 17, 18, 116, 117, 138, 166, 209, 219
Сафо 31, 219
Сафро Е. 177, 219
Свифт Г. 131, 219
Святош А.М. 55, 139, 140, 219, 220
Сенека 120
Серве Ж. 209
Сергеев-Ценский С.Н. 29
Симонов И.С. 62, 220
Скворцов Н.Г. 7
Скворцов С. 34, 35, 220
Скопас 23
Слепков В. 38, 216
Смидович С. 35, 47, 220
Соколова Е.Т. 113, 220
Сократ 30, 31
Соловьев Вл.С. 13, 14, 121, 171, 220
Сологуб Ф.К. 29
Солон 23, 107
Сольц А. 47
Сорокин П. 156
Спира А. (Spira A.) 112, 187, 223

Старке К. (Starke) 101, 223
Стратоницкий А. 35, 36, 220
Студиницын А.А. 58, 220
Сумбаев И.С. 55, 220
Суслова Л. 177

Тавит А. 85, 220
Таганцев М. 25
Тайлор Э.Б. 136, 220
Тарновская П.Н. 20, 24, 220
Тарновский В.М. 21, 22, 220
Тарновский И.М. 13, 19, 45, 171, 220
Тёмкина А.А. 6, 220
Тийт Э. 176, 221
Тригорин М. 29, 221
Толстой Л.Н. 30
Тодд О. 209, 221
Туранов Н.М. 57, 58, 220

Умэдзава Ф. 67
Уолкер К. (Walker K.) 73, 223

Фавр В. 28, 78
Федорова А. 161
Ферреро Д. (Ferrero G.) 22, 24, 217
Фести П. (Festy P.) 207, 221
Франсина 209
Фрина 23
Фирсов Б.М. 81
Флетчер Р. (Fletcher P.) 73, 223
Флисс В. 17, 18
Фрейд З. (Freud S.) 15, 16, 17, 18
Фридман Р. 198, 221
Фромм Э. 125, 221
Фуко М. (Foucault M.) 5, 9, 12, 16, 25, 157, 221

Хаавиа-Манни́ла Э. (Haavia-Mannila E.) 101, 112, 122, 151, 160, 180, 181, 223
Хайт Ш. (Hite Sh.) 156
Харчев А.Г. 55, 73, 175, 221
Хилл Р. (Hill R.) 173, 221

Цветаева М.И. 171
Цеткин К. 52, 221

Черных А.И. 120, 221
Чистякова Т.В. 101, 217
Членов М.А. 28, 44, 78, 221
Чужак И. 36, 37

Шаргородский М.Д. 55, 221
Шашков С.С. 195, 221
Шевченко Э.М. 62, 221
Шельский Х. (Shelsky H.) 93, 94,
223
Шкаровский М.В. 23, 217
Шкотов С. 35, 38, 214

Шмидт Г. (Schmidt G.) 63, 190, 223
Шопенгауэр А. 194
Штарке К. (Starke K.) 101, 223
Штернберг Л.Я. 22, 221

Эллис А. (Ellis A.) 51, 222
Энгельс Ф. 33, 37, 53, 68, 71, 217
Энгельштейн Л. 5, 20, 25, 29, 222
Эрот 5, 30, 135
Эфроимсон В.П. 66, 222
Эфрон С. 171

Юник П. 129

Ядов В.Я. 69, 72, 175

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Аболиционизм 23–25
Абстиненция 12, 27, 28, 56, 65, 66,
91
Адольтер 11, 18, 19, 29, 32, 36, 44,
46, 66, 97, 157, 159, 160, 163, 192,
195, 199, 201, 204–210
Аскетизм 48, 50–51, 55, 61, 63, 65,
77
Брак
 модернистский (супружеский)
 159, 160, 171, 174, 176, 177,
 179, 182, 184
 открытый (swinning) 35, 104,
 160, 162, 194, 195
 повторный (remarriage) 160,
 188, 190, 193
 «самокруткой» 11
 «снохачество» 19
 сожительство (cohabit) 34, 35,
 189–195
Вакханалии, дионисийство (и про-
чие карнавальности) 34–36, 47,
104
Венерические болезни 56–59, 66,
93, 101
Вуайеризм 47, 103
Вырождение 13, 15–16, 20
Геи (урнинги) 11, 13, 20–21, 27,
30, 45, 76
Гендерная мораль
 двойная 46, 156–157, 185, 201
 единая 46, 81, 156–157
 иудео-христианская 11, 12, 32–
 33, 62, 80, 136
 плюральная 32, 76, 83, 90, 96,
 135, 189
Девственность 50, 62–67, 73, 77,
151, 156, 196
Диморфизм 138–139, 154
Духовный верх 13–14, 34, 38, 97,
124–125
Женские экспрессивные типы
 амазонки 65, 143, 154, 184
 викторианки 65, 81, 143, 154,
 155, 158, 164
 модернистки 65, 155, 159
 трансвестистки 65, 81, 154–
 155
Зоофилия 11, 18–19
Импотенция 6, 54, 56, 204
Инцест 11, 18–19
Куннилингус 186, 187

Лесбиянки (триады) 13, 18, 27, 30–31, 45, 172–173

Мазохизм 30, 154–155

Маскулинность 140, 142–143, 145–146, 148, 152–153, 171, 185

Мастурбация 17, 25–27, 44, 118–120, 144, 148, 154, 187, 208–209

Материально-телесный низ 13, 14, 34, 38, 124, 125, 147, 172, 201

Матримониальное поведение 11–12, 14, 20, 28, 47, 96, 157, 189, 195

Методы изучения эротики

качественные (эпистолы, нарративные интервью, экспертные оценки) 5, 53, 63–64, 139, 163–168

количественные (статистические) 28, 39, 40–41, 73, 79

Молодежные эротические типы гедонистический 126, 127, 133 любовный 82, 124, 126, 133 познавательный 131, 133, 142 рекреационный 128–132, 133 релаксационный 46, 82, 131–133, 141

Моногамия 6, 19, 174, 207

Мотивы адюльтера

неудовлетворенность семейной жизнью 44

новая любовь 44, 204, 205, 206

разлука с женой/мужем 44

случайность 204, 205, 206

физическая неудовлетворенность партнером 44, 204, 205, 206

чувство одиночества 44, 204, 205

Мотивы нелегитимных эротических практик

боязнь потерять партнера 102, 146

влияние алкоголя 102, 153

любовь 29, 41, 102, 146, 150, 153

любопытство 29, 41, 102, 146

насилие 102

сексуальное влечение 41, 102, 146, 153

случайность 41, 102, 150

соблазнение 29, 41, 102, 153

стремление не отстать от сверстников 102, 153

Мужской шовинизм 66, 72, 170, 184

Некрофилия 14, 18, 30

Нимфомания 101

Нормы

естественные 12, 15, 35, 36, 122, 123

моральные 12, 15, 35, 46, 97, 122, 124, 125

религиозные 12, 13, 35, 123, 136

Ориентация молодежи на возможность добрых сексуальных контактов

амбивалентная 74, 79, 80, 81, 86, 98

оправдывающая 74, 79, 80, 81, 84, 86, 98, 157

осуждающая 74, 79, 80, 81, 84, 86, 98, 157

Ориентация мужчин и женщин на возможность адюльтера возможно 86, 88, 201, 202 вполне естественно 86, 88, 201, 202

достойно осуждения 86, 88, 201, 202

не особенно желательно 86, 88, 201, 202

Пансексуальность 15–17

Партнеры по эротическому де-

бюту

женатый мужчина/замужняя женщина 29, 76, 104, 108

жених/невеста 42, 76, 104, 107, 150

любимый/любимая 76, 104, 108 муж/жена 42, 76, 104

проститутка/хаслер 29, 42, 104, 111, 112

случайный знакомый/случайная знакомая 29, 42, 76, 104, 149, 150

хороший знакомый/хорошая знакомая 29, 104

Партнер по адюльтеру

любимая/любимый 206

подруга/друг 204

проститутка/хаслер 204

случайная знакомая 203, 205

Педофилия 6, 11, 101

Петтинг и прочие эротические заменители 28, 64, 93, 144, 153, 159

Промискуитет 36, 40, 47, 59, 60, 101

Проституция 6, 12, 21–23, 29, 30, 38, 42, 43, 56–57, 61, 77, 96, 108 112, 186, 198, 199, 203, 204, 209

Регламентация 23, 24

Садизм 15, 90, 143, 155

Способы контрацепции

внутриматочные 93

календарный метод 93

не предохраняю 92, 93

оральные (таблетки) 93

фелляция 93

coitus interruptus 11, 93

Трансформация понятия при-стойности 47–53, 73, 184

Факторы, содействующие распро-странению мастурбации влияние товарищей/подруг 26, 44, 186

внутреннее побуждение 44

литература 44, 187

отсутствие надежного партне-ра/партнерши 187

Фелляция 186, 187

Фемининность 140, 142, 143, 145, 146, 149, 152, 153, 171, 185, 204

Фетишизм 13, 14, 27, 147, 154

Формы эротического просвеще-ния молодежи

домашняя 54, 61

друзья 93

литература 54, 61, 62

некие взрослые 93

школьные 61, 62

Фригидность 161, 164, 165, 204

Целомудрие 8, 48, 62, 65, 67, 80, 151, 156

Ценности супружества

автономия 84, 97, 174, 175, 183–184, 207

адаптация 174–181

интимность 174, 175, 181–183, 207

Экгибиционизм 30

Эрот 12, 28, 37, 47, 83, 136

Этапы исследования сексуально-сти в России

«дионисийство» 6, 33, 53

«евнуховидность» 6, 54, 77

«сексуальный ренессанс» 6, 98, 193

эмансипация сексуальности 6, 11, 32

ОБ АВТОРЕ

Голод Сергей Исаевич (р. 1935), доктор философских наук, главный научный сотрудник Социологического института РАН (Санкт-Петербург), профессор факультета социологии СПб ГУ, действительный член Академии гуманитарных наук. Специализируется в области социологии семьи, гендерных и сексуальных отношений. Автор шести книг и более ста научных статей, многие из которых опубликованы в академических изданиях: «Социологический журнал», «Социологические исследования», «Журнал социологии и социальной антропологии», «Человек», «Сексология и сексопатология»... Оригинальные работы ученого по социологии семьи и сексуальности опубликованы в Англии, Бельгии, Венгрии, Германии, Голландии, Индии, Италии, США, Японии, а также в новых государствах на территории постсоветского пространства — Латвии, Литве, Украине и Эстонии.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
Глава 1. ЭМАНСИПАЦИЯ СЕКСУАЛЬНОСТИ В РОССИИ: РУБЕЖ XIX—XX ВЕКОВ	11
Глава 2. БЛУЖДЕНИЯ, ПОИСК, НАХОДКИ В ИНТИМНОЙ СФЕРЕ: 20-Е ГОДЫ XX ВЕКА («ДИОНИСИЙСТВО»)	33
Глава 3. ЭСКИЗ ЭРОТИКО-СЕКСУАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙ- СТВИЯ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ 1930—1960-Х ГОДОВ («ЕВНУХОВИДНОСТЬ»)	54
Глава 4. ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ И ФАКТОРЫ, СДЕРЖИВАЮЩИЕ ЮНОШЕЙ И ДЕВУШЕК ОТ НЕЛЕГИТИМНОЙ СЕКСУАЛЬНОСТИ (ПО МА- ТЕРИАЛАМ ОПРОСОВ 1965—1999 ГГ.)	79
Глава 5. СЕКСУАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ, НЕ ЦЕНТРИРОВАН- НЫЕ НА МАТРИМОНИАЛЬНОСТЬ: ПОСЛЕДНЯЯ ТРЕТЬ XX ВЕКА («СЕКСУАЛЬНЫЙ РЕНЕССАНС»)	98
Глава 6. НЕЛЕГИТИМНЫЕ МОЛОДЕЖНЫЕ СЕКСУАЛЬ- НЫЕ СТАНДАРТЫ В РОССИИ НАКАНУНЕ XXI ВЕКА	120
Глава 7. ЭРОТИКА И СУБКУЛЬТУРНАЯ ДИФФЕРЕНЦИ- АЦИЯ ПОЛОВ	136
Глава 8. СЕКСУАЛЬНАЯ ЭМАНСИПАЦИЯ ЖЕНЩИН И ПРОБЛЕМА ДРУГОГО	155
Глава 9. СУПРУЖЕСТВО И СЕКСУАЛЬНОСТЬ	173
Глава 10. ПРЕЛЮБОДЕЯНИЕ (АДЮЛЬТЕР): ГИПОТЕЗЫ, ФАКТЫ, СЦЕНАРИИ	192
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	212
ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ	224
ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ	229
ОБ АВТОРЕ	232

Голод С.И.

Что было пороками, стало нравами: Лекции по социологии сексуальности. М.: Ладомир, 2005. — 233 с. (Русская потаенная литература)
ISBN 5-8628-404-X

В книге рассмотрены генезис и трансформация социологии сексуальности в нашей стране в контексте аналогичных процессов, разворачивающихся на Западе. Детально проанализированы такие злободневные для нынешней России темы как утрата браком монопольного контроля за сексуальностью, расширение зоны «параллельных» парным эротических практик (в том числе нелегитимных) и многое другое.

Опираясь на данные уникальных социологических опросов, автор реконструирует во многом сенсационную картину динамики изменений сексуальной морали в России.

Научное издание

Сергей Исаевич Голод

ЧТО БЫЛО ПОРОКАМИ, СТАЛО НРАВАМИ
Лекции по социологии сексуальности

Редактор

Р.А. Гаевский

Корректор

Г.Н. Володина

Компьютерная верстка

Ю.В. Танущина

ИД № 02944 от 03.10.2000 г.

Подписано в печать.

Формат 84x108/32. Бумага офсетная №1.

Гарнитура «Ладомир». Печать офсетная.

Печ. л. 7,5. Тираж 2000 экз. Заказ № 3496

Научно-издательский центр «Ладомир»

124681, Москва, ул. Заводская, д. 6-а

Тел. склада: (095) 533-84-77. E-mail: ladomir@mail.compnet.ru
lomonosowbook@mtu-net.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов в ОАО «ИПП «Курск».
305007, г. Курск, ул. Энгельса, 109.

E-mail: kursk-2005@yandex.ru
www.petit.ru

ISBN 5-86218-404-X

В СЕРИИ
«РУССКАЯ ПОТАЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
вышли:

1. Девичья игрушка, или Сочинения господина Баркова.
2. Под именем Баркова: Эротическая поэзия XVIII — начала XIX века.
3. Стихи не для дам: Русская нецензурная поэзия второй половины XIX века.
4. Русский эротический фольклор: Песни. Обряды и обрядовый фольклор. Народный театр. Заговоры. Загадки. Частушки.
5. Анти-мир русской культуры: Язык. Фольклор. Литература. *Сб. статей.*
6. Секс и эротика в русской традиционной культуре. *Сб. статей.*
7. Заветные сказки из собрания Н. Е. Ончукова.
8. Народные русские сказки не для печати; Русские заветные пословицы и поговорки, собранные и обработанные А. Н. Афанасьевым.
9. В. И. Жельвис. Поле брани: Сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира. (1-е изд., 2-е изд.)
10. Русский школьный фольклор: От «вызываний» Пиковой дамы до семейных рассказов.
11. Заветные частушки из собрания А. Д. Волкова. В 2 т.
12. *Анна Мар.* Женщина на кресте.
13. *А. П. Каменский.* Мой гарем.
14. Эрос и порнография в русской культуре. *Сб. статей.*
15. *М. Н. Золотоносов.* Слово и Тело: Сексуальные аспекты, универсалии, интерпретации русского культурного текста XIX — XX веков.
16. «А се грехи злые, смертные...»: Любовь, эротика и сексуальная этика в доиндустриальной России (X — первая половина XIX в.). *Сб. материалов и исследований.*
17. «...сборище друзей, оставленных судьбою»: Л. Липавский, А. Введенский, Я. Друскин, Д. Хармс, Н. Олейников: «чинари» в текстах, документах и исследованиях. В 2 т.
18. «Тайные записки А. С. Пушкина. 1836—1837: Перевод с французского». (Публикация Михаила Армалинского.)
19. *Г. И. Кабакова.* Антропология женского тела в славянской традиции.
20. Национальный Эрос и культура. *Сб. статей.* Т. 1.
21. *С. Б. Борисов.* Мир русского девичества: 70—90 годы XX века.
22. *М. И. Армалинский.* «Чтоб знали»: Избранное. 1966—1998.
23. Рукописи, которых не было: Подделки в области славянского фольклора.
24. *М. Н. Золотоносов.* Братья Мережковские. Кн. 1: Отщепенis Серебряного века.
25. «А се грехи злые, смертные...»: Русская семейная и сексуальная культура глазами историков, этнографов, литераторов, фольклористов, правоведов и богословов XIX — начала XX века. *Сб. материалов и исследований.* Книги 1—3.
26. *Д. Ранкур-Лаферьер.* Русская литература и психоанализ. *Сб. монографий и статей.*
27. «Злая лая матерная...» *Сб. ст. под ред. В.И. Жельвиса.*
28. *С.И. Голод.* «Что было пороками, стало нравами»: Лекции по социологии сексуальности.
Серия издается с 1992 года.

НАУЧНО-ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР «ЛАДОМИР»
В СЕРИИ «РУССКАЯ ПОТАЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
готовит к изданию

С. К. ЛАЩЕНКО
СМЕХОВОЙ МИР ЯЗЫЧЕСТВА

Издание посвящено изучению магической смеховой традиции славян. Необычайно характерная для исторического прошлого нашего народа, она долгое время ревностно оберегалась от чужих глаз. Лишь иногда, да и то в отрывочном виде, прорывалась она в «большую» культуру, сразу же вызывая нападки, порождая настороженное и отчужденное восприятие не только у носителей церковной и государственной власти, но и в народной среде, в кругу обывателей различной социальной принадлежности. Между тем смеховая магия была необычайно характерна для языческих погребальных и свадебных ритуалов. На их основе вырастал мощный смеховой комплекс языческих календарных обрядов. К этим традициям обращались писатели и музыканты, художники, поэты...

Любые книги «Ладомира»
можно заказать наложенным платежом
по адресу: 124681, Москва, Заводская, д. 6а, НИЦ «Ладомир».
Тел.: (095) 537-98-33;
тел. склада: (095) 533-84-77.
E-mail: ladomir@mail.compnet.ru
lomonosowbook@mtu-net.ru
Для получения бесплатного перспективного плана издательства
и бланка заказа вышлите по этому же адресу
маркированный конверт.

НАУЧНО-ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР «ЛАДОМИР»
В СЕРИИ «РУССКАЯ ПОТАЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
готовит к изданию

БЕЛОРУССКИЙ ЭРОТИЧЕСКИЙ ФОЛЬКЛОР

Эротическая тематика присуща практически всем жанрам традиционного фольклора белорусов. Женщина и мужчина, их любовные и интимные взаимоотношения с разной степенью «прозрачности» описаны в произведениях устного народного творчества, собранных в данном томе. Обрядовый фольклор в сборнике классифицирован согласно календарным (калядная и масленичная обрядность, весенние, купальские и жнивные песни) и семейным (родинная и свадебная поэзия) комплексам; внеобрядовая лирика и частушки представлены коллекциями собирателей. В отдельные разделы помещены загадки и образцы народной прозы. Публикуются также отрывки из трудов известного ученого конца XIX – начала XX века М. Довнара-Запольского, посвященные эротической тематике в белорусском фольклоре.

Любые книги «Ладомира»
можно заказать наложенным платежом
по адресу: 124681, Москва, Заводская, д. 6а, НИЦ «Ладомир».
Тел.: (095) 537-98-33;
тел. склада: (095) 533-84-77.
E-mail: ladomir@mail.compnet.ru
lomonosowbook@mtu-net.ru
Для получения бесплатного перспективного плана издательства
и бланка заказа вышлите по этому же адресу
маркированный конверт.

К СВЕДЕНИЮ УВАЖАЕМЫХ АВТОРОВ

В серии «Русская потаенная литература» вы можете опубликовать свои научные труды – как монографии, так и сборники научных статей.

Сложилось устойчивое представление о том, что в этой серии мы издаем лишь то, что так или иначе связано с эротикой и обценной лексикой. На самом деле нас интересуют материалы, посвященные маргинальной русской культуре, тексты, исследующие приватное и публичное в частной жизни русского человека.

Например, мы бы с удовольствием выпустили сборник под условным названием «Русский фольклор на Брайтон-Бич», антологии и исследования городского фольклора, в том числе современного, сборники англосоветского, студенческого, лагерного фольклора, подборки текстов под общим названием «Россия глазами иностранцев» (французов, англичан, итальянцев, немцев, скандинавов и т. д.).

Что же касается основного, «эротического», направления серии, мы были бы заинтересованы:

- в сборниках трудов ведущих славистов мира;
- переизданиях классических, но малодоступных исследований как русского, так и в целом славянского фольклора (украинского, белорусского, болгарского, сербского и т. д.);
- сборниках анонимных эротических произведений, признанных классикой жанра;
- любопытных архивных документах;
- материалах по истории цензуры и нравов в России, и т. д.

Если у Вас имеется незначительный по объему текст, то он может быть помещен в одной из книг, готовящихся у нас к изданию.

«Ладомир» открыт к сотрудничеству.

Предложения Вы можете присылать по адресу:

124681, Москва, Зеленоград, ул. Заводская, ба.

Тел: (095) 537-98-33

Факс: (095) 537-47-42

E-mail: ladomir@mail.compnet.ru

lomonosowbook@mtu-net.ru